
ОГОНЁК
№ 3 ЯНВАРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ново-Краматорский машиностроительный завод имени Сталина (Электросталь, Московская область). В редукторном цехе.
Фото М. Савина.

На первой странице обложки: Первые шаги.

Фото О. Кнорринга.

ОГОНЁК № 3 (1492) 15 ЯНВАРЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Полеты над Антарктидой

Свыше десяти тысяч миль осталось позади. Флагман советской научной Антарктической экспедиции дизель-электроход «Обь» закончил переход по морям и океанам. Утром 5 января судно вошло в залив Депо моря Дэвиса. Достигнуты берега шестого континента!

В ясную, солнечную погоду две партии ученых спустились с борта корабля и обследовали прибрежный район в поисках подходящего места, где расположится поселок Мирный. На материк спустился также авиационный отряд экспедиции во главе с И. И. Черевичным.

Внезапно погода резко изменилась. Поднялась неистовая пурга. Самолет, выгруженный на берег, пришлось убрать на носовую палубу. Это удалось сделать с большим трудом силами моряков и полярников.

Когда ураган улегся, руководители и участники экспедиции вышли на лыжах на рекогносцировку местности. На временной площадке поставили палатку с запасом продовольствия.

8 января над кораблем поднялся вертолет. Летчики совершили пробный рейс, а затем более продолжительный полет.

Е. РЯБЧИКОВ

Борт дизель-электрохода «Обь».

(См. в номере «У БЕРЕГА АНТАРКТИДЫ»).

На снимке: самолет на борту «Оби».

Навстречу XX съезду КПСС

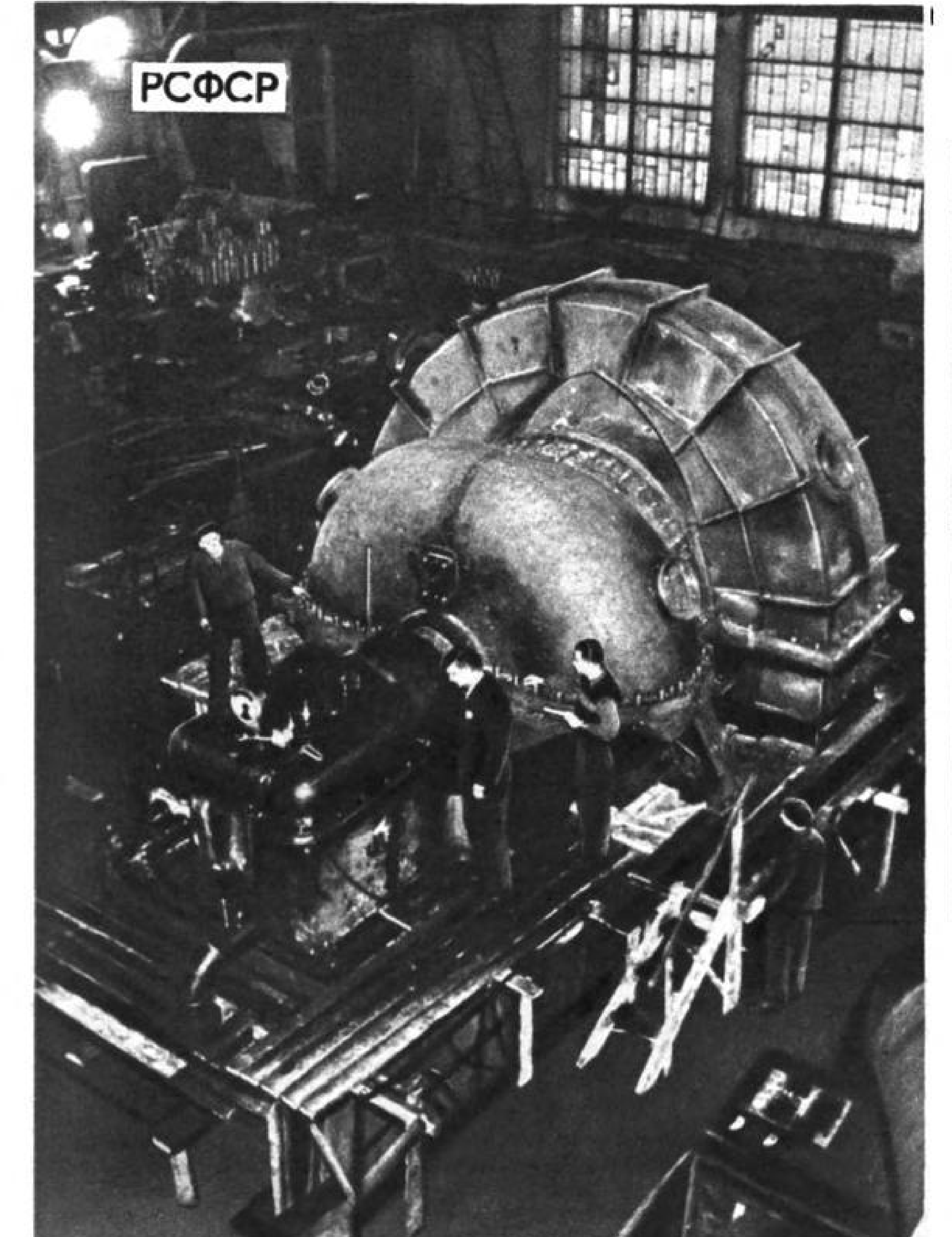
«С первых дней января седьмой промысел «Лениннефти» дает горючее сверх плана, и к съезду партии в резервуары поступит 250 тонн сверхплановой нефти»,— сообщают из Азербайджана.

«Наш подарок съезду — 5 000 тонн коксующегося угля, ввод в действие двух новых лав»,— пишут с Украины горняки шахты имени Орджоникидзе.

Белорусские металлурги с Могилевского завода уже сейчас, за месяц до XX съезда, достигли немалого успеха: производительность каждого прокатного стана увеличена по сравнению с первым годом пятой пятилетки более чем вдвое.

Первый сверхплановый чугун поступил с новой мощной домны Челябинского металлургического завода... Расширяют ассортимент продукции на Ереванской шелкоткацкой фабрике имени Ленина... Пополняется новыми именами Доска почета Молдавской ССР — сюда заносятся имена лучших доярок, добившихся за год по 2 500 и более килограммов молока на корову... Полностью закончен ремонт тракторов и завершается подготовка прицепного инвентаря в Каскеленском зерносовхозе, одном из крупнейших в Казахстане... В Литве, на Каунасском заводе железобетонных изделий, вступил в строй цех крупных стеновых блоков — теперь завод будет выпускать ежемесячно около тысячи кубометров сборных железобетонных конструкций для городских и сельских строек...

Труженики всех шестнадцати союзных республик встречают XX съезд КПСС новыми достижениями. Ярко демонстрирует многонациональный советский народ свою преданность партии, великому делу строительства коммунизма.

← Ленинградский Металлический завод имени Сталина. Здесь успешно проведены испытания газовой турбины низкого давления. На снимке: турбина на стенде.

Фото Н. Ананьева.

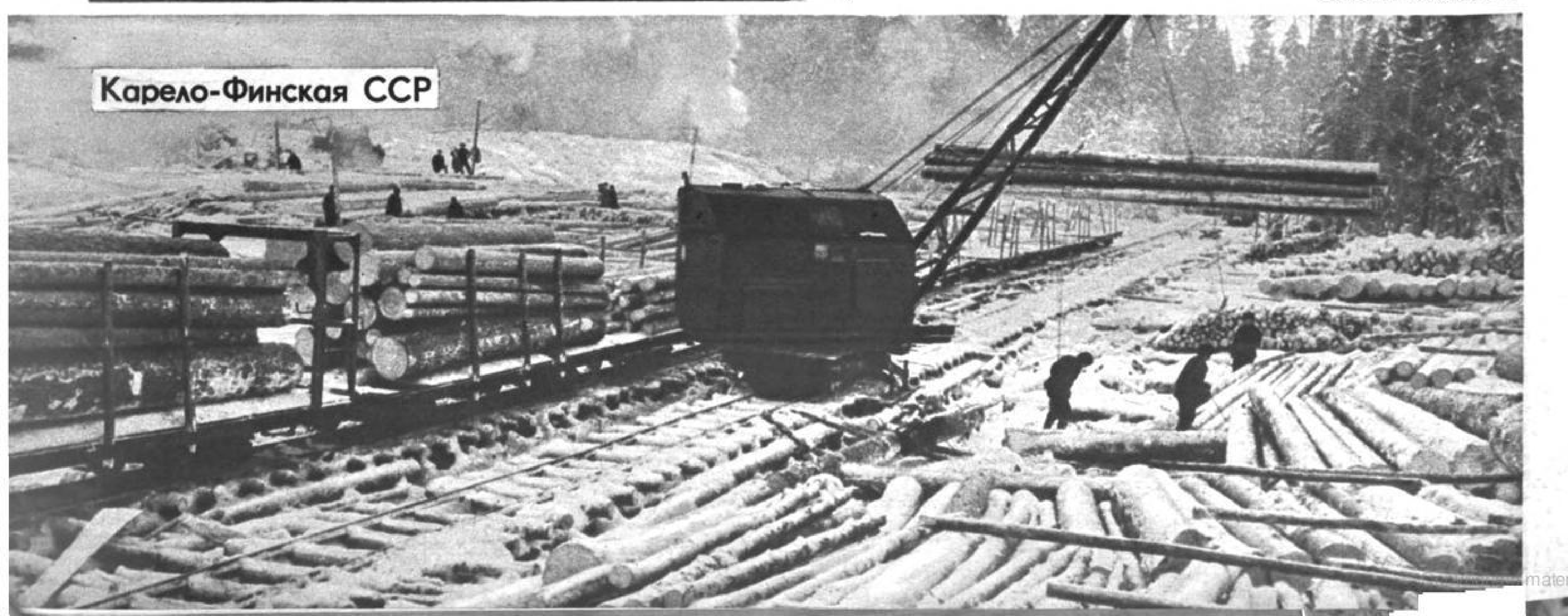

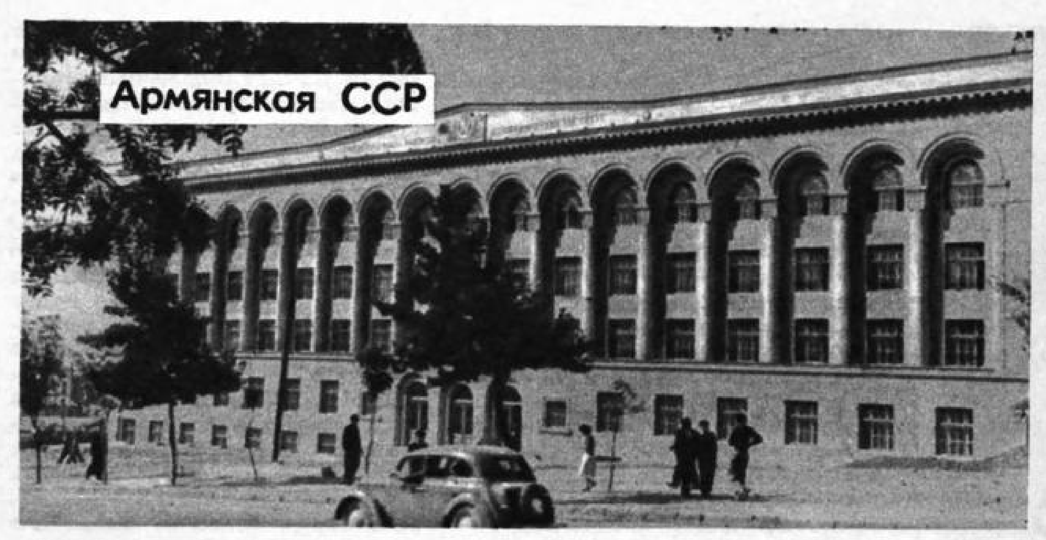
Киевский шелкокомбинат. Коллектив комбината взял обязательство выпустить сверх плана 90 тысяч метров шелковых тканей. Включившись в соревнование в честь XX съезда КПСС, коллектив комбината уже дал сверх плана не 90, а 139 тысяч метров шелковых тканей. На снимке: в набивном цехе комбината.

Фото Н. Козловского.

На лесных предприятиях Карело-Финской ССР в честь XX съезда КПСС развернулось социалистическое соревнование. Достойное место в соревновании занимает коллектив Пяжиевосельгского леспромхоза треста «Южкареллес». На снимке: погрузка леса паровым краном. ↓

Фото П. Беззубенко.

В Ереване закончено строительство первой очереди Политехнического института имени Карла Маркса. Предстоит возвести еще четыре корпуса для гидротехнического, строительного, механического и электротехнического факультетов.

Фото Л. Раскина.

«Длинные руки» подъемных кранов движутся над строительной площадкой. Они подносят к стенам нового здания тяжелые бетонные плиты, и стены быстро тянутся вверх. Этот новый метод строительства из армированных железобетонных плит применяется в Таллине на строительной площадке швейной фабрики.

Плиты идут на стройку с завода, который сам еще недавно был новостройкой. Всего несколько месяцев назад Таллинский завод железобетона вступил в строй и дал первую продукцию — бетон. Теперь в честь XX съезда партии коллектив завода осваивает производство железобетона.

Вся продукция этого предприятия — десятки тысяч кубометров бетона, железобетона, пенобетона и строительных растворов — пойдет на строительные площадки эстонской столицы. На снимке: общий вид Таллинского завода железобетонных изделий.

Фото С. Розенфельда.

В Молдавии вступил в строй один из крупнейших в стране Гиндештский сахарный завод. Завод сооружен по последнему слову техники и рассчитан на переработку в сутки 25 тысяч центнеров сахарной свеклы.

Фото А. Шапиро.

→

С высоты 28-метровой эстакады открывается панорама строительства Кайраккумской ГЭС. Лениво набегают на песок мутные воды Сыр-Дарьи. Река пока еще сохраняет покой.

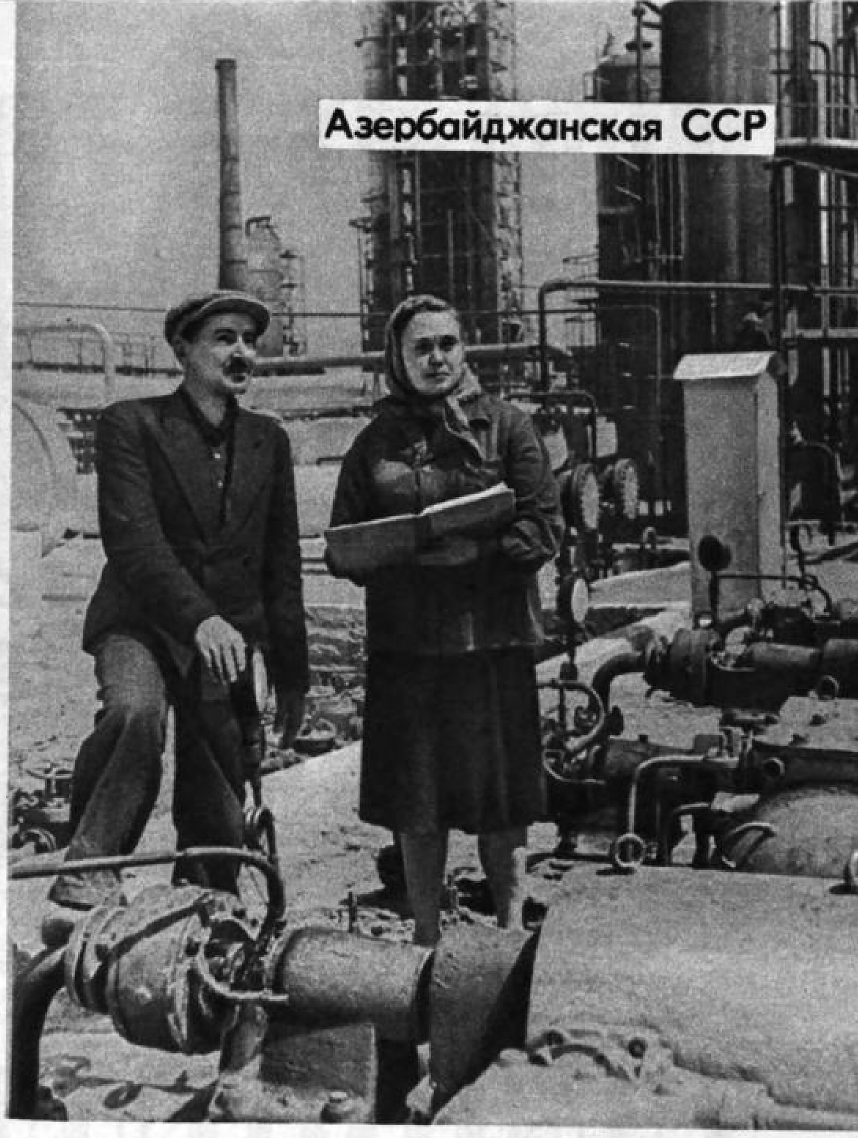
По наплавному мосту от каменных карьеров правого берега непрерывно движутся мощные минские самосвалы. Они везут гравий для бетонного завода. На левом берегу — лязг металла, огни электросварки, плавные взмахи стрел мощных подъемных кранов и экскаваторов. Здесь рождается крупнейшая в Средней Азии гидроэлектростанция.

«Кум» — пустыня... Само название Кайраккумской ГЭС говорит о том, что она сооружается в некогда пустынных местах. Мощная электростанция даст дешевую электроэнергию промышленным предприятиям Ленинабадской области Таджикской ССР, Ташкентской и Ферганской областям Узбекистана.

Весной 1956 года намечено перекрыть русло Сыр-Дарьи. Капризная горная река пойдет путем, указанным человеком, вращая лопасти мощных турбин.

На снимке: строительство Кайраккумской ГЭС.

Фото А. Палехова.

Бакинский нефтеперерабатывающий завод. На установке бригадира А. Багирова вырабатывается горючее по новой технологии. Бригада уже дала сверх плана, в подарок XX съезду партии, 11 эшелонов нефтепродуктов.

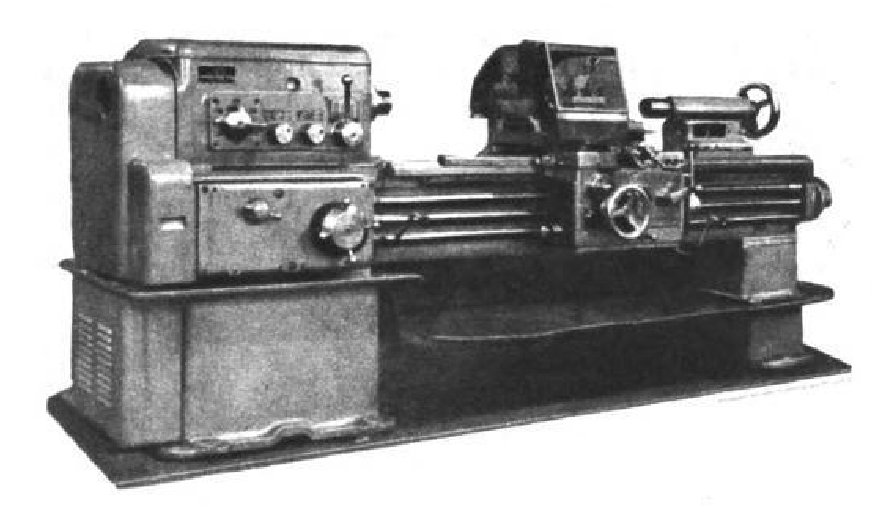
Среди передовых нефтепереработчиков хорошо известна вахта оператора Н. Гришиной, работающей на одной из мощных установок по производству высокооктанового бензина. Вахта Н. Гришиной выдала дополнительно к плану 1955 года 4 тысячи тонн горючего.

На снимке: бригадир А. Багиров и оператор Н. Гришина в своем цехе.

Фото С. Кулишова и В. Калинина.

НОВЫЕ СКОРОСТИ

Л. ЛЕРОВ, А. СТАРКОВ

Фото С. Фридлянда.

Он совсем еще юн, герой нашего рассказа, ему чуть больше года, но он уже побывал в переделках, навиделся, наслышался. И что касается справедливой критики, то, как и подобает героям нашего времени, он ее не боится. Он закален по этой части, как никто другой. С момента его появления на свет божий ему не давали и секунды покоя, строго экзаменуя по всем статьям. И хотя кое-что в нем не нравилось, большинству познакомившихся с ним он крепко пришелся по душе. Его полюбили той настоящей, неподдельной любовью, которая тем и сильна, что видит недостатки в возлюбленном и верит в их исправление, раз основа хорошая. Были, понятно, и скептики. А как же без них?

Он поездил, побывал за морями. Видели его в Стокгольме, понравился там. А ныне он направляется в Лейпциг. Пока путешествовал за границей, у него появились на родине братья, которые, освободившись от ряда недостатков своего старшего братца, восприняли все его достоинства и приобрели новые положительные качества. Но об этом особый разговор. А сейчас, пожалуй, пора назвать имя нашего героя: «1К62».

Непосвященному этот шифр ни о чем не говорит. А производственнику все ясно: токарная группа («1»), модель «К», универсальный станок («6»), высота центров — 0,2 метра («2»).

...Станок этот возник не на пустом месте. У него были предшественники, рассказ о которых следует, пожалуй, начать с драматической истории о том, как однажды в заводской лаборатории люди в суровом молчании подписывали тяжкий приговор своему же детищу: «Провалился!»

Трудно было смириться с этой мыслью. За скромной буквой «М» — «модернизированный»,— прибавившейся к названию устаревшего станка «1А62», каждый видел и самого себя и своих товарищей по работе, с их бессонными ночами, с их долгими поисками и большими надеждами...

Но испытатели сказали:

— Не годится! Шпиндель, суппорт, вся конструкция не выдерживает нагрузки...

И «старик», известный всей стране токарный станок «1А62», попрежнему оставался единственным массовым станком в заводской номенклатуре.

Мрачнее тучи ходили в те дни конструкторы. В кабинетах директора, главного инженера собирался цвет станкостроителей. И все разговоры сводились к одному, наболевшему.

...Промышленность требует нового, более совершенного станка. Токари-скоростники продолжают наседать. Их уже не удовлетворяет «1А62» с его 1 200 оборотами шпинделя в минуту и мощностью в 7 киловатт. А давно ли он сменил «ДИП», станок, родившийся в тридцатые годы и получивший свое название по лозунгу «Догнать и перегнать», который не сходил в то время со страниц газет? Давно ли запевалы армии токарей-скоростников Борткевич, Быков, Семинский приветствовали конструкторов, давших станок, который помог им развернуть их способности? А вот теперь они платят, можно сказать, «черной неблагодарностью». Выжав из этой машины все, что возможно, заявляют: «1А62» нас теперь не устраивает».

Станкостроители пытались объективно разобраться в сложной обстановке. В чем дело? Почему «ДИП» прожил более пятнадцати лет, а «1А62» состарился за пять? Может, сделан хуже? Нет, он обладает неплохими конструктивными качествами и в свое время считался вполне прогрессивной машиной. Но вот это-то «свое время» становится теперь у машин все короче и короче. В наш век они безнадежно стареют не за 10—15 лет, а уже за какие-нибудь 3—4 года. И с этим надо считаться.

Что случилось со станком «А»? Вернее, что произошло в цехах, где он стоял? Скоростное резание продолжало неудержимо развиваться. Да к нему еще с легкой руки волжанина Колесова прибавилось и силовое резание. Ныне токарям недостаточно, что шпиндель с деталью вращается быстро. Они хотят, чтобы и суппорт с зажатым в нем резцом двигался быстрей и чтобы сам резец глубже вгрызался в металл. И вот тут «1А62», недавно считавшийся передовым станком, стал помехой: он сдерживал действия токарей. Чем им помочь, что обещать? Попытаться и дальше совершенствовать старый станок? Но последние испытания рассеяли все иллюзии: пожалуй, никогда уже буква «М» не станет рядом с «1А62»,— достигнут «потолок», исчерпаны все возможности дальнейшей модернизации.

Вывод был очевиден: большую задачу нельзя решить полумерами. А ведь до последнего времени перед глазами тех, кто проектировал новые станки, неотвязно маячил старый «1А62». Конструкторы в своих поисках боялись оторваться от него. Та же станина, тот же «фартук», та же система управления... А надо было идти принципиально новым путем.

И вот на стол ложится проект, предложенный бригадой лауреата Сталинских премий конструктора Валентина Тихоновича Левшунова, того самого Левшунова, которого ветераны-краснопролетарцы помнят фабзайчонком, парнишкой с Шаболовки. Сын Тихона Терентьевича Левшунова, всеми уважаемого слесаря, поступившего на завод еще в прошлом веке, Валя был среди тех молоденьких токарей, что с комсомольским задором в тридцатые годы обрабатывали детали для первой партии «ДИПов». Однажды мастеру участка Смирнову понадобился какой-то чертеж в конструкторском бюро, и он послал туда Левшунчика, как все называли в цехе худенького, быстрого на ногу токарька. Левшунчик мигом взбежал по крутой лестнице на четвертый этаж, распахнул дверь и застыл у входа, пораженный обилием света и тишиной, царившей в зале. Вся эта огромная комната была уставлена треногами с чертежными досками, на которых белели широкие листы бумаги. Люди в синих халатах работали около треног молча, сосредоточенно. Слышно было, как сломался карандаш у кого-то в дальнем углу... И Вале Левшунову неудержимо вдруг захотелось в этот новый для него мир строгих линий и точнейших расчетов. Он готов был идти сюда кем угодно — уборщиком, подносчиком чертежей, курьером,— лишь бы быть здесь... Так он стоял и стоял на пороге, пока чей-то голос не вывел его из оцепенения: «Вы к кому, товарищ?»

...И вот теперь конструктор Валентин Тихонович Левшунов находится перед лицом тех, кто когда-то вывел его в люди. Он полон тревоги, сомнений: хорош ли его проект?

В названии предложенного станка изменилась лишь буква: вместо «А»—«К». Но это значило, что рождается действительно новая, совершенно непохожая на своих предшественниц машина.

Скорость — 2 тысячи оборотов, мощность — 10 киловатт...

Но не только эти показатели удивляли знатоков, рассматривавших чертежи. У лучших иностранных станков примерно такая же скорость и такой же силы мотор. Однако ни у одного из этих заграничных станков и ни у какого другого у нас не было того, что задумал Левшунов с товарищами. Не было рукоятки, которая автоматически управляет кареткой и суппортом. Вот эта-то рукоятка и привлекала всеобщее внимание в проекте, представленном бригадой Левшунова.

Встречали вы токарей с многолетним стажем? Не правда ли, большинство из них сутуловато? Это профессиональное. Это от того, что они долгие часы проводили согнувшись над станком, не выпуская из рук низко расположенные маховички, без которых не подашь и не отведешь суппорт с резцом. Прошел резцом по детали—отведи его, потом снова подай в исходное положение; снял стружку—опять отведи... И все руками, согнувшись над станком. Вот откуда сутулость, вот откуда вечные, несходящие мозоли на ладонях... Даже такие мастера, как Генрих Борткевич, Павел Быков, Сергей Бушуев, покоряя необычайные скорости, были вместе с тем «прикованы» к злосчастному маховичку. Угрожающе нарастал глубокий разрыв между машинным временем и вспомогательным, между теми быстро летящими секундами, когда резец работает, и теми медленными минутами, когда его готовят к работе. То, что токарь-скоростник выигрывал, увеличивая обороты, он тут же терял, передвигая каретку или суппорт вручную.

А теперь представьте, как стоит токарь около «1К62». Он стоит в полный рост! И руки его свободны. Они только время от времени нагибают легкую рукоятку: влево, вправо, вперед, назад. И суппорт с резцом сразу же послушно движется в ту сторону, куда ему указывает рукоятка. А если еще нажать кнопочку, движение ускоряется.

В чертежах и объяснительной записке к ним все выглядело

весьма заманчиво. А как будет в металле?

...Испытание нового станка проходило в заводской лаборатории. Тут собраны мастера высшей квалификации, можно сказать, токари-исследователи, через руки которых проходят все новые машины. Сюда не поставят человека, плохо знающего дело. Но испытание «1К62» поручили лучшим среди лучших...

Жаркие это были дни в заводской лаборатории. И нервничали и горячились. Не все, конечно. Вот ведет испытание Юрий Королев. Молодой человек, он не по возрасту спокоен, рассудителен. Даже удивительно иногда бывало. Подойдет к нему токарь — годов ему за пятьдесят,— волнуется, кричит, не очень стесняясь в выражениях, ругает рукоятку — чего не наговоришь во время испытаний нового станка, когда люди страстно спорят, высказывая порой самые неожиданные точки зрения. Вот и сейчас старику что-то не нравится в станке, и он ершится, наскакивает на Юрия. А этот, не повышая голоса, выдавит из себя два — три словечка и молчит, уверенно продолжая делать свое дело и окончательно тем самым выводя из терпения критика. Что же, пусть критикуют — Юрию станок нравится.

У другого станка стоит Степан Федорович Смирнов — это он когда-то посылал юного Валю Левшунова за чертежами в конструкторское бюро. Смирнов тоже спокоен, нетороплив в движениях. «Эрудит»,—говорят о нем товарищи. Но и он иной раз распалится. Тут как-то отскочивший на огромных оборотах кусок горячей стружки угодил в волосы токарю, работавшему в лаборатории на новом станке. В воздухе запахло паленым, и рабочий даже запрыгал на одной ноге. В это время в лабораторию вошел Левшунов. Увидев конструктора, Смирнов кинулся ему навстречу. Валентин Тихонович от неожиданности отступил к двери, чуть не выронив зажатую подмышкой папку.

— Ты погляди, Валентин Тихонович! Последние волосы вон тому старику жжешь. Он скоро от твоих двух тысяч оборотов лысым станет. А о людях где твоя забота? Где ограждение от стружки? Где защитный козырек, я тебя спрашиваю...

— Вот он,— улыбаясь, сказал Левшунов и протянул чертеж.

Смирнов тут же умолк и, развернув лист, начал его рассматривать.

И они пошли к станку.

Все эти дни в лабораторию наведывались токари из цехов. Приходили и с других заводов. Прослышав о новом станке, люди спешили его увидеть. Левшунов разрешал желающим проверить конструкцию. И Смирнов получал истинное наслаждение, когда какой-нибудь токарь по привычке нагибался, чтобы взяться за маховик.

— Был, да сплыл! — восклицал в таких случаях Степан Федорович.

А когда у него просили гаечный ключ, чтобы закрепить заднюю бабку, он даже обижался:

— Что вы! Наша фирма давно покончила с этим пережитком прошлого. Извольте нажать вот этот рычажок. Готово! Бабка уже закреплена. Минимум физических усилий!—вот наш лозунг, уважаемый товарищ...

Одобрительные замечания испытатели принимали как должное, а к критическим относились ревниво, возражали, спорили, прямотаки зажимали критику. Левшунову приходилось то и дело одергивать их.

Станок прошел предварительные испытания, его одобрила заводская приемочная комиссия, теперь ожидали комиссию, назначенную министерством. Ее состав был необычен —из семи членов пятеро токари: москвичи Георгий Ахлестов, Сергей Бушуев, Павел Быков, харьковчанин Василий Дикань; от «Красного пролетария» в комиссию входил токарь Смирнов Степан Федорович.

Принцип, по которому комплектовалась комиссия, был, видимо, такой: станок для токарей,— пусть сами токари и принимают. Что ж, это правильно!

Итак, начался государственный экзамен. Станок сдавал комиссии Юра Королев. Не волнуясь, он пункт за пунктом выполнял программу испытаний. Юра исполнил все работы, положенные универсальному токарному станку: от грубой обдирки деталей до точнейших резьб. Даже сверловку продемонстрировал. Некоторые операции Юра терпеливо повторял по требованию членов комиссии. Экзаминаторы не торопились. Когда юрины функции были исчерпаны, каждый из токарей, принимавших станок, заново проделывал всю программу от начала до конца... Юра Королев — отличный специалист, но все-таки он еще кандидат токарных наук, а тут пошли доктора! И даже людям, повидавшим на своем веку разных токарей, трудно было глаза отвести от этого великолепного искусства. Тем более, что и Быкову, и Бушуеву, и всем остальным станок определенно нравился, это было видно по всему, и они работали с наслаждением. А живой, непосредственный Быков, у которого на лице написаны все его чувства, всякий раз, берясь за магическую рукоятку, мгновенно передвигающую суппорт, не скрывал своего восхищения, победно поглядывая на окружающих. И еще ему нравилось, что поперечная подача у станка равна продольной. Он, Быков, высказал однажды такое пожелание в печати, и вот, пожалуйста, конструктор учел его просьбу...

Станок гоняли уже почти неделю. Но ему предстояло еще самое тяжкое — сверхрежимы! Такие скорости, такие нагрузки, которые не предусмотрены ни в одном техническом паспорте... Это чтобы найти в машине слабинку, уязвимые места. Поставили огромную болванку, включили, казалось бы, предельную подачу и наивысшую для такой подачи скорость, вогнали резец в сталь чуть не на двадцать миллиметров. Но подошел Быков и прибавил скорость, Быкова сменил Бушуев и увеличил подачу, Бушуева — Дикань, который еще глубже всадил резец. Ахлестов в долгу не остался... Дым взвился над станком! Все загудело внутри него. Ощущение такое, будто струны какие-то напряглись в машине до предела, вот-вот лопнут, и она разлетится в куски. Подошел к станку Смирнов. Казалось, что этот свой, краснопролетарский, пожалеет... А он еще «рванул» скорость и подачу. Если б машина могла стонать, она невольно застонала бы и взмолилась о пощаде...

О памятных этих минутах нам рассказывал начальник заводской лаборатории Петр Васильевич Губаренко:

— Мне не надо смотреть на контрольный аппарат, я и так чувствую, что нагрузка сверх всякой меры. А Юра Королев шепчет мне: «Двадцать три киловатта!» Ого, более чем двойная мощность! Гляжу на стоящего рядом Левшунова. На лице у Валентина Тихоновича ничего не прочтешь,

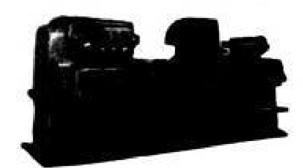

В заводской лаборатории. Токари, работающие на «1К62», и конструктор еще раз просматривают детали разобранного станка: «Выдержали ли испытание?» Слева направо: А. Лисундия, В. Левшунов, В. Шумилин.

Только что закончилось последнее испытание нового станка. Вокруг собрались члены государственной комиссии, конструктор... Решили сфотографироваться на добрую память. Слева направо: токари Г. Ахлестов, С. Бушуев, П. Быков, главный технолог конструкторского бюро Министерства станкостроения СССР Д. Шишеев, токарь С. Смирнов, конструктор В. Левшунов, токарь В. Дикань.

НОВЫЕ

СКОРОСТИ

разве только губы чуть покрепче сжал и желваки под правой щекой заходили. А вот всегда спокойный Юра, тот сейчас уже на высшей точке кипения. Всем телом подался вперед, побледнел, на лбу выступили бусинки пота. Держится, молчит, но вся его фигура, взгляд его умоляющий взывают к нам: «Что же вы, товарищи, терпите? Да разве ж можно так истязать машину?..» А когда Быков снова подошел к станку, Королев даже отвернулся. Но Быков сказал: «Хватит, пожалуй» — и выключил скорость, поставив рукоятку в среднее положение,— стоп, суппорт!

И сразу же начали разбирать станок. Вижу, что члены комиссии волнуются не меньше нас. Как только вынули шпиндель, все разом наклонили головы. «Как подшипники?» «Хороши!— выдохнул с облегчением Бушуев.— Все в порядке». Шестерни, валики, муфту фрикционную — все осмотрели с пристрастием. Нигде ни вмятины, ни царапины... Поставили детали на прежние места и провели еще один цикл испытаний — на точность и чистоту резьбы. И, снова убедившись, что все сверхпредельные скорости и нагрузки никак не повлияли на станок, завершили на этом трудный, жестокий экзамен. В тот день на добрую память все экзаминаторы сфотографировались у станка, и теперь этот снимок висит у нас в лаборатории..

Юрий Королев у нового станка.

После того, как комиссия приняла станок и рекомендовала в серийное производство, паломничество к новой машине усилилось. На «Красном пролетарии» уже не осталось, кажется, токаря, который не испытал или не осмотрел ее со всех сторон. Приезжали и с ЗИСа, с «Динамо», с завода имени Владимира Ильича, с «Калибра». Начали появляться и иногородние. Из Одессы приехал Григорий Нежевенко, из Ленинграда — Генрих Борткевич... Станок, таким образом, проходил настоящий, широкий общественный смотр. А затем министерство провело совещание токарей, технологов, конструкторов, посвященное обсуждению нового станка. Не обошлось без споров, без столкновения диаметрально противоположных суждений. Но общее мнение было почти единодушно: машина получилась, скорее бы ее на производство!

Левшунов сменил за короткий срок с десяток блокнотов, записывая советы, замечания, предложения. Часть из них была легко выполнима и тут же претворялась в жизнь. Быков попросил поднять повыше лампочку над защитным кожухом, чтобы свет не бил в лицо. Сделали. Смирнов посоветовал перенести подальше от шпинделя делительное колечко. Пожалуйста! Мастер Коровин из первого механического цеха предложил ходовой винт делать потолще — прибавили четыре миллиметра...

Валентин Тихонович поехал со своим станком в Стокгольм, на выставку. Там ему приятно было убедиться, что «1К62» и по скоростным режимам и по мощности стоит в первом ряду станков, выставленных различными фирмами. А что касается управления станком, то превосходство советской конструкции было всеми признано. Наши внешнеторговые организации получили сразу несколько заявок на «1К62».

Пока Левшунов отсутствовал, в лаборатории закончили сборку пяти опытных образцов. Два оставили у себя, а три передали цехам. В первом механическом станок получил Виктор Шумилин, во втором — Август Лисундия, в инструментальном — Петр Сельцов. Вернувшись из Швеции, Валентин Тихонович в тот же день обошел всех троих.

Теперь, когда три «К» стояли в цехах рядом со старыми станками, всем были видны преимущества новых машин. Да никто этого и не собирался оспаривать. Но, удивительное дело, как только речь заходила о запуске новой модели в серию, где-то что-то стопорило... Начинался неопределенный, туманный разговор, что-де машина, конечно, неплохая, но сложновата в изготовлении, потребует большой перестройки производства. В общем, не следует торопиться.

Но вот на июльском Пленуме ЦК КПСС в докладе Н. А. Булганина раздалась суровая, но справедливая критика в адрес завода «Красный пролетарий», который робко и медленно осваивает новые машины. Присутствовавший на Пленуме главный инженер завода Анатолий Георгиевич Филатов слушал эти слова, и на душе у него было не очень весело. На следующий день он рано утром приехал на завод. А туда уже долетела молва: видимо, позвонили из министерства или из горкома партии. И когда Анатолий Георгиевич вошел в проходную, то встретившийся ему старый слесарь сказал, метнув сердитый взгляд поверх очков:

— Досталось...

Старик произнес это в полувопросительной интонации, без злорадства, без ехидной усмешки, но и без заискивающего сочувствия. Он сказал «досталось...» так, что это можно было в одинаковой мере отнести и к главному инженеру и к нему, старому слесарю, для которого, если ругают завод, значит, и его лично ругают. Он произнес лишь одно слово, но было в этом столько по-настоящему хорошего, с болью выраженного чувства, что у Анатолия Георгиевича сразу как-то потеплело на душе, и он сказал утвердительно:

— Досталось!

После июльского Пленума ЦК в цехах прошли партийные собрания. Всколыхнулся многотысячный трудовой коллектив. Критику приняли близко к сердцу все — от директора до вахтера: «Да, действительно, косность, консерватизм мешают двигаться вперед». Коммунисты требовали четкого и ясного решения: завод в 1956 году должен начать серийный выпуск новых станков.

Было произнесено много речей, принято много хороших обязательств. Среди них выделялось одно, и, пожалуй, главное: надо уже сейчас смело приступать к перестройке производства...

Все понимали: трудно будет. Шутка ли, ломать нужно все, что было так хорошо налажено за многие годы! Но разве не краснопролетарцы в 1944 году впервые в практике машиностроения перевели выпуск станков на поток? Справились тогда, справятся и теперь.

Крутой это был поворот в жизни завода. И, как всегда, на крутых поворотах с особой силой проявились лучшие качества советских людей — порыв, воля, инициатива, энтузиазм. Строить новые цехи запрещено. Нужно размещаться на старых площадях, продумать все до мельчайших деталей: куда какой станок поставить, как механизировать подачу деталей, как добиться того, чтобы трудоемкость новой, более сложной машины не превышала трудоемкости ее предшественницы. Быстро и правильно надо было решать сотни больших и малых вопросов. В широких цеховых пролетах, в коридорах заводоуправления запестрели призывные плакаты:

«Краснопролетарец! Внеси свой вклад в освоение «1К62»! Активно участвуй в обсуждении шестой пятилетки!»

И вот мы слушаем рассказ мастера Александра Петровича Голубцова о том, как кипели страсти, как горячился народ в те дни, когда в цехе обсуждали шестую пятилетку.

— Иной так на собрании разойдется, что не заметит, как на крик перешел, убеждает, доказывает, руками машет, не видя, что все давно согласны с ним. Самые что ни на есть тихони распалились. Глебушка Щагин, неприметный паренек, — я даже и голос-то у него какой не знал,— а на собрании берет слово и целую речь произносит. Предлагает сверловочную операцию перевести на фрезеровку. Так, говорит, выгодней, экономичней, я, говорит, все подсчитал. И в доказательство тут же на бумаге рисует, какой станок надо поставить, сколько шпинделей, сколько фрез. Ему с места в шутку: «Так ты же сверловщик. Работы лишишься». А он с полной серьезностью отвечает: «Не беспокойтесь. Не лишусь. Я и фрезеровщиком могу».

Простившись с Голубцовым, мы идем по цеху вместе с конструктором станка «1К62» Левшуновым. Обычно не очень-то словоохотливый, Валентин Тихонович на этот раз более милостив к нам.

— Все тут будем менять и менять... Этот цех целиком подвергнется реконструкции. Здесь появятся 136 агрегатных и специальных станков, которые способны проделывать одновременно множество операций. Перемены пойдут везде: и в заготовительных цехах, и в кузнице, и в термической, даже в малярной. Новая машина многое за собой тянет. От металлургов мы ждем «мертвую» сталь, которая не деформируется при обработке; от литейщиков — точное литье с минимальными припусками; от шарикоподшипниковой промышленности — новый тип подшипников. Вот какая в нашем большом хозяйстве плотная цепочка образуется! И когда я думаю обо всем этом, на душе становится неспокойно. Стóит ли наш станок всей этой огромной работы? Проснешься иногда ночью с такой мыслью и долго не можешь заснуть. А утром спешишь к Шумилину, или к Лисундия, или к Сельцову, чтобы еще раз посмотреть, как работает станок. Давайте и сейчас пройдем к Виктору Шумилину.

К этому токарю он неравнодушен, все в нем нравится Левшунову. В войну Валентину Тихоновичу пришлось работать сменным мастером, и он сразу приметил, как на соседнем участке появился ловкий, быстрорукий мальчуган, стоявший перед станком на ящичке. Он потом сошел с ящичка, этот парень, вырос, возмужал, вышел в отличные токари, в лауреаты Сталинской премии...

Даже не зная Шумилина, его легко отличить от всех токарей в пролете. Он стоит у станка в полный рост, и руки его свободны. Сбоку на станине горка обточенных колец.

— Ну как,— спросил Левшунов, подойдя к Шумилину,— не ругаешь?

— Чего ж ругать? Все нормально.

Левшунов уходит к другому станку, а мы долго еще любуемся работой токаря. Виктор Шумилин, как бы не замечая нас, снимает кольцо за кольцом и вдруг, словно продолжая вслух какую-то свою мысль, задумчиво говорит:

— Хороший он человек, очень хороший...

И мы понимаем, что это о Левшунове.

— Беспокойный! Наверно, уже делился с вами сомнениями? Превосходная сработана конструкция, а он все волнуется, тревожится, переживает... Честно говоря, мы все, конечно, переживаем. Машина пойдет не единицами, а тысячами... Вот я кольцо точил. Это уже для первой массовой партии!

80-ЛЕТИЕ Вильгельма ПИКА

Первая неделя нового года была ознаменована большим событием в жизни германского и международного рабочего движения: праздновалось 80-летие Вильгельма Пика — выдающегося борца за дело рабочего класса. В торжествах приняла участие Советская делегация, возглавляемая Председателем Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошиловым.

На снимке: Вильгельм Пик и К. Е. Ворошилов.

Фото Централбильд.

Письмо из Чехословакии

БАТЮ... В ГОТВАЛЬДОВ? НИКОГДА!

Недавно все мы в Готвальдове с удивлением узнали о «рождественских посланиях» из-за океана. Видите ли, там хотят помочь нам улучшить жизнь! Спасибо за такую «помощь»! Мы вывезли из Готвальдова (бывшего Злина) в мусорный ящик истории пана Батю и его лакеев. Нет такой силы, которая могла бы заставить нас вернуть этот мусор обратно в чистую горницу! Слова товарища Н. С. Хрущева о том, что возврата к старому нет, глубоко справедливы.

Смешно даже подумать о том, чтобы снова завести на нашем заводе старую систему штрафов и погонял, брани и побоев. Мы очень хорошо испытали «доброту» Бати на своей собственной шкуре. Я сам познакомился с одним из его прихвостней-погонял сразу же после поступления на завод в 1926 году. Я задал ему какой-то вопрос, касающийся «системы» Бати. А он ответил двумя пощечинами...

Сегодня мы идем другим путем. Рабочие нашего завода трудятся в человеческих условиях. Наши изобретатели за минувший год внесли 2 870 изобретений, которые позволили сэкономить почти 12 миллионов крон. Мы повысили производительность труда за год примерно на 8 процентов, и одновременно повысилась зарплата рабочих на 5 процентов.

А как заботился о людях Батя, которому принадлежал не только завод, но и город? Никогда не забуду, как продавалось с аукциона имущество моего друга, уволенного Батей. В 1934 году в Злине было 6 142 аукциона, на которых распродавалось имущество выброшенных за ворота рабочих. А в 1935 году число таких аукционов достигло уже 10 тысяч. Горе тому, кто впадал в немилость у пана шефа! «Непокорный» быстро вынужден был покидать «город хороших сапог». Люди боялись болеть, потому что, если рабочий болел хоть на день больше, чем позволял Батя, его автоматически увольняли с завода. А сейчас о здоровье трудящихся комбината «Свит» заботятся 34 врача. Рабочие и служащие бесплатно пользуются водолечением, горным солнцем и другими новейшими медицинскими средствами. Да разве можно перечислить все, что сделала наша родная народная власть для рабочего человека!

Так хозяйничаем мы, рабочие, на своем комбинате, хозяйничаем для себя, для блага всего народа. Мы доказали, что умеем руководить заводами лучше, чем когда-то руководил ими господин Батя, с которым мы навсегда покончили. А его покровителям мы говорим: возьмите его себе, он нам не нужен, честное слово!

Ф. Р. ДОЛЕЖАЛ

Обувной комбинат «Свит» в Готвальдове.

У ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ УРН

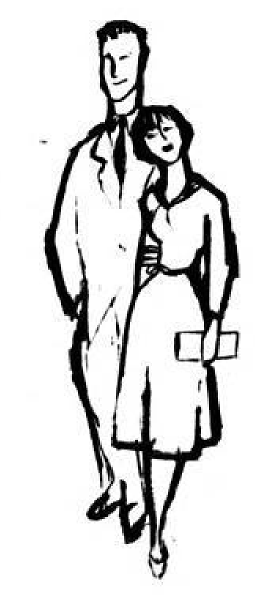
Жан-Пьер ШАБРОЛЬ

Зарисовки автора.

Новому, 1956 году было всего только тридцать два часа в ту минуту, когда по всей Франции открылись двери избирательных участков. Это будет суровый год, год еще более упорной борьбы за мир, год надежд для миллионов простых людей Франции на лучшую жизнь и подлинную свободу. И простые французы сказали свое слово, отдав голоса за демократические силы страны, внушительно подтвердив огромное влияние и растущий авторитет коммунистической партии в народе.

* * *

...Типичный французский сельский пейзаж. Поля, стаи ворон над ними, реденький дождик. Стадо коров бредет по дороге. Маленькая деревня Вилье-ле-Бакль в департаменте Сена и Уаза. Выборные лозунги здесь просто намалеваны белой краской на дощатой стене большого амбара.

Эти голосуют впервые.

В дверь избирательного участка входит старый крестьянин; его внешность в точности такая, какая вам приходит в голову, когда вы говорите «старый крестьянин»: накинутая на плечи вельветовая куртка, густые седые усы, тяжелые сапоги, толстая самодельная палка. За ним выстроились сразу семеро сельских охотников с ружьями за плечами, с собаками у ног. Трое сельскохозяйственных рабочих в синих комбинезонах перебрасываются отрывистыми замечаниями. Впервые в истории выборы во Франции — не в воскресенье; опустив бюллетень, батраки должны вернуться в поле, к обычной работе. Издалека все новые и новые люди спешат к урнам...

Крестьянин из Вилье-ле-Бакль избрал ту же партию, что и его сыновья-рабочие.

Из двери избирательного участка слышится: «Проголосовал!..» Старик-крестьянин выходит, на лице его важная торжественность. Обратившись ко мне, он говорит:

— Свой бюллетень я отдал за тот список, за который голосуют в Париже мои два сына. Мы уж так договорились. Они у меня токари на «Рено», сыновья. А рабочий люд известно за кого голосует...

Мне все было ясно.

* * *

Соседняя коммуна — Палезо. Пришлось спешно открыть там еще один избирательный участок: настолько велик наплыв голосующих. Особенно много молодежи, голосующей впервые. Из 1 015 зарегистрированных «новичков» к полудню уже опустили бюллетени 443.

— Молодежь валит валом! — замечает кто-то.

Юноши и девушки немного смущены непривычной обстановкой. Им по-отечески помогают старшие: показывают, где отметиться, где взять бюллетени, конверт, как пройти в кабинку. Впрочем, среди «новичков» много и пожилых людей, особенно женщин, тех, которые до сих пор не голосовали, упорно считая, что «политика не их дело». Сегодня домашние хозяйки из «простых» массами идут к урнам: они матери, вопрос о войне и мире, о судьбе сыновей близок их сердцам.

Очередь стоит весь день.

— От ста двадцати до ста шестидесяти голосующих в час! — объясняет мне помощник мэра.

Трогательное зрелище — старики-рабочие. Многие из них вспоминают о далеких временах, когда им еще приходилось добиваться права голоса.

Мохаммед бак Мохтар, житель квартала Ля-Шапелль, рабочий химического завода, голосует за коммунистов, потому что коммунисты предлагают справедливое решение вопроса об Алжире.

— Потом и кровью оплатили мы это право, — говорит один из стариков, снимая шляпу и торжественно приближаясь к урне. Он опускает конверт, поворачивается и говорит:

— За Мориса [1].

* * *

Дорога на Париж. Мелькают городки и поселки. Масси, Антони, Бур-ля-Реаль, Арней. Вот уже Орлеанские ворота, площадь Италии. Всюду толпы народа у предвыборных плакатов, у дверей школ, где стоят урны.

Избирательный участок № 1 тринадцатого округа... Чтобы проголосовать, надо подняться по нескольким лестницам. Не очень это гостеприимно, особенно для инвалидов и пенсионеров, которым приходится отдыхать через каждые десять ступенек... Но они упорно движутся вверх. Я заговариваю с одним из них, рабочим, недавно перешедшим на пенсию.

— Бывает, доберешься доверху, а тут тебе говорят: у вас не хватает такой-то бумажки, принесите. Но ничего, — улыбается он уверенно, — нас не утомишь! Сегодня весь трудовой Париж голосует как один человек! Слишком серьезное дело!

* * *

Да! Трудящиеся Парижа и все французы отчетливо поняли, что дело идет об очень серьезных вещах — о будущем Франции. День всеобщих выборов отразил в себе многое. Надолго запомнятся мне серьезные лица матерей, невест, суровая решимость рабочих, раздумье, которое читалось в глазах юношей, призванных в армию, отправляемых в Алжир. Мимо избирательных урн прошли люди, из бюллетеней которых сложился 5½-миллионный массив голосов, отданных за Французскую коммунистическую партию. Это был народ Франции, который пришел требовать правительства Народного фронта, социальных реформ, мира в Северной Африке, мира во всем мире.

Солдаты голосовали за мир в Алжире.

[1] Имеется в виду Морис Торез, коммунистическая партия.

У БЕРЕГА АНТАРКТИДЫ

Евгений РЯБЧИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Плавание к берегам Антарктиды окончилось. Флагманский корабль «Обь» завершил большой переход через моря и океаны вдоль берегов Европы и Африки к шестому континенту. После мыса Доброй Надежды исчезла в жарком мареве Африки последняя скалистая полоска земли. Покинув Атлантический океан, «Обь» вышла в Индийский океан. За кораблем летели ширококрылые гиганты-альбатросы, «Обь» сопровождали черные буревестники, носились стаями за кормой прожорливые капские чайки. Но чем дальше на юг уходил флагманский корабль, тем меньше оставалось птиц. Температура воды падала, повеяло осенью, все окрест стало серым, мглистым, туманным. И вдруг в океане показались киты. Высоко взлетающие фонтаны воды привлекали внимание обитателей экспедиционного корабля. На палубах только и слышались возгласы: «Кит! Кит!»

Наступили белые ночи с тем таинственным мерцающим светом в небе, который кружит голову, лишает сна. Только зайдет солнце, как в разлившемся над океаном тумане заструится легкий серебристый свет.

Белой ночью я поднялся в рулевую рубку. Капитан-дублер Андрей Федорович Пинежанинов стоял с биноклем в руках и всматривался в белесую туманную мглу. Видны были лишь волокнистые скопления тумана, откуда-то сыпалась снежная крупа. Пинежанинов отложил в сторону бинокль и подошел к черному раструбу радиолокатора. Наклонившись к экрану радиолокатора, он внимательно посмотрел и сказал:

— Впереди чисто, но скоро должны встретиться айсберги.

И вот памятный день. Вечером второго января судовое радио оповестило моряков и полярников:

— Слева по борту виден первый айсберг!

Вбежав на мостик, я увидел в дымчатой дали просвеченную таинственным голубовато-зеленым светом ледяную гору. Она была далеко от нас и казалась фантастической игрой света над пепельной дымкой океана.

— Входим в царство айсбергов,—сказал Андрей Федорович,— это первые вестники льдов.

Все бинокли, какие были на корабле, нацелились на ледяную громаду. Она будила воображение, казалось, что это сияющий остров света, блуждающий в океане, что вот-вот от него отойдут корабли встречать наше судно. Но холодная белоголубая глыба, отколовшаяся неведомо когда от антарктического ледника, оставалась в стороне, студеные волны бились об отвесные голубоватые края айсберга.

К утру взору открылись бесконечные стада айсбергов. Голубые, синие, белые, даже зеленые, они выплывали, подходили к кораблю, и тогда начиналась трескотня фотоаппаратов, жужжание кинокамер.

Можно часами смотреть на ледяные горы — ни одна из них не похожа на другую, каждая поражает своими причудливыми гротами, башнями, зубчатыми стенами, пещерами, сказочными очертаниями городов с высокими шпилями и виадуками. Но ко всему привыкаешь. Мы уже спокойно взирали на айсберги. И только ученые-гляциологи — исследователи льдов и ледников — профессора Г. А. Авсюк и П. А. Шумский, вооружившись биноклями, подолгу не покидали палуб, приходили в салон или кают-компанию взволнованные и радостные.

Как только корабль очутился среди айсбергов, на нем все изменилось. Большие перемены обнаруживаешь не только в чисто внешних приметах — в том, что все надели теплые зеленые куртки, черные меховые шапки, яловые сапоги, или в том, что наглухо закрыли в каютах и салонах окна,— а в той внутренней собранности и озабоченности, которые охватили моряков и полярников. До «земли тайн» оставались мили, и на карте Антарктиды, вывешенной у входа в судовой клуб, был отмечен циркулем последний участок до острова Дригальского, к которому шла «Обь».

И. И. Черевичный отдал приказ готовить к полетам вертолет. На специальной площадке, надстроенной поверх кормы, собрались авиаторы. Там на площадке находятся два больших зеленых ящика с деталями вертолета. В миг разобрали задние стенки ящиков, и показались детали красного вертолета с черной надписью: «СССР Н-89». Нужно было сочленить длинный трубчатый хвост с фюзеляжем, поставить на место вертикальный винт. А ветер, резкий, порывистый ветер с мелким снегом, бил в лицо, тщился свалить с ног.

Руководство экспедиции решило не только пустить вертолет, но при первом удобном случае высадить авиационный отряд для обследования побережья моря Дэвиса и поисков места высадки экспедиции. Началась подготовка транспортного самолета «ЛИ-2», зеленокрылого биплана «АН-2», горючего, палаток, продовольствия.

В это же время радисты берегового радиоотряда под руководством И. М. Магницкого занялись подготовкой радиотелефонных станций для связи с береговой партией, которая высадится на землю с корабля.

Заглядываем в каюту, где живет доктор физико-математических наук А. М. Гусев. Около письменного стола, заполненного картами, книгами, стоят лыжи с прикрепленными к ним башмаками. Тут же видны альпинистская веревка и горные ботинки с громадными стальными шипами для хождения по крепчайшему антарктическому льду. Профессор Гусев не только ученый, но и опытный альпинист. Он будет зимовать на материке, вести научные наблюдения, проверять теоретические расчеты в области атмосферной циркуляции. Профессор собирает вещи, книги, карты. Он готов сойти на «землю тайн».

В каюте № 15 я живу с третьим механиком корабля Л. Н. Гавриловым и начальником радиоотряда береговой партии И. М. Магницким. Он утвержден начальником отделения связи в Мирном — так будет называться поселок на материке. Как начальник отделения связи, Магницкий получил в министерстве печать, штампы, бланки для приема телеграмм, писем, бандеролей. Мой заботливый сосед в день Нового года в виде шутки прислал мне новогоднюю открытку, погасив на ней марку своей металлической печатью, на которой вырезано: «Антарктическая экспедиция». Это была первая операция будущего отделения связи. Первая почта будет отправлена из поселка Мирный не с флагманским кораблем «Обь», на котором мы идем первыми к заливу Депо в море Дэвиса, а на дизель-электроходе «Лена», следующем за «Обью». На «Лене» плывут зимовщики, но по прибытии к месту все они примут участие в выгрузке тысяч тонн грузов. Затем «Лена» отправится на родину вместе с рефрижератором № 7, а флагманский корабль «Обь» уйдет в большое плавание для ведения комплексных исследований в океане. «Обь» придет на родину позже «Лены» месяца на два — три.

Через сутки после встречи с первым айсбергом «Обь» вошла во льды. Серые и белые ледяные поля заполнили океан, скрывались за горизонтом в тумане. Началось маневрирование среди льдин, машина то ускоряла ход, то замедляла. «Обь» обходила тяжелые глыбы, выбирала разводья, осторожно раздвигала проморожённые плиты. Белой ночью на одной из льдин мы увидели первого пингвина. Около голубовато-зеленого среза льдины стоял одинокий белобрюхий, с темной спиной, хохлатый пингвин и удивленно смотрел на корабль, ломавший льды. Вдруг пингвин опустился на ласты и, смешно извиваясь, вздрагивая, пополз по снегу, потом вскочил, распрямился и посмотрел снова на судно. А на следующий день, когда «Обь» вошла в сплошной лед и ее стальной форштевень принялся колоть, рубить и ломать ледяные массивы, пингвины встречались почти непрерывно.

...Четвертое января — хмурый студеный день. Весь день корабль рушит льды, раздвигает и рубит их, гонит прочь от себя пингвинов и тюленей. А к вечеру каюты и салоны облетает радостная весть: тяжелые льды пройдены, форсирование ледяного пояса заканчивается. До острова Дригальского остается несколько миль...

Утром пятого января, миновав остров Дригальского, «Обь» вошла в залив Депо моря Дэвиса.

Борт дизель-электрохода «Обь».

Дневник ОГОНЬКА

Манфред будет жить!

Манфред и врач Р. В. Резникова.
Фото Дм. Бальтерманца.

Незадолго до Нового года в одной из московских больниц было получено письмо, содержащее несколько необычную жалобу. Жительница города Гера в Германской Демократической Республике Гертруда Зауне сообщала, что она никак не может заставить своего десятилетнего сына меньше двигаться и отдыхать днем хотя бы час—два...

Для того, чтобы объяснить такую непонятную жалобу, надо вернуться к другому письму, пришедшему в Советский Союз из ГДР гораздо раньше — осенью 1954 года.

Простая немецкая женщина рассказывала о своем горе. Ее сын, родившийся в 1945 году, имел врожденный порок сердца, так называемый «синий порок». Болезнь считалась неизлечимой, и врачи не могли помочь Манфреду. Мальчик был лишен всего: детских игр, учения в школе, дружбы с товарищами. Он почти не мог двигаться. С каждым годом ему становилось хуже.

Мать услышала, что в Советской стране достигнуты большие успехи в области хирургии сердца. Она написала в Советский Союз. Это была ее последняя надежда.

Прошло несколько дней, и Гертруда Зауне с сыном выехала в Москву. Здесь мальчика осмотрел профессор Е. Н. Мешалкин. 27 октября 1954 года он сделал Манфреду операцию.

Выздоровление шло медленно. Но постепенно Манфред начал оживляться, на его еще синеватом лице появилась улыбка. Пробудившийся интерес к жизни был первым признаком того, что болезнь побеждена. За Манфредом неотступно наблюдала врач Р. В. Резникова. Вскоре мальчик начал смотреть телевизионные передачи, кататься на движущемся кресле по коридорам больницы, знакомиться с пациентами и врачами. Наконец, ему разрешили ходить. Он уже неплохо знал русский язык, только забавлял собеседников тем, что говорил о себе в третьем лице: «Манфред придет вечером...»

Самым большим его другом оставался профессор Мешалкин. Незадолго до выписки из клиники у Манфреда был день рождения. По совпадению это был и день рождения профессора Мешалкина. «Именинники» провели вечер вместе. Профессор подарил своему любимцу часы, получив взамен игрушку, привезенную из Германии. Врачи принесли мальчику сласти, игрушки, пионерские значки, марки. Среди подарков были даже ученическая форменная фуражка и ремень.

Весной 1955 года Манфред уехал на родину. Но и после этого врачи интересовались его судьбою. Вот почему столько радости принесло письмо из города Гера. Манфред стал таким же мальчиком, как и все, он будет жить!

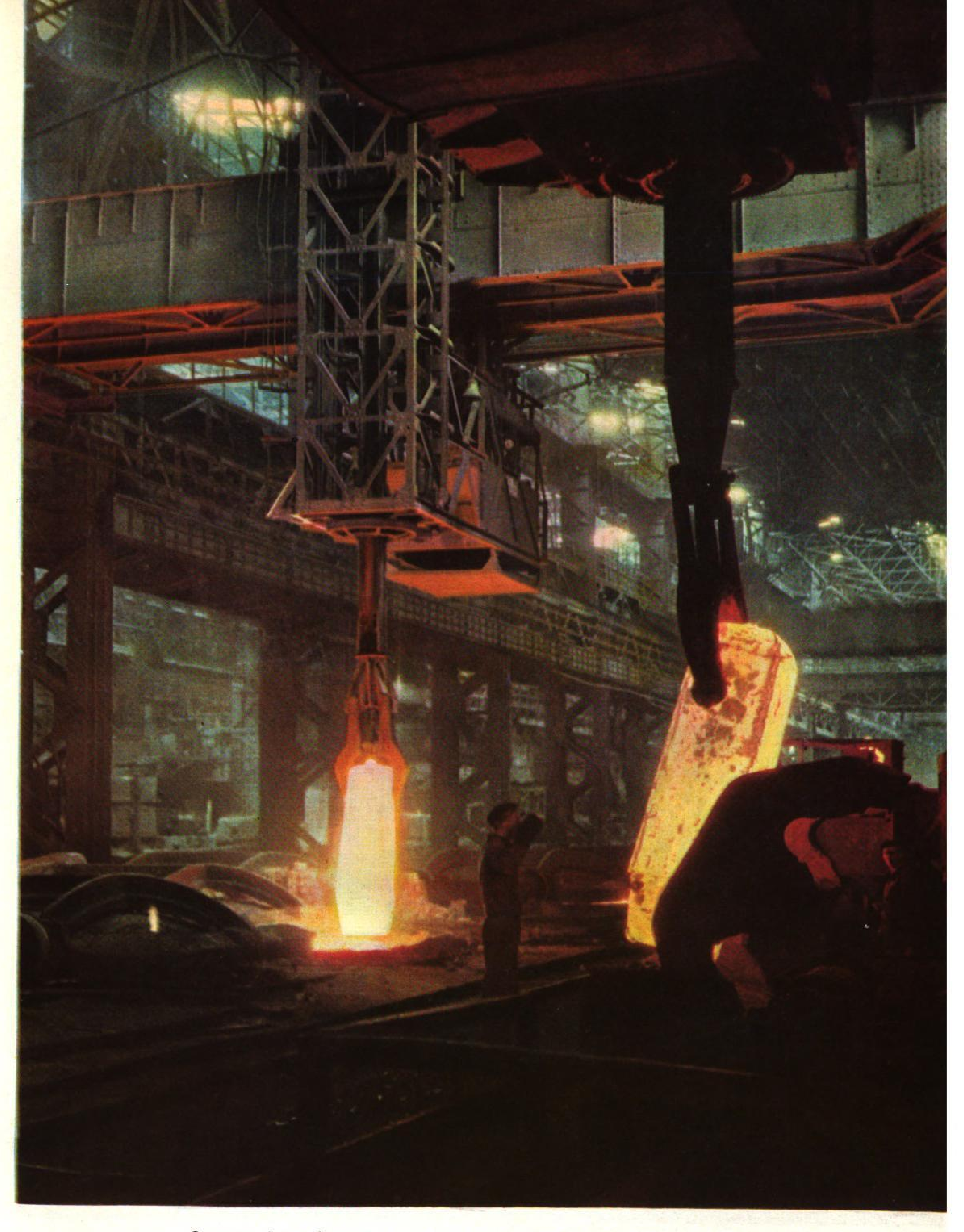
М. СЕРГЕЕВ

9 января в Доме культуры издательства «Правда» открылся пленум правления Союза писателей СССР. Его работа проходит совместно с Третьим Всесоюзным совещанием молодых писателей.

На снимке: первый ряд (слева направо) — Сергей Михалков, украинская поэтесса Тамара Коломиец, Николай Тихонов; второй ряд—Юрий Лаптев, чукотский поэт Виктор Кеулькут, прозаик Леонард Пасенюк (Кубань), украинский поэт Михаил Ткач.

Фото Я. Рюмкина.

Сталинград. В цехе блюминга завода «Красный Октябрь». Подача горячих болванок для проката.

Фото А. Гостева.

Профессор Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии Александр Борисович Гольденвейзер.

Фото Е. Мичуриной и И. Ефимова.

Милая фрекен и господский дом

Повесть

Халлдор ЛАКСНЕСС

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Свадьба

Управляющему так и не удалось узнать подробности помолвки своей невестки. Не знал он, что было сказано на совете трех женщин в тот ненастный февральский день, когда фрекен Раннвейг прибыла домой. Совет длился до поздней ночи — на нем присутствовал сам пробст,— пока, наконец, его участники, совершенно истомленные, покинули реальный мир приличий, отходя в неведомый мир сновидений. Ходили слухи, за которые, впрочем, никто не мог поручиться, что этот совет напоминал суд испанской инквизиции. Одна из горничных якобы рассказала, что совет происходил в кабинете пробста при закрытых дверях.

В течение дня ничего особенного не произошло, если не считать, что голос жены управляющего по временам гремел, перекрывая все голоса. Она переходила в наступление. Затем все утихало, и на некоторое время восстанавливался мир. Видно, господа не могли придти ни к какому решению. Только к шести часам, во время одной из самых жестоких атак, вдруг послышался новый, чужой голос. Вначале никто не мог его узнать. Разве можно узнать в этом отчаянном крике голос, в котором раньше звучало счастье и спокойствие? Может быть, незнакомая женщина вошла в дом? Может быть, это та сумасшедшая, которая рыдала в прошлом году на пристани?

— Нет, нет, нет, — возразила старая прислуга Элин, — меня никто не проведет, это голос нашей милой фрекен Раннвейг. Я-то помню, как она плакала в детстве! Хотя тогда ее плач не был такой горький. Бедняжка! — добавила старуха.— Такой благородный человек... Подумать, ведь она проделала весь этот путь по морю, чтобы горько плакать в доме своих родителей, да еще в такую погоду!

Понемногу плач утих, но еще долго раздавались всхлипывания — странные звуки, как бы идущие из самых недр земли, отдаваясь в каждой стене, в каждой балке, пока не утихли на крыше, откуда их унес ветер.

Совещание продолжалось еще шесть часов. И наконец в полночь было составлено краткое коммюнике, которое жена управляющего беспощадно швырнула в лицо мужу. Это официальное сообщение — единственный плод двенадцатичасового совещания — гласило: моя сестра Раннвейг помолвлена.

Весть о помолвке Раннвейг уж как-то очень быстро разнеслась по поселку. Ее услышали от жены врача и бухгалтера, которых пригласили в господский дом на чашку кофе несколько дней спустя после возвращения Раннвейг.

— Скорее можно было ожидать моей смерти, чем такой неожиданной помолвки сестры Раннвейг,— говорила фру Туридур.

— А кто же счастливец? — интересовались дамы.

На вопрос отвечала не Раннвейг. Она сидела бледная, с покрасневшими глазами, не принимая участия в разговоре. Ни искры оживления не промелькнуло в ее глазах при упоминании об избраннике. Куда девалась невинная радость августовских дней!

— Ну, это целая история,— отвечала фру Туридур, многозначительно улыбаясь.— По выражению лица своей сестры я вижу (она вовсе не глядела на сестру), что она хочет сохранить тайну про себя. Но, дорогая Ранка, можно мне назвать только его имя, а?

— Что? — спросила с отсутствующим видом фрекен Раннвейг. Но тут же, спохватившись, добавила: — Можешь говорить все, что тебе угодно.

— Магистр Богелун,— сказала фру Туридур.— Это известный человек в Дании.

— Значит, вас можно поздравить? — осведо-

Продолжение. См. «Огонек» № 2.

мились гости и стали сердечно поздравлять Раннвейг.

— Этой весной он собирается защитить докторскую диссертацию при Копенгагенском университете,— добавила Туридур.

— Ну и новости ты нам сообщила, Туридур! — сказали женщины.

— Тотчас после защиты он решил приехать сюда, в Ейвик. Это большой друг Исландии,— добавила Туридур.— Он хочет справить свадьбу только здесь. Раннвейг ничего не оставалось, как вернуться домой и взяться за приготовление приданого. Осталось ведь всего два месяца. Подумать только, какая спешка!

Гости еще раз поздравили Раннвейг, поцеловав ее нежнее, чем прежде.

— Как хорошо, когда счастье улыбается тем, кого любишь!— сказали они, расцеловав ее вновь.— Слава богу!

Но в самый разгар этих сердечных излияний проскользнула легкая тень недоверия, подобно тому, как в безоблачный день диск луны затмевает солнце. Вместо того, чтобы сиять от радости, Раннвейг закрыла лицо руками и заплакала. Слезы заструились между пальцами, и все ее тело содрогалось от рыданий.

Вслед за новостью о помолвке Раннвейг по поселку разнеслась другая весть; в нее сразу же поверили. Бледность фрекен Раннвейг, темные круги под глазами... Она-то по возвращении домой опять надела исландский костюм, обрисовывающий талию, и вскоре никто уже не сомневался, что фрекен Раннвейг беременна. Конечно, никому не пришло в голову укорять ее — ни женщинам, ни мужчинам,— тем более, что фрекен Раннвейг предстояло укрыться в тихой супружеской гавани. Правда, никто не станет отрицать, что ей не удалось сберечь невинность до положенного срока, как этого требовали строжайшие правила для женщин ее сословия.

Эта новость взбаламутила монотонное течение зимней жизни. Нет ничего удивительного в том, что молодые девушки перед замужеством, а иногда и без перспективы замужества несколько раздаются в боках. Спустя некоторое время они снова становятся стройными. А если семь лет после случившегося ведут добродетельный образ жизни, то как бы вновь обретают былую невинность. Как правило, такое поведение — привилегия простолюдинок. И действительно, среди людей состоятельных подобные происшествия — редкость. Говорят, что последний раз такой случай произошел в XVII столетии, когда йомфру Рагнхейдур, дочь епископа Бруньольфура, в доме своего отца была обольщена Дади Хальдорссоном, и это повлекло за собой известные последствия. Конечно, эта история долго передавалась из уст в уста.

Семья пробста решила, что фрекен Раннвейг лучше не показываться на людях, по возможности меньше привлекать внимание своим внешним видом. А с другой стороны, сосредоточить все внимание на приготовлениях к свадьбе, вовлечь в них побольше людей и, по крайней мере, заинтересовать их этим событием. Поэтому в конце апреля пробст разослал людей по всем окрестным поселкам, чтобы разузнать, у кого из крестьян можно было бы купить хорошую молодую телку к свадьбе. Узнали, что в Аспардале у одного крестьянина есть двухлетний бычок, которого он собирается продать. Договорились, что крестьянин откормит его и доставит к свадьбе к концу мая. Некий крестьянин в Ейвике, имевший пять уток, получил задание получше откормить их к этому сроку.

Тем, кто имел кур, тоже предлагали не жалеть для них корма, так как, по подсчетам фру Туридур, к свадьбе понадобится не менее тысячи яиц. Да и владельцам молодых петушков тоже советовали не дремать. Позаботились о том, чтобы сливки со всего прихода доставлялись в дом пробста. А за особым сортом картофеля, произрастающим на хорошей почве, послали в другой приход. Этот картофель был известен по всей стране своей питательностью и сладким вкусом.

В мае прибыла первая партия вин. Три бочонка красного французского, шесть ящиков с коньяком, датской водкой и другими винами, пузатые бутылки ликеров с этикетками на латинском языке и разными знаками, расшифровать которые мог только пробст.

Но почему вдруг стала плакать фрекен Раннвейг? Почему эта молодая женщина, когда-то радовавшая своей приветливостью весь поселок, казалась такой удрученной? Она никого не навещала, не появлялась на улице, не выходила к гостям, посещавшим господский дом. Что-либо узнать о ней можно было только через прислугу. Рассказывали, что по утрам Раннвейг встает с запавшими от бессонницы глазами, а к вечеру они опухают от слез. Она сидит одиноко в своей комнате, но когда приходит сестра, она прячется в чулане, там, где хранится уголь.

Вначале никто ничего не понимал. Потом стали думать, что не все ладно с помолвкой Раннвейг. А некоторые выражали мнение, что, может быть, этот Богелун вовсе не магистр, как заверяют в господском доме. Многие дошли до того, что говорили, будто докторская диссертация Богелуна существует только в воображении жены управляющего. Другие догадки вслух не высказывались.

Итак, начались приглашения к свадьбе. Одного человека послали в лодке на острова и в бухту, другого — верхом — развозить извещения по окрестностям. Сначала приглашали только знать. А затем зажиточных, вплоть до хуторян среднего достатка. Из бедняков зваными оказались лишь те, кто прославился каким-нибудь подвигом или особой способностью, например, известные рифмоплеты или хорошие рассказчики; отличившиеся ремесленники; моряки, избороздившие не одно море; люди, прошедшие через суровые испытания в горах или вообще бывалые; знахари; глубокие старики, знающие родословные соседей; все они просили передать пробсту благодарность и благословение и обещали быть на свадьбе.

Накануне прибытия парохода, на котором ожидался жених, свадебные приготовления были в самом разгаре. Целыми днями пекли и стирали. Кухни на квартире пробста и в господском доме напоминали горячий кондитерский цех или пекарню, где опытные мастерицы днем и ночью месили тесто, извлекали из печек пироги и укладывали их в штабеля. Уже выросли целые горы кексов и с зелеными цукатами и с изюмом; пироги из песочного теста, рассыпающиеся от избытка сдобы; слоеные пироги, украшенные стекающим по бокам вареньем; печенья разных форм: кружочками, полумесяцами, ромбиками; пряники, усыпанные имбирем; картофельные оладьи; хворост; пончики с яблоками; вафли, исчислявшиеся тысячами; пышные пшеничные хлебы и груды поджаренных докрасна ржаных хлебцев.

Квартира пробста и господский дом были вымыты от подвала до самого чердака. Мебель, картины, постели проветривались на свежем весеннем воздухе. Тщательно осматривался каждый угол, каждая щелочка обрабатывалась содой и мылом. Малейшее пятнышко на стене являлось поводом для глубоких размышлений, ведущих к значительным выводам и решениям. Едва заметная соринка устранялась беспощадной рукой. Пыль на шкафу уничтожалась, как злейший враг. Почти невидимая паутинка на ножках кровати была подвергнута беспощадной атаке. Не было надежды, что даже незаметные пятна на кроватях и матрацах, принадлежащих работницам, будут пощажены. Здесь шла борьба за настоящую, а не показную чистоту.

Когда наконец все засверкало и начали расставлять мебель, в доме возникла новая проблема: не ставить же мебель на старые места, надо ее расположить уютнее и красивее, чем раньше! Господа ходили из комнаты в комнату, отдавали распоряжения, несколько раз по-разному переставляли кресла, стулья, шкафы, диваны и, наклонив голову набок, прищурив один глаз, тыкали в них эбонитовыми палками с золотыми наконечниками, спорили, решали, кто прав, кого слушать. Надо сказать, что победа всегда была на стороне женщин. Раздавались тяжелые вздохи, выступал пот на лбу, жажда мучила всех, весь обычный распорядок жизни был нарушен. После этого всесмывающего потопа в доме установился запах отвратительной чистоты.

Комната, обычно предназначенная для приезжих, на сей раз была оборудована для самого жениха — магистра Богелуна. Немало ломали голову над тем, как обставить комнату такого уважаемого господина. Советовались с многими посторонними людьми. Например, с прачками, простыми женщинами, случайно оказавшимися в доме, женами двух пасторов из других приходов, пришедшими сюда за покупками, несколькими девицами с островов, которые учились в Рейкьявике, и, наконец, с докторской четой; так что молва об этой комнате разнеслась по островам, соседним приходам, городу. Но, поговорив с каждым из этих экспертов, фру Туридур вздыхала и заявляла, что последнее слово за сестрой Раннвейг. Туридур обещала не принимать окончательного решения без ее согласия.

Наконец комната была готова. Здесь стояла широкая кровать с двумя пуховыми перинами, покрытая вышитым покрывалом, два удобных кресла, принесенных из нижних комнат, письменный стол с массивной резьбой, чернильный прибор со всеми принадлежностями, удобный диван с множеством искусно вышитых подушек, маленький курительный столик, а на нем глиняная шкатулка со смесью английских табаков и двумя сортами голландских сигар. Была здесь и книжная полка, где стояли латинские и греческие словари, саги, новый завет, рассказы военного фельдшера Закариуса Топелиуса, произведения Бьорнсона в кожаных переплетах и, наконец, два старых псалтыря, весьма редкие и ценные экземпляры: один — изданный в Холаре, другой — в Видеи. Кроме того, «Айвенго» Вальтер-Скотта в роскошном издании, купленный управляющим по легкомыслию в Эдинбурге.

На стене висели репродукции Венеры Милосской, которую здесь называли «Миланской», небольшая картина, изображающая ребенка и собачку, с надписью: «А ты умеешь говорить?» — и великолепная олеография Венеры и Психеи. В доме управляющего долго играли в «угадай-ка», кто Венера, а кто Психея. До сих пор никому не удалось с точностью установить это, надеялись, что магистр Богелун немедленно разрешит все сомнения. На полу лежал цветной ковер с красным фоном, а на окнах с видом на море висели два ряда гардин: одни — из желтого шелка, другие — из зеленого дамаска.

Если выглянуть из этих окон в тихий весенний вечер и окинуть взглядом береговые скалы и шхеры, отбрасывающие тень на море во время прилива, или играющую на берегу гагу, или по утрам, когда покрытые зеленью мыс и острова улыбаются утреннему солнцу, когда отражение шхер в водной глади походит на неведомые города,— как не назвать Исландию красивой страной! Все были уверены, что магистр Богелун по заслугам оценит такой вид из своей комнаты.

Перед прибытием парохода все было готово. Фру Туридур в сопровождении нескольких почтенных женщин пришла за фрекен Раннвейг, так как ей предстояло решать, подойдет ли эта комната для жениха. После продолжительной беседы сестер с глазу на глаз они вместе спустились по лестнице. Раннвейг едва держалась на ногах, глаза у нее были опухшие, щеки впалые, вокруг рта образовались складки. Дамы нежно и ласково приветствовали Раннвейг, но она не ответила и отстранила их от себя. И все церемониальной процессией двинулись в путь по направлению к господскому дому. Яркие банты и шелковые передники переливались на солнце всеми цветами радуги. Простые женщины выходили из своих хижин и с восхищением смотрели на процессию, говоря:

— Сейчас ей покажут комнату будущего мужа.

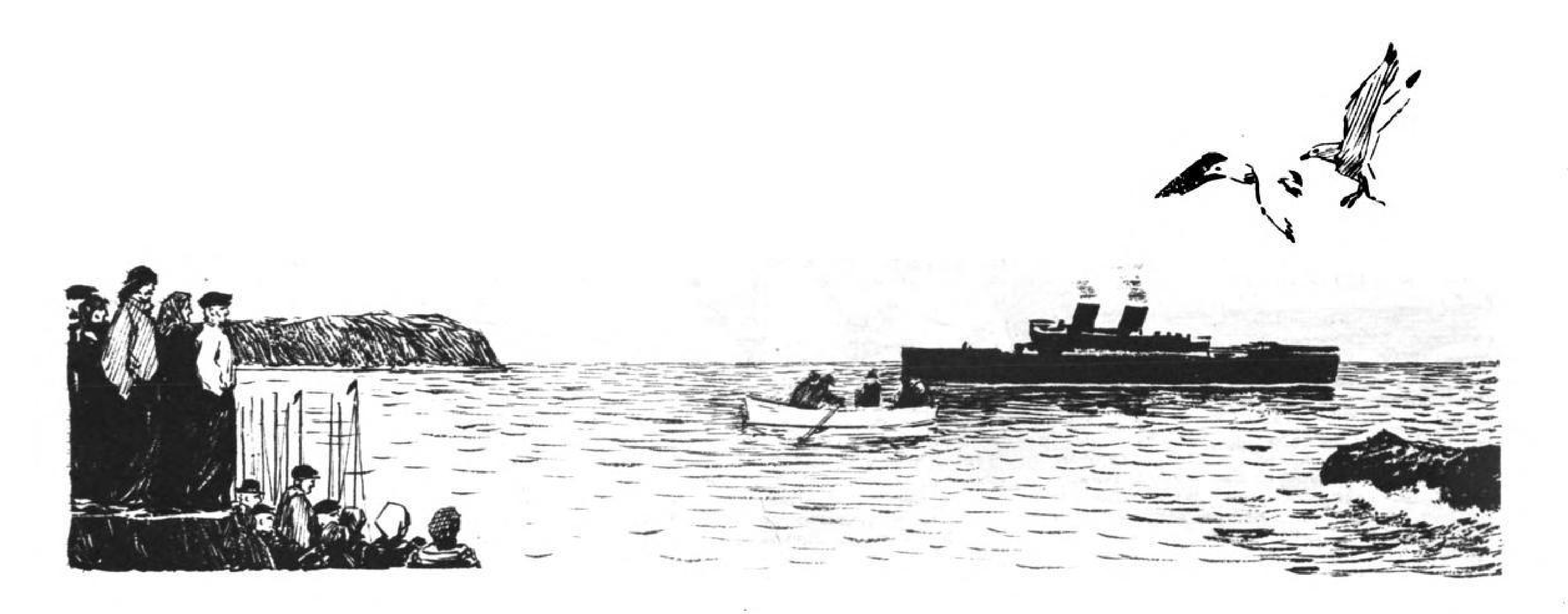
А другие:

— Боже мой, как странно: само счастье улыбается ей, а она так печальна!

— Да,— соглашались остальные,— подумать только, она больше никому не улыбается, жизнь угасла в ее глазах!

Она не только не улыбалась, но и не отвечала на приветствия, она шла, окруженная женщинами, с поникшей головой; казалось, она не слышит и не видит, что происходит вокруг.

Разве она никого не замечала? Нет, как же, она увидела одного человека. Он шел по тропинке из фактории и остановился на мостике, перекинутом через ров, там, где тропинка переходит в большую дорогу. Он стоял, почтительно склонившись, пока не прошла мимо эта важная процессия. Он был в том же лоснящемся костюме из камвольной пряжи, который носил осенью, он не поправился с тех

пор, на белках глаз у него появились красные прожилки, морщины на щеках стали более глубокими. Но когда он поднял руку для приветствия, можно было заметить, что рука эта красива, хотя она и пропахла запахом товаров, которые он отпускал.

Возможно, что к Раннвейг на миг явилось хорошее расположение духа, каким она отличалась в старые добрые времена, потому что она подняла голову и, пытаясь улыбнуться, ответила на его приветствие. Никто не мог отгадать тайну этой перемены: ведь никому не было известно, что перед отъездом фрекен Раннвейг этот человек дал ей несколько эре и просил купить кое-что для себя. Он заявил тогда, что может ждать целую зиму. То ли она забыла об этом поручении, то ли в Копенгагене не знают, что такое сабодиловое семя,— ясно одно: она вернулась, не выполнив поручения, даже не извинилась перед ним, не возвратила ему денег. Раннвейг в задумчивости прошла несколько шагов, затем вдруг остановилась, оглянулась, но приказчик Ханс уже исчез. Она стояла и смотрела ему вслед.

— Что ты там увидела, дорогая? — спросили женщины.

Вместо ответа фрекен Раннвейг, освещенная вечерним солнцем, разрыдалась тут же на улице, закрыв лицо руками.

— Дорогая, что с тобой? — спрашивали ее женщины, обнимая и утешая ее.

— Я подвела его! — рыдала она и все повторяла: — Я подвела его!

И ни слова больше.

Однако заставить ее продолжать путь к господскому дому и осмотреть комнату жениха было невозможно.

— Вы можете идти, а я возвращаюсь домой.

— Она не в своем уме,— прошептала Туридур.

Но Раннвейг, услышав эти слова, открыла лицо и растерянно посмотрела на сестру заплаканными глазами. В них не было ненависти или злобы. Просто младшая сестренка в отчаянии взглянула на старшую сестру. Она не сказала ничего плохого. Она ведь вообще не могла сказать ничего дурного ни одному живому существу на свете. Она только произнесла:

— Я в полном здравии. Это ты, Туридур, сошла с ума.— Повернулась и направилась к дому.

Женщинам ничего не оставалось, как последовать за ней.

* * *

Наконец наступил долгожданный день прибытия парохода. Это был один из тех ясных весенних дней, которые мы все знаем и с которыми у всех у нас связаны лучшие воспоминания жизни. Над домами пробста, управляющего и бухгалтера развевались флаги. Прежде чем сирена возвестила о прибытии на рейд парохода, белая лодка управляющего отчалила от берега. В ней сидела семья управляющего и пробст. Мужчины были в черных пальто, в котелках самого лучшего качества, в руках они держали эбонитовые палки с золотыми наконечниками. Жена управляющего надела исландский национальный костюм, белый платок, белые перчатки. Она слегка нервничала, но была такой же внушительной, величественной, как всегда. Фру Туридур отдавала распоряжения гребцам, потому что она вообще привыкла распоряжаться.

На пристань все больше и больше собиралось людей, которые приходили поглазеть, как господа будут встречать своего будущего зятя. Все шло очень хорошо. Не успела прогудеть сирена и пароход бросить якорь, как лодка пришвартовалась к пароходу.

Прошло некоторое время. Чем дольше господа находились на борту парохода, тем больше людей становилось на пристани — мужчин, женщин, детей, стариков,— всем не терпелось хотя бы мельком взглянуть на жениха, когда он сойдет на берег.

Прошло еще некоторое время, и белая лодка управляющего оттолкнулась от парохода. Зрители, проявляя нетерпение, стали протискиваться вперед, к самому краю пристани, чтобы получше рассмотреть жениха. Лодка не прошла и половины пути, как самые дальнозоркие заметили, что в ней не прибавилось пассажиров. Теперь все с напряжением вглядывались, приставляя к глазам руки, и по мере того, как приближалась лодка, даже люди с самым слабым зрением убедились, что здесь не все ладно. Не только потому, что в лодке не прибавилось людей, но, видимо, за время этого короткого рейса произошли события, вызвавшие полное душевное смятение у всех трех членов этой делегации. Достоинство сменилось торжественной смиренностью, важность — глубоким горем.

Пробст, высоко подняв воротник пальто, снял очки и, закрыв рукой глаза, молитвенно склонил голову. А на корме сидел отчаявшийся управляющий, держа в объятиях жену. Она судорожно рыдала на груди мужа, прижав к лицу платок. Управляющему не удавалось утешить жену. Когда они поднялись на причал, всю толпу облетела новость: он умер! Вместо жениха Ейвик посетило горе — в это солнечное майское утро, когда шхеры, отражаясь в водяной глади, кажутся далекими сказочными городами. Десять минут спустя флаги над домами пробста, управляющего, бухгалтера были приспущены. В тот же день послали человека в окрестности и на острова с извещением об отмене свадьбы и с официальным сообщением о внезапной смерти магистра Богелуна как раз накануне отплытия парохода.

Тут злопыхатели вновь вытащили на свет версию,— правда, простые люди в нее не верили, хотя некоторым она и запала в голову,— что, дескать, этот Богелун вовсе и не был магистром, как говорили в господском доме, и что его докторская диссертация существует только в воображении жены управляющего. А кое-кто даже стал нагло утверждать, будто с самого начала было ясно, что никакого торжества не будет. Но, конечно, многих потрясла эта роковая весть, и они посылали пробсту свои самые искренние соболезнования по случаю этой невозвратимой потери.

Благотворительность и кустарная промышленность

Никакие силы в мире, ни на земле, ни на небе, не могли воспрепятствовать появлению незаконнорожденного ребенка у фрекен Раннвейг. В каком бы свете ни представить это дело, но ребенок родился. Это был красивый мальчик с синими глазами; когда он спал, было видно, какой он беленький, счастливый. Раннвейг любила его, ухаживала за ним. В первый июльский день она вышла с сыном на выгон отца; солнце освещало мать и сына; пели птицы. Было невозможно представить себе что-либо более простое и непосредственное в своей красоте. И никогда не казалась такой несуразной мысль, что им нужно извиняться за свое существование. Ничто не могло быть более благородного происхождения, чем та красота, которую излучали мать и сын здесь, на зеленом лугу.

Это было олицетворение спокойной материнской радости.

Раннвейг улыбалась прохожим. Все восхищались ребенком, поздравляли ее и просили бога благословить их. Иногда, когда солнце грело особенно щедро, она гуляла с сыном по поселку и показывала его бедным рыбачкам, чувствуя себя такой же богатой, как они. Женщины тоже показывали ей своих детей, рассматривали сына фрекен Раннвейг, хвалили его, и все были счастливы за дочь пробста. Как чудесно было в Ейвике!

Но фру Туридур не стремилась так часто видеться с сестрой, как накануне свадьбы, будто ей трудно было простить сестре, что магистр Богелун так внезапно умер в неподходящий момент. Стало известно, что как-то летом фру Туридур, навестив мать, наказала ей присматривать, чтобы сестра не разгуливала со своим приплодом по поселку, на глазах у всех. Во всяком случае, не среди бела дня. К счастью, жаркое лето сменилось пасмурными, дождливыми днями, и прогулки фрекен Раннвейг прекратились сами по себе.

К концу августа свекор Туридур затеял большое торжество в Адальвике по случаю замужества дочери. Она выходила за врача, живущего там же. Конечно, господа из Ейвика получили приглашение. Обряд венчания должен был совершить пробст. К сожалению, управляющий и его жена не могли присутствовать на празднике: управляющий уезжал по делам за границу, а фру Туридур была занята сборами в путь. Не могла поехать и фрекен Раннвейг.

Как ей расстаться с ребенком хотя бы на три дня? Она его так любит! После долгих уговоров ее убедили, что ей будет полезно побыть без ребенка несколько дней, и фрекен Раннвейг вместе со своими родителями отправилась на свадьбу.

Но свадьба в Адальвике состоялась именно в тот день, как прибыл пароход, который должен был увезти за границу управляющего и его жену. Скажем, не тратя лишних слов, что когда пробст с женой и дочерью вернулись с торжества, управляющий и жена уже сутки как отбыли, захватив с собой сына фрекен Раннвейг по настойчивой просьбе его бабушки, живущей в Копенгагене. Когда Раннвейг вошла в свою комнату, там уже не было люльки, исчезла бутылочка с рожком, все вещи ребенка были вынуты из комода, комната вымыта, проветрена, будто дитя уже не существует. Даже благовонный запах молока, которым пахло его тельце, был изгнан из этой комнаты. Ничего, ничего не осталось, кроме воспоминаний о его улыбке в душе Раннвейг.

Как ни странно, но в поселке исчезновение ребенка ни для кого не явилось неожиданностью, кроме фрекен Раннвейг. Всем было известно, что жена пробста, жена управляющего и, конечно, Раннвейг получают множество писем от старушки, матери магистра Богелуна. Эта почтенная дама тяжело переживала потерю единственного сына, теперь она мечтала только об одном: на старости лет жить со своим внучонком и воспитать его так, как подобает представителю старого, известного во всей Дании рода. Каждому понятно, что хотя мальчик хорошо развивался в Исландии, но разве здесь, у самого Северного полюса, он может получить то, что даст ему бабушка в Копенгагене?

Говорили, что Раннвейг лишилась сознания, но кто докажет? Мало ли что говорят люди! Одно было верно: здоровье ее в эту зиму было плохое.

Несколько недель она пролежала в постели, вероятно, в тяжелом состоянии, потому что доктор по два раза в день ходил в дом пробста. Ему, верно, хорошо заплатили. Он ни одним словом не обмолвился посторонним о болезни фрекен. В начале зимы ее наконец решили отправить в Рейкьявик в сопровождении матери. Мать и дочь уехали на пароходе незадолго до возвращения в Ейвик управляющего и его жены. На пароход Раннвейг доставили в ящике, и хотя она отправлялась только на исследование, сочли необходимым, чтобы врач сопровождал ее прямо до Рейкьявика. Врач вернулся только в начале января. Он привез известие, что фрекен Раннвейг стало лучше, исследования не показали ничего опасного, перемена обстановки оказала благоприятное действие. Он был уверен, что за зиму Раннвейг в Рейкьявике поправится и к весне мать и дочь вернутся домой.

И действительно, с наступлением весны мать и дочь вернулись домой. Старая фру — широкоплечая, дородная, полная достоинства, с короной блестящих волос, как бы сплетенной из золотых и серебряных нитей. А дочь — со впалыми щеками, серым цветом лица, запавшими глазами. Казалось, она ничего не видела вокруг, никому не улыбалась. Ей было тридцать два года. В поселке ее оставили лишь на одну ночь, отправив на следующее утро в деревню. Она провела лето в семье пастора в Стадуре. Это были известные во всей округе благородные люди. Раннвейг вместе с дочерьми пастора все лето работала в поле. Некоторые говорили, что она следовала совету врача. Впрочем, это, наверно, так и было. Осенью она вернулась в Ейвик посвежевшая, загорелая, с огрубевшими руками. Хотя платье все еще плохо сидело на ней, но она вновь обрела хорошее настроение.

А зимой Раннвейг еще усерднее принялась за рукоделие. Она начала ткать сложнейшие узорные ткани. На исландском станке работа подвигалась медленно. Тогда она выписала шведский станок и, вспоминая то, чему выучилась в Копенгагене, начала успешно работать над художественной тканью. Она была так ловка, способна, что на следующий год уже получила премию за свою работу на выставке рукоделий в Рейкьявике. А несколько девушек из ближайших поселков, интересующихся рукоделием, просили Раннвейг обучить их этому мастерству. В конце концов ей пришлось заказать второй шведский станок и организовать школу художественного рукоделия. Большая передняя в комнате пробста превратилась в комнату для занятий.

Раннвейг часто поговаривала о том, что ей хотелось бы переехать в Рейкьявик, создать там настоящую школу рукоделия для молодых девушек и, может быть, даже для молодых людей. Иногда она говорила об этом, как о чем-то решенном, но все же ее мечта не сбылась. Родители со слезами на глазах просили не покидать их. Они не могли расстаться с ней, с единственной радостью на старости лет. Добрая Раннвейг так любила их, она не могла их оставить. И Раннвейг осталась. А родители так сильно любили эту свою единственную радость, что стоило Раннвейг отлучиться в гости хотя бы на одну ночь, как они тотчас же посылали экономку из господского дома проследить, чтобы дочь их, чего доброго, не споткнулась о камень. В доме все делалось для Раннвейг. Трудно было найти человека, к которому близкие относились бы с большей любовью, чем к Раннвейг.

А годы шли один за другим. И мало-помалу забывалось все, что произошло с Раннвейг в Дании, скоропостижная смерть жениха, рождение мальчика. Спустя пять лет все было забыто, все исчезло из памяти, как исчезают развалины, покрывшиеся зеленой травой. Еще два года, и фрекен Раннвейг опять будет ходить в девицах. Она и выглядеть уж стала иначе. Ее серо-синие глаза излучали обновленную жизненную силу. Правда, у глаз стали собираться морщинки. Не от усердной ли работы у станка? Особенно они бросались в глаза в холодную погоду. Конечно, поблекли девичьи краски, и губы иногда казались синими, и под глазами образовались едва заметные мешочки. Раннвейг раздалась в бедрах, конечно, оттого, что подолгу сидела у станка. Грудь не была высокой, как прежде. И все же Раннвейг казалась привлекательной. Ее кроткая натура обогатилась опытом. Только слух у нее стал хуже. Это — последствие перенесенной болезни.

По своему характеру Раннвейг не только не могла ссориться с окружающими, но должна была излучать свою любовь на всех. Говорили, что отношения между сестрами одно время были натянутыми. Но затем они помирились, и их часто видели рядом в церкви во время службы. Они помогали друг другу, любили друг друга, но для Раннвейг было

МИНУТА

Константин ВАНШЕНКИН

Мне с горы открывается вид:
Ярко море блестит голубое,
Вдоль всего побережья лежит
Неподвижная кромка прибоя.

Бродит ветер по рыжим хребтам,
А внизу тишина и отрада...
Все такое далекое там,
Словно к этому нету возврата.

Недвижима земля и вода...
Хорошо бы, случилось такое,
Чтобы мне позабыть навсегда
Все, что в жизни встречалось плохое.

Биться морю, и виться плющу,
Но не сбыться подобному чуду:
Есть такое, чего не прощу,
Есть такое, о чем не забуду.

Светит солнце... И, словно стена,
Горы ввысь поднимаются круто.
А какая кругом тишина!..

Есть у каждого в жизни минута:
На душе бесконечно светло,
И видать далеко с перевала.
То, что было, еще не ушло,
То, что будет, еще не настало.

Я не знаю, чего пожелать.
Дует ветер, по-юному шалый.
Шевелись, океанская гладь!

Что ж, пора и в дорогу, пожалуй.

недостаточно опекать только сестру. Ей хотелось опекать весь мир, особенно она хотела чем-либо помочь тем, кому плохо жилось.

Однажды она пришла к старшей сестре, рассказала ей, в какой бедности живут многие в поселке, и стала просить, чтобы господский дом больше помогал беднякам, особенно многодетным бедным семьям, хотя бы перед праздниками. Ей казалось, что народ заслужил того, чтобы хотя бы праздники справлять почеловечески. Туридур, конечно, вспылила. Она ответила, что ее собственный дом полон детей и ей нет дела до чужих.

Но прошло полгода, и не кто иной, как Туридур, собственной персоной явилась к сестре. Она призналась, что предложение сестры заставило ее призадуматься и теперь она решила создать вместе с другими знатными дамами женский клуб. К рождеству и другим праздникам клуб будет делать подарки бедным детям. Она уже успела переговорить с самыми влиятельными людьми в окрестностях и в городе, и можно с уверенностью сказать, что судьба клуба решена. К тому же она хочет добиться, чтобы сестру назначили председательницей клуба. Все свершилось так, как задумала фру Туридур. Клуб был создан, Раннвейг выбрали председательницей, все были довольны. Все считали, что такое почетное назначение полностью восстанавливает репутацию фрекен Раннвейг. Через некоторое время она опять будет девицей на выданье, и честь господского дома будет столь же незапятнанной, как прежде.

Само собой разумеется, что основная тяжесть ежедневной работы по клубу пала на плечи Раннвейг. Когда важные дамы приносили обноски своих детей, грязное, порванное тряпье — их дар бедным детям к рождеству,— Раннвейг, не решаясь сказать, что это непристойно, молча сжигала весь хлам, а сама сидела по ночам и шила подарки бедным детям от имени той или иной дамы. Вся ее деятельность сводилась как бы к тому, чтобы заставить других поверить, что они лучше, чем есть на самом деле. А всю благотворительность она тайно осуществляла сама. Кто-нибудь нуждался — она приходила на помощь, и все, кто попадал в беду, даже если дело касалось самых интимных переживаний, отправлялись на квартиру к пробсту и спрашивали совета Раннвейг.

Достаточно привести в пример хотя бы столяра Андреса и его семью, чтобы убедиться в отзывчивости фрекен Раннвейг. Столяру Андресу жизнь далеко не всегда улыбалась. Родом он был из другого округа, ему не было

и сорока лет, а женился он двадцати пяти лет и имел девять человек детей. Почти каждый год жена рожала по ребенку. Он был таким неудачником, что нажил еще двух детей на стороне. Где же ему прокормить всю эту ораву? Он, правда, был дельный, ловкий малый, мастер на все руки; он даже обладал еще даром слова и вообще был поэтической натурой. Этот живой, жизнерадостный человек неплохо пел. Летом он был занят по горло, но платили ему плохо, так плохо, что едва хватало на большее, чем угостить водкой своих приятелей. О постройке дома он не мог и мечтать. Со своей семьей Андрес ютился в худой лачуге на мысу. Дети его зимой и летом слонялись по берегу, питаясь моллюсками, как французы. Жена Андреса всегда была на сносях. Конечно, для такой оравы не напасешься одежды. Новорожденного обычно заворачивали в одеяло, взятое на этот случай взаймы у соседки.

Фрекен Раннвейг часто помогала этим людям, дарила детям одежду, носила жене еду после родов. И однажды, когда жена Андреса заболела, фрекен Раннвейг, не раздумывая, вымыла весь их дом. Андрес в то время пел в доме врача. Нет сомнения, что плотник был несколько легкомысленным человеком, как, впрочем, все мужчины с хорошим голосом. Бывало, люди нередко видели, как он тайком уединялся с какой-нибудь девицей в загоне для ягнят на участке пробста, но кому какое дело?

Долго Андрес раздумывал или нет, но он пришел к выводу, что вечно так не может продолжаться. Единственный для него выход — уехать в Америку. Но как возьмешь в такой дальний путь жену и девять человек детей? За советом он обратился к фрекен Раннвейг. Не сможет ли она, спрашивал Андрес, раздобыть ему на билеты ссуду у отца или у шурина? Он слыхал, что можно за пустяковую плату добраться до Америки на пароходе для эмигрантов. Прикинув, сколько получают в Америке плотники, он подсчитал, что сможет вернуть стоимость одиннадцати билетов через два года.

Раннвейг выслушала эту просьбу серьезно и внимательно, как и следовало от нее ожидать. И немедля обратилась к отцу и шурину с просьбой о ссуде. Но оба одинаково отрицательно отнеслись к этой затее. Обоим казалось, что лучше иметь на случай необходимости плотника под рукой. К тому же не было никакой опасности, что он ляжет бременем на приход в Ейвике. Родом-то он был из другого прихода. Они сошлись на том, что просьба Раннвейг предоставить такую чудовищную сумму для того, чтобы отправить человека в другую страну, переходит все границы разумного и возможного. Как и следовало ожидать, они заявили, что во всем нужна мера, и тем более в благотворительности.

Перевели с исландского
В. МОРОЗОВА и **А. ЭМЗИНА.**

Окончание следует

Поздняя лирика

Ник. АСЕЕВ

СОЛНЦЕВОРОТ

Стихи мои из мяты и полыни
полны степной прохлады и теплыни;
полынь горька, а мята горесть лечит,
игра в тепло и в холод — в чет и нèчет...
Не человек игру ту выбирает —
в нее сама вселенная играет.
Стихи мои — они того же рода,
как времена круговращенья года.

НЕБО В СИЛЬНЫЙ ВЕТЕР

Небо как будто летящий мрамор
с белыми глыбами облаков,
словно обломки какого-то храма,
свергнутого в бесконечность веков.

Это, должно быть, был храм поэзии:
яркое чувство, дерзкая мысль;
только его над землею подвесили
в недосягаемо синюю высь.

Небо как будто летящий мрамор
с белыми глыбами облаков —
только пустая воздушная яма
для неразборчивых знатоков!

ЗРЕЛОСТЬ

Мозг извилист,
как грецкий орех,
когда снята с него скорлупа.
С тростником
пересохнувших рек
схожи кости руки
и стопа.
Мы росли,
когда день наш возник,
когда волны
взрывали песок.
Мы взошли,
как орех и тростник,
и гордились,
что день наш высок!
Обнажи этот мозг,
покажи,
что ты не был
безделен и хром,
когда в мире
сверкали ножи
и свирепствовал
пушечный гром;
докажи,
что слова — не вода,
времена —
не иссохший песок,
что великая
зрелость плода
в человечий
вместилась висок!
Чтобы голос
остался твой цел,
пусть он станет
отзывчивей всех,
чтобы ветер
в костях твоих пел,
как в дыханье
тростник и орех.

ПОХОД ПЯТЕРЫХ КОМСОМОЛЬЦЕВ

Снимок 1936 года. Слева направо: впереди — К. Власов, секретарь комсомольского комитета завода «Карболит» В. Шелекасов, М. Астафьев; сзади — В. Сидоров, В. Моисеев, В. Аборкин.

Пятеро молодых рабочих завода «Карболит» из города Орехово-Зуева, Московской области, отправились в лыжно-пеший переход от Москвы до Комсомольска-на-Амуре. Было это 20 лет назад, в январе 1936 года.

Задумали переход заводские комсомольцы. 45 заявлений поступило в комитет комсомола. Отобрали пятерых. То были: помполит школы ФЗУ Константин Власов, слесарь Василий Аборкин, техник-конструктор Виктор Сидоров, химик-лаборант Владимир Моисеев, рабочий Михаил Астафьев.

Нас называли отважной пятеркой, что очень льстило нам, но и волновались мы порядком. Среди нас не было выдающихся спортсменов, все мы занимались физкультурой как любители, особой закалкой не отличались. Но это возмещалось главным: страстным желанием взглянуть на город, возведенный нашими братьями-комсомольцами, а попутно — на нашу страну, по которой мы должны были прошагать свыше 9 тысяч километров.

Мы шли через Казань, Свердловск, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ, Читу, Хабаровск и наконец прибыли в Комсомольск в день, когда отмечалась 4-я годовщина существования этого города. Как значится в официальном акте, лыжно-пеший переход протяжением в 9 420 километров был совершен нами в 126 ходовых дней. На лыжах было пройдено 5 200 километров, пешком — 4 220 километров.

Для нас, жителей Подмосковья, в пути все было ново. Повсюду — и в больших городах, и на глухих полустанках, и в будках путевых сторожей, и в избушках звероловов — нас встречали по-дружески, звали к себе заночевать, угощали. Мы виделись с людьми самых разных национальностей: татарами, чувашами, удмуртами, нанайцами, хакасами — и со всеми быстро находили общий язык.

На пути к Сарапулу нас застала пурга. Сначала вздымались невысокие столбы снега и белой пылью оседали на белый покров земли. Затем налетел воздушный шквал. Надвинулась такая темнота, точно совсем погас дневной свет. Временами мы как бы попадали в водоворот, нас оглушал вой метели. Мы становились боком к ветру, но и это не помогало, нас валило с ног. Руки и ноги сводило от стужи. Лишь поздно ночью в 45-градусный мороз мы добрались в Сарапул.

Чтобы попасть в Красноуфимск, мы должны были двигаться по 6-километровому туннелю либо перевалить через высокую сопку. Переход по узкому туннелю занял бы не меньше часа, а за это время мы неизбежно встретились бы с поездом — дело опасное. Пришлось взбираться на сопку. Чтобы не свалиться в глубокие распадки, мы поминутно цеплялись за ветви ельника.

С вершины сопки мы рванулись вниз и понеслись с головокружительной быстротой. Не теряя темпа, мы приблизились к полотну железной дороги в тот миг, когда из туннеля на всех парах выскочил поезд. Короткий промежуток времени мы мчались рядом с поездом, и вот-вот могли оказаться под колесами. Перед самым шлагбаумом Миша Астафьев свернул в канаву, врезавшись в снег. За ним последовали и остальные. Нам удалось отделаться легкими ушибами.

В апреле мы подошли к реке Куенге. С треском ломались, наскакивая одна на другую, льдины. Переправить нас на лодке никто не брался. Решили перейти вброд. Буйным натиском течения все время относило в сторону. Ноздреватые льдины обступали нас, их приходилось отталкивать. Холод резал тело, точно бритвой, захватывало дыхание. Двадцать лет прошло, а переправы этой до сих пор забыть не могу!

И вот, усталые, но счастливые, мы разорвали ленту финиша на одной из площадей Комсомольска. Горячие слова приветствий, пожатия рук, телеграммы, телеграммы, телеграммы... Одну из телеграмм нам зачитали в торжественной обстановке: товарищ Н. С. Хрущев поздравлял нас «с благополучным окончанием труднейшего пеше-лыжного перехода Орехово — Москва — Комсомольск-на-Амуре» и назвал этот переход «образцом мужества и бесстрашия нашей прекрасной молодежи».

«Приветствуем мужественных и отважных. Ждем в Москву»,— телеграфировал Центральный Комитет ВЛКСМ.

Приятно было получить поздравление от товарищей с завода «Карболит». Они писали: «Ваша настойчивость и героизм в преодолении трудностей будут служить для нас примером в борьбе за быстрые темпы и высокое качество работ».

...Мы вернулись в Москву. Нас принимали руководители партии и правительства. Товарищ Шверник спросил Михаила Астафьева: «Кем бы ты хотел быть?» «Шофером»,— сразу ответил Астафьев. И ему была предоставлена возможность получить эту специальность. В ответ на такой же вопрос товарища Орджоникидзе я сказал, что хотел бы учиться в Промакадемии. Тогда же я был принят в Академию и в дальнейшем ее окончил.

10 ноября 1936 года М. И. Калинин в Кремле вручил пятерым участникам перехода ордена Знак Почета «за установление мирового и всесоюзного рекорда по дальности и скорости перехода».

Все участники перехода и теперь не порывают связи друг с другом. Михаил Астафьев и Василий Аборкин поныне работают на заводе «Карболит», Астафьев воевал на фронте, а теперь стоит у строгального станка; Аборкин, демобилизовавшись после войны, стал начальником цеха. Виктор Сидоров тоже был на фронте и вернулся из армии полковником. Работая на одном московском заводе, он одновременно учится в энергетическом институте. С Владимиром Моисеевым встречаться приходится редко: он живет и работает на заводе во Владимире.

Остается сказать о себе, командоре перехода. Сейчас я старший инженер Технического управления Министерства морского флота.

Не выветрились из нашей памяти чудесные дни перехода. Все мы уже в возрасте, но не остыл еще комсомольский задор и попрежнему не боимся трудностей, а если случится какая-нибудь неприятность, утешаем себя: пурге не сдались, в реке не потонули, нам ли чего бояться?!

И два слова к нынешним комсомольцам. Не найдутся ли и теперь молодые, инициативные люди, которые отправятся в поход, быть может, по другому, но такому же сложному маршруту? Ведь мы не только закалились в пути, мы узнали и еще больше полюбили свою страну. А за двадцать минувших лет страна стала еще интереснее, богаче, могущественней!

К. ВЛАСОВ,
командор лыжно-пешего перехода.

Январь 1956 года. Участники перехода в редакции «Огонька». Слева направо: В. Аборкин, К. Власов, М. Астафьев, В. Сидоров.

Фото О. Кнорринга.

ПОЧТАЛЬОНЫ-МОТОЦИКЛИСТЫ

Аусма Болтере отправляется в очередной рейс.

Фото Е. Фадеева.

На сельских дорогах Латвии появились почтальоны-мотоциклисты. Первой в республике села за руль мотоцикла почтальон из Огре Аусма Болтере.

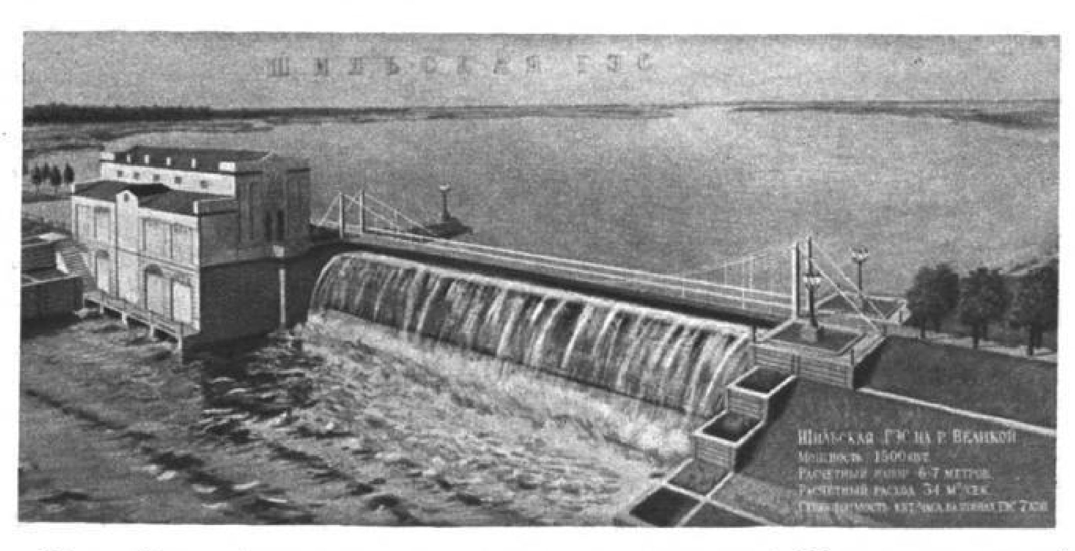
— За день делаешь на мотоцикле пятьдесят километров,— говорит Аусма Болтере,— побываешь во всех уголках, многое видишь, встречаешься с людьми.

Тот, кто бывал на сельских дорогах Латвии, вероятно, заметил, что вдоль шоссе, неподалеку от домов, установлены столбики с почтовыми ящиками. Здесь для сельских почтальонов оставляют письма и открытки, деньги с коротким записками: приобрести в районном центре ту или иную книгу, журнал, справочник.

Свыше тридцати тысяч километров проехала Аусма Болтере по колхозным дорогам родного района. Весной и летом, когда колхозники большую часть времени проводят в поле, почтальон вручает им корреспонденции и газеты на месте работы.

М. ЗОРИН,
И. ШУЛЬКИНА

Электростанции на селе

Проект Шильской сельской гидроэлектростанции мощностью 1 500 киловатт, строящейся на реке Великой (Великолукская область).

«В селе Ново-Вознесенском, Оханского уезда, местный Совет и ячейка коммунистов соорудили электрическое освещение деревни. Использовали воду с мельницы и осветили крестьянские дома».

Это сообщение взято нами из пермской газеты «Звезда» от 27 июня 1920 года. В стране царила тогда разруха, деревни были погружены во тьму. И пуск карликовой электростанции был в то время большим и радостным событием.

Ныне наша необъятная страна покрыта густой сетью сельских гидроэлектростанций.

Электрификация деревни приняла огромный размах. За последние 15 лет число электрифицированных колхозов выросло в три с половиной раза, а мощность сельских ГЭС — в двенадцать с лишним раз. На Урале, где 35 лет назад тускло замерцали огни Ново-Вознесенской станции, работает около четырех тысяч сельских ГЭС. В Свердловской области уже почти полностью электрифицирована колхозная деревня, близка к завершению электрификации сел Челябинской области.

Сейчас сооружаются 449 сельских гидроэлектростанций общей мощностью в 150 тысяч киловатт.

Возросло число межколхозных ГЭС. В Винницкой области на реке Южный Буг сооружается Глубоченская межколхозная станция мощностью более 5 тысяч киловатт. В Самаркандской области возводится еще более мощная гидроэлектростанция — Талыгулянская-3, на 7 680 киловатт. Межколхозные станции, как правило, автоматизируются.

В шестой пятилетке страна сделает еще один большой шаг вперед по пути электрификации колхозной деревни: намечается построить около тысячи сельских электростанций.

Г. НОВОСЕЛЬСКИЙ

УЧЕНЫЙ, ДИПЛОМАТ, ПАТРИОТ

Член-корреспондент Академии наук СССР
А. ЕФИМОВ

В эти дни, когда во всех странах по решению Бюро Всемирного Совета Мира отмечается 250-летие со дня рождения крупнейшего американского ученого, выдающегося общественного и политического деятеля Вениамина Франклина, вспоминаются пророческие слова, напечатанные более ста лет назад в одном из русских журналов: «...деяния его... принадлежат всему человечеству».

Жизнь и деятельность Франклина действительно принадлежит всему человечеству, и вся прогрессивная общественность чтит его память.

Вениамин Франклин родился в Бостоне 17 января 1706 года в многодетной семье бедного ремесленника. В мемуарах, которые он начал писать уже в преклонном возрасте, дана яркая картина сурового, тяжелого детства.

Вениамин был пятнадцатым ребенком в семье. Отец его, бежавший в Америку от религиозных преследований в Англии, делал и продавал свечи. Родители пытались дать Вениамину образование, но оно ограничилось всего лишь двумя годами обучения в школе. На большее не хватило средств.

Каждый, кто знакомится с жизнью этого человека, удостоенного высоких научных званий — он был избран членом Лондонского Королевского Общества и почетным членом Российской Академии наук,— не может не удивиться его настойчивости и непреклонной воле. Франклин не кончал колледжей и университетов. Самоучка, выходец из народа, он стал ученым с мировым именем и достиг всего этого своими собственными силами, благодаря труду и огромной жажде знаний.

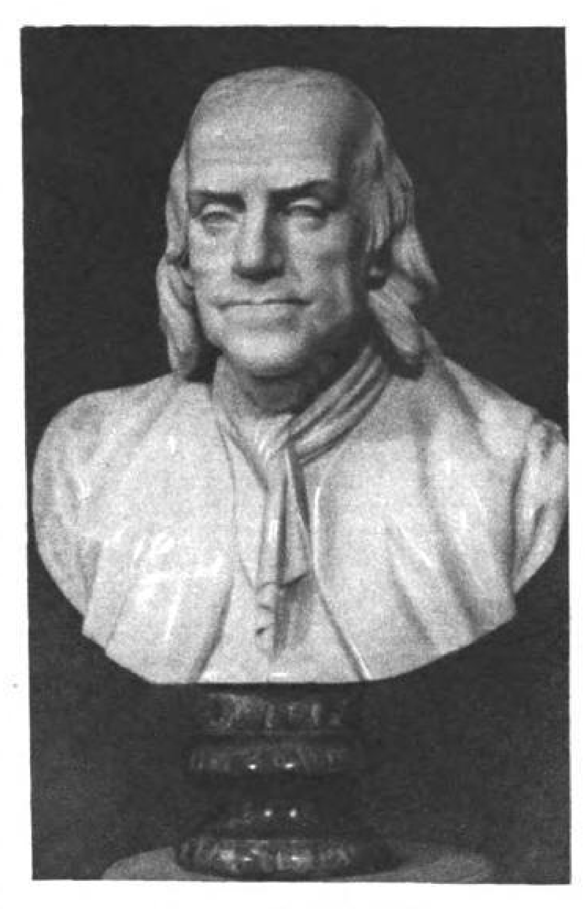
Когда Франклину исполнилось 12 лет, он по требованию брата, владельца типографии, и по настоянию отца подписал так называемый двойной (заполнялся он в двух экземплярах) договор, в ту пору весьма распространенный в Америке. Атлантический берег стремительно заселялся обезземеленными крестьянами, рабочими и ремесленниками из европейских стран. Они искали спасения от нищеты и голода. Но мало кто из них находил счастье на «обетованной земле». В колониях (тогда Северная Америка состояла из английских, французских, голландских и других колоний) они попадали в лапы тех же господ, от которых бежали: аристократов-землевладельцев, владельцев мануфактур, купцов. Оказавшись в долговой кабале, они заключали договоры, которые обрекали их на рабство.

Обладатель «временного раба» мог подвергать его телесным наказаниям; хозяин заставлял выполнять любую работу и обязан был только кормить и одевать. По такому договору малолетний Вениамин обязался работать 8 лет в типографии, не получая денег. Днем подросток набирал, печатал, брошировал и продавал книги. Он в совершенстве постиг технику типографского дела, что позже, в годы суровой молодости, спасало его от нищеты и в Филадельфии и в Лондоне, куда судьба забрасывала юношу. Вечера и значительную часть ночи Вениамин проводил за чтением книг, большей частью философских, которые ему удавалось доставать.

Когда срок договора истек, молодой типографщик постарался избавиться от своего грубого и жестокого родственника. Почти без денег он отправился на корабле в Нью-Йорк, но, не найдя там работы, поехал в Филадельфию. Через некоторое время он едет в Лондон, а потом снова в Филадельфию и вместе с одним из наборщиков открывает свою собственную типографию.

Франклин писал философские и моралистические трактаты, издавал популярный ежегодник, подписанный псевдонимом «Ричард Саундерс». По отзыву литературоведов, этот ежегодник в американских колониях был наиболее распространенной книгой... после библии.

Он продал типографию и писчебумажный магазин и направил свою энергию на создание первых общественно-культурных учреждений и научных центров Америки. Еще раньше им было организовано научное философское общество, прозванное «Клуб кожаных фартуков». Само это название говорило о демократизме его основателя. В то время, когда наука являлась достоянием по преимуществу аристократических кругов, «Клуб кожаных фартуков» объединял людей, не гнушающихся трудом. Первыми его членами были токарь и математик, сапожник и клерк, землемер и приказчик.

Вениамин ФРАНКЛИН.
Скульптура Жана Антуана Гудона.

Франклин открыл первую в Америке общественную библиотеку, создал первую больницу, построенную на общественные средства. Поборник прогресса наук, он основывает Академию (в дальнейшем Пенсильванский университет) и сам обращается к научным занятиям.

В жизни колоний особое место занимало мореплавание. Корабли поддерживали связь Европы с Америкой. На них доставляли товары, оружие, войска, невольников-негров из Африки. Устарелые суда американских компаний и нью-йоркских купцов не могли соперничать по быстроходности и оснащению с английскими и французскими. Франклин изучает вопросы кораблестроения и создает труд по теории постройки судов. В нем он приводит математические расчеты поперечного сечения корпуса парусников, расчеты, которые позволяют делать суда способными лучше преодолевать сопротивление воды.

Но этим не исчерпываются связанные с мореплаваниями исследования Франклина. Он изучает метеорологию, морские течения, смерчи и другие явления, влияющие на судоходство, и составляет первую научную карту Гольфстрима.

Однако славу мирового ученого приносят ему блестяще выполненные труды по электричеству, тогда еще новой области знаний.

В 1747 году Франклин начал трактат об электричестве. В ту пору еще никто не мог сказать что-либо о природе этого явления. Исследователь впервые стал рассматривать электричество как невесомую жидкость, определенным количеством которой обладают все тела. В зависимости от уменьшения или увеличения количества этой жидкости все тела приобретают положительный или отрицательный заряд. Это была гениальная гипотеза о положительном и отрицательном полюсах электричества.

Приобретя электрическую машину, Франклин теоретически объяснил, какова природа возникавших в ней электрических разрядов. Он понял, что в этой машине в меньшем масштабе происходят те же явления, что и в атмосфере во время грозы. После тщательной пятилетней подготовки ученый провел опасный опыт. Во время грозы он запустил в небо воздушный змей с металлическим острием. Проволокой острие соединялось с прутом, который экспериментатор держал в руке на стеклянной подставке. К изумлению многочисленных зрителей, молния прошла через прут, ударила в металлический шар, лежавший на земле, и, не причинив никакого вреда исследователю, ушла в землю.

Так, «исторгнув молнию с небес», еще в середине XVIII века Франклин изобрел громоотвод.

Когда началась освободительная война, направленная против английской метрополии, Франклин с той же страстностью, с какой открывал новое в науке, принимает участие в борьбе за независимость Америки. Ученый уступил место политическому деятелю и дипломату.

Франклин был избран членом Пенсильванского законодательного собрания. Когда губернатор произвольно отменил постановление этого собрания, Франклин возглавил оппозицию против него. Собрание направило его в Лондон. Ему нужно было добиться ограничения прав английских властей в Америке. В английском парламенте Франклина спросили, каков будет результат посылки войск в Америку. Последовал ответ: «Войска не найдут там революции, но явятся причиной ее».

В период начала восстания колоний против Англии Франклин — член Континентального конгресса. Конгресс принимает решение об отделении от Англии. Вместе с Джефферсоном Франклин участвует в выработке «Декларации независимости», в которой была провозглашена великая идея о том, что источником власти должен являться сам народ, идея народного суверенитета.

В 1776 году в качестве неофициального посла от страны, которая еще не была признана французским правительством, Франклин приехал в Париж и сразу же развил бурную деятельность. Он сблизился с прогрессивными французскими буржуазными кругами, познакомился с Бомарше, установил связи с Лафайетом. Франклин сначала сумел получить тайную ссуду в несколько миллионов ливров от французского правительства и организовал отправку в Америку большого количества оружия и амуниции. Затем, использовав давнишнее соперничество Англии и Франции, он немало способствовал тому, что Франция заключила с Соединенными Штатами договоры о союзе и о торговле и вступила в войну против Англии на стороне Америки.

Война закончилась отделением колоний от Англии. Последствия ее тяжким бременем легли на плечи народных масс. Положение бесправных рабочих, фермеров, ремесленников было очень тяжелым. Вернувшись в Америку, Франклин пытается защитить интересы народа. Он выступает за демократизацию политического строя, ратует против рабства, стремится отстоять права негров. Однако все эти попытки не увенчались успехом.

Хотя Франклин прошел суровую жизненную школу в юные годы, потом он примкнул к лагерю имущих и стал горячим защитником буржуазной собственности. Однако для своего времени его мировоззрение и дела сыграли прогрессивную роль. И поныне живут многие передовые идеи Вениамина Франклина, неустанного трудолюбца, великого ученого, вышедшего из народа и стремившегося поставить науку на службу народу, страстного патриота и борца за освобождение своей родины от колониального угнетения.

Трибуна творческого общения

Всего полгода назад начал выходить журнал «Иностранная литература», но за это время он завоевал прочные симпатии советских читателей.

Конечно, не все напечатанное в журнале одинаково талантливо. Можно спорить о художественных достоинствах сартровской «Лиззи» или брать под сомнение безупречность композиционного построения вайяновской «Пьеретты Амабль». Но привлекает журнал не только литературными достоинствами публикуемых произведений.

Когда читаешь «Старик и море» Э. Хемингуэя, не только любуешься великолепным мастерством, с которым сделана эта повесть, но и постигаешь всю суровую правду борьбы простого человека за существование. Когда читаешь повесть Анны Зегерс «Человек и его имя», думаешь не только о композиции произведения, но и о проблемах, которые волнуют сегодня народ Германии. Перелистывая страницы журнала, понимаешь, что «Иностранная литература» по своему значению выходит за рамки простого ознакомления советских читателей с произведениями зарубежных писателей. Журнал становится трибуной общения для всех, кому дороги культурные, творческие связи между народами.

Тематика журнала многообразна. Кроме художественных произведений современных писателей, здесь печатаются литературное наследие разных народов, критические статьи, рецензии, письма из-за рубежа, серия очерков о лауреатах Международных премий мира, есть раздел «Отклики, встречи, впечатления».

Мы попросили разрешения у редакции «Иностранной литературы» ознакомиться с письмами, которые она получает от советских читателей. Пишут разные люди — крестьяне, врачи, инженеры, торговые работники, пенсионеры. Пишут о разном. Но во всех письмах есть просьбы что-то «расширить», «увеличить», «продолжить» и т. п. И нет ни одной просьбы «уменьшить» или «сократить». Один из читателей просит увеличить журнал «хотя бы до 50 печатных листов», другой считает необходимым больше рассказывать о зарубежных писателях, и отдел «Коротко об авторах» он в шутку назвал отделом «Слишком коротко об авторах».

У журнала много возможностей, а у советских читателей много требований к нему и пожеланий. Некоторые из них выразил в своем письме в редакцию «Иностранной литературы» советский писатель Михаил Шолохов.

Шолохов говорит о журнале как о «круглом столе», за который сядут писатели разных стран, чтобы обсудить волнующие их вопросы.

«Пишу это письмо, — продолжает М. Шолохов, — с сознанием, что наступило время, когда при наличии доброй воли и взаимоуважения делу всемерного развития культурных связей может быть придан широкий размах, разумеется, лишь в том случае, если усилия будут взаимны».

На призыв М. Шолохова откликнулись Мария Майерова, Жан-Поль Сартр, Лао Шэ, Димитр Димов, Арнольд Цвейг, Хан Сер Я, Назым Хикмет и другие.

«Хорошие книги объединяют народы прочно и на долгие времена», — пишет в редакцию Лион Фейхтвангер.

Журнал объединяет усилия всех зарубежных писателей, борющихся за мир, за реалистическую литературу.

Многочисленные советские читатели желают новому журналу успеха в его благородном и важном деле.

Г. БОРОВИК

Героика труда

Повесть башкирского писателя Гарифа Гумера «Городок на волнах» рассказывает о буднях людей, сплавляющих лес. Действие происходит в дни Великой Отечественной войны, когда фронт был всюду: на передовой и в глубоком тылу. Фронт проходил и через пловучий городок, в котором жили и трудились лесогоны, на небольшой башкирской речке Ак-Идель. Трудовые их подвиги овеяны подлинным героизмом. Они терпят лишения, связанные с жизнью на воде, порой недосыпают, несут непосильную работу, но не падают духом, ибо знают, что на войне труднее. Рискуя жизнью, героиня повести Халимэ Сырлыбаева, не задумываясь, бросается в воду, чтобы спасти оторвавшийся от городка плот.

Но в небольшом пловучем городке нашелся человек, который незаконно продал государственный лес, а деньги пропил. Это Юлбарисов. «Люди защищают Родину, кровь проливают, а эта сволочь ворует, пьянствует», — гневно говорит о нем бригадир Варя Кряжева.

Как бы ни было трудно людям, они живут своей обычной жизнью. Приходит любовь к взбалмошной Бикэ. Любовь преображает ее. Она находит смысл в работе, обретает уверенность. Образ Бикэ, пожалуй, больше других удался автору.

Книга написана увлекательно. Гариф Гумер владеет мягкой манерой письма. Словно нежные, сочные акварельные краски, ложатся его слова: «Поздний летний вечер, время идет к полуночи. Медленно катит свои волны Ак-Идель, порой кажется, она застыла, и беспокойно мигают из ее глубин провалившиеся на самое дно звезды. Звезды тоже надумали подремать на мягком речном ложе под прозрачным теплым одеялом, но сегодня им, как и сплавщикам, не спится».

Повесть Г. Гумера недавно опубликована в Уфе на русском языке.

Ник. ПИЯШЕВ

ИСТОРИЯ ОДНОГО СЛОВА

Появление «Войны и мира» очень взволновало Тургенева. Первые его отзывы (еще до выхода романа в целом) были отрицательными; потом оценка стала повышаться и в конце концов приобрела восторженный характер, хотя и с постоянными оговорками в отношении философских рассуждений Толстого. «...Есть целые десятки страниц сплошь удивительных, первоклассных», — писал Тургенев П. В. Анненкову. И дальше: «...есть в этом романе вещи, которых, кроме Толстого, никому в целой Европе не написать и которые возбудили во мне озноб и жар восторга». В письме к И. П. Борисову Тургенев называет Толстого «самым даровитым писателем во всей современной европейской литературе».

Как раз в это время (1869 г.) Тургенев писал очередной отрывок своих «Литературных воспоминаний» под заглавием «По поводу «Отцов и детей» — своего рода исповедание веры, обращенное ко всем врагам и критикам, как слева, так и справа. В качестве «самого печального примера» отсутствия истинной свободы понятий и воззрений Тургенев приводит «Войну и мир» Толстого, но тут же прибавляет, что это произведение «по силе творческого, поэтического дара стоит едва ли не во главе всего, что явилось в нашей литературе с 1840 года». Под «нашей» надо понимать, очевидно, русскую литературу, но что означает в таком случае эта дата? В 1840 г. появился «Герой нашего времени» Лермонтова, но ведь в 1842 г. изданы «Мертвые души» Гоголя. Как же мог Тургенев пройти мимо этой важнейшей в истории русской литературы даты?

Недоумение исчезает, если от печатных изданий обратиться к рукописи — к ценнейшему беловому автографу, хранящемуся в архиве Государственного исторического музея. Этот автограф был послан Тургеневым осенью 1869 г. издателю для первого тома «Сочинений»; с него набирался текст «Литературных воспоминаний» в этом издании. Однако до того рукопись, по просьбе самого автора, побывала в руках старого тургеневского друга и советчика Николая Христофоровича Кетчера, того самого чудака и фанатика Кетчера, который так ярко описан в «Былом и думах» Герцена. Тургенев ценил горячность Кетчера и всегдашнюю его готовность выполнить любое поручение, но забывал о его «цензурных» страстях, о его свойстве любить своих друзей «до притеснения», как выразился Герцен. Особенно импонировало Тургеневу то, что Кетчер был, по его мнению, «львом» на опечатки. Постоянная жизнь за границей и связанная с этим невозможность самому править корректуры развили в Тургеневе особую болезнь — страх опечаток: «Ты знаешь хорошо, какой ужас внушают сочинителям опечатки — а ты величайший мастер истреблять их», — писал он Кетчеру, как будто опечатки — нечто вроде инфузорий или бацилл.

Тургенев привык к Кетчеру, как больной привыкает к врачу (Кетчер на самом деле был по образованию лекарем), хотя бы и с недостатками в характере или в искусстве лечения. Он советовался и считался с Кетчером не только в вопросе об опечатках, но и в более серьезных случаях. «Ты держишь корректуру моих Сочинений — и особенно — «Литературных воспоминаний», — служащих вместо предисловия, — писал он Кетчеру. — Я ими не особенно доволен — но по крайней мере надо избегнуть чепухи в них. — Коли попадется тебе что-нибудь неверное, властию тебе данной — устрани». Соблазн был велик — и Кетчер нашел в рукописи подходящее место.

Тургенев, оказывается, написал, что роман Толстого «Война и мир» стоит едва ли не во главе всего, что явилось «в европейской литературе с 1840 года». «Чепуха! — воскликнул, очевидно, лекарь Кетчер, переводивший Шиллера и Шекспира и потому считавший себя высшим судьей в такого рода вопросах. — Перехватил Иван Сергеевич: где ж это видано, где ж это слыхано, чтобы русский роман оказался во главе европейской литературы?!» Вычеркнув слово «европейской», он написал сверху особенно крупно и разборчиво: «нашей».

Тургенев не заметил коварной поправки, снизившей оценку «Войны и мира», а заодно отодвинувшей и «Мертвые души» на второй план. Сказав, что «Война и мир» стоит едва ли не во главе всего, что явилось в европейской литературе с 1840 года, Тургенев имел в виду, конечно, развитие европейского реализма, начавшееся после тридцатых годов (Стендаль, Бальзак, Мериме, Диккенс, Флобер). «Поправка» Кетчера придала этой дате иной, узкий смысл или, вернее, сделала ее, да и всю фразу, бессмысленной. Не найдись рукопись Тургенева (она оказалась в архиве историка И. Е. Забелина), эта фраза печаталась бы так, как она печатается во всех изданиях до сих пор, то есть в кетчеровской редакции, и мы бы не подозревали, что Тургенев решился или, вернее, счел нужным в 1869 году оценить «Войну и мир» так высоко.

Отныне в тексте «Литературных воспоминаний» Тургенева слово «нашей» надо заменить словом «европейской» — и пусть из этого маленького примера читатели, а заодно и издатели увидят, что такое текстология и почему она нужна.

Б. ЭЯХЕНБАУМ

Горный венец

Гослитиздат выпустил в свет драматическую поэму Петра Негоша «Горный венец».

Видный государственный деятель, господарь (светский и духовный правитель) Черногории — маленькой славянской страны, в течение веков героически отстаивавшей свою независимость, — Петр Негош посвятил свою поэму знаменательному событию конца XVII века — народному восстанию черногорцев против турецкого засилия. Вдохновляясь героическими песнями и сказаниями, поэт создал замечательный памятник славянской поэзии. Многие стихи из поэмы стали народными песнями, которые и сейчас можно услышать в долинах и горах Югославии. Негош был пламенным поборником славянского единства, дружбы с братским русским народом, о чем убедительно свидетельствуют его многочисленные стихотворения и государственная деятельность.

Мужественная лирика

Ветвь почернела и намокла
И, тронутая ветерком,
Стучит в оттаявшие стекла,
Как пальцем, маленьким сучком.

Это из одного стихотворения Бориса Котлярова, серьезного и вдумчивого поэта, который живет и работает в Харькове. Б. Котляров обладает точным словом, конкретной, запоминающейся деталью; стихи его мужественны и лиричны. Об этом свидетельствуют поэмы Б. Котлярова «Повесть о Гуре и друге его комендоре» и «Песнь о Синегорье», изданные вместе с другими стихотворениями в Харькове. В произведениях поэта много песенных мотивов; оттого они просты по форме и запоминаются.

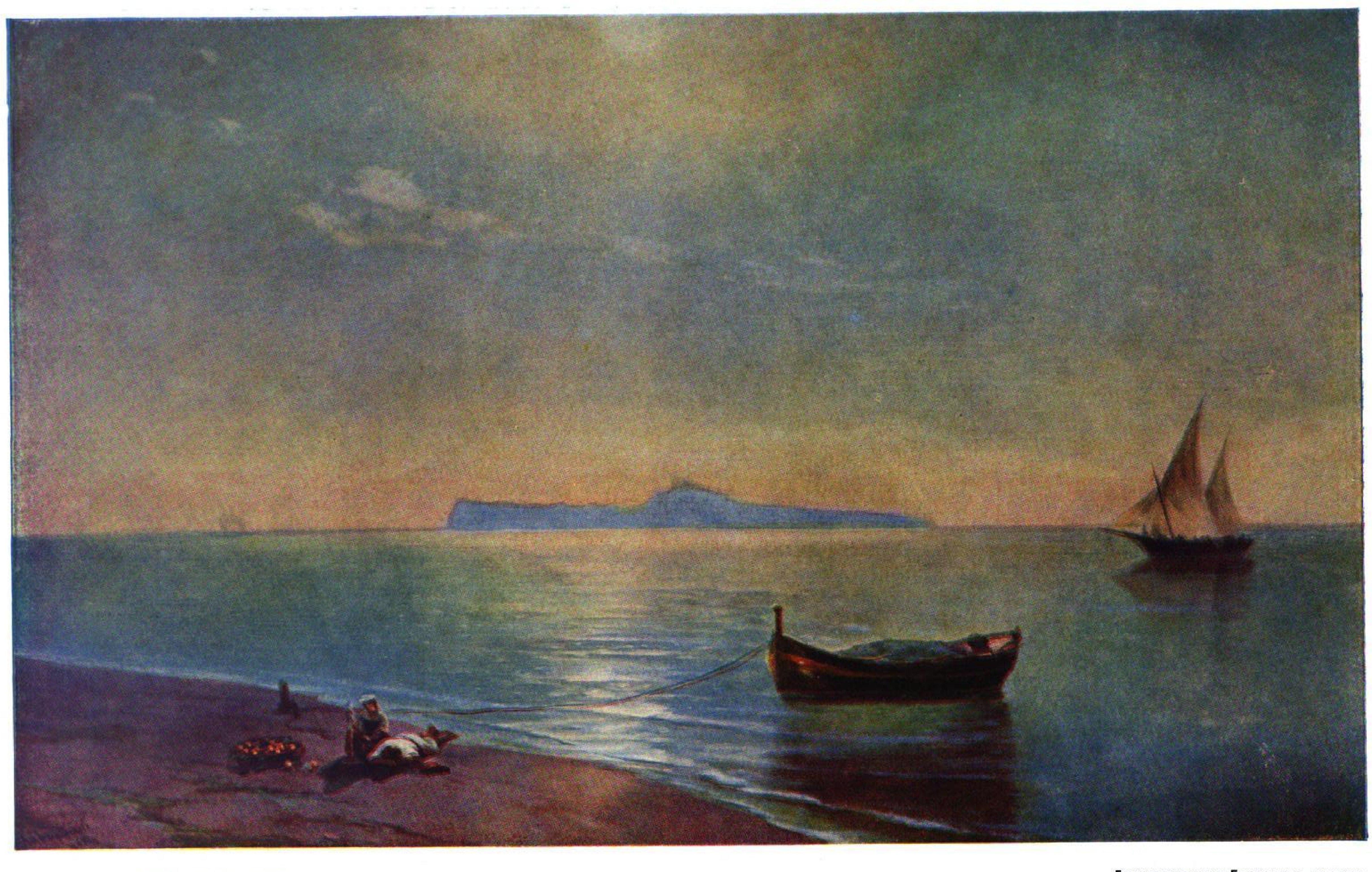
Ты далеко-далёко. Ты не слышишь,
Как нежный тополь охватила дрожь
И падает на меркнущие крыши
Однообразный армавирский дождь.

Мягкий лиризм и напевность интонаций — эти черты выделяют Бориса Котлярова из числа других поэтов морской романтики.

В. ГАЛИН.

И. Е. Репин (1844—1930). УКРАИНКА. Из частного собрания.

И. К. Айвазовский (1817—1900). ШТИЛЬ.

Государственная Ереванская галерея.

С. Ю. **Жуковский** (1873—1944). ЛЕСНОЕ ОЗЕРО (Золотая осень). Харьковский государственный музей изобразительного искусства.

А. М. Васнецов (1856—1933). ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ.

Сумской государственный художественный музей.

НОЧЬ В АЭРОПОРТУ

Рассказ

Татьяна ТЭСС

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Ночи уже были по-осеннему свежие, и Леля, стоя на аэродроме, продрогла. Она усадила пассажиров, отлетающих в Хабаровск, и, как делала обычно, подождала, пока тяжелый самолет, подпрыгивая, побежал по бетонной дорожке. Вначале он был хорошо виден, освещенный белым жестким лучом прожектора, а потом сразу исчез, словно нырнул в темноту, и только подвижной цветной огонек, зажегшийся на краю небосвода, мерцал слабо и нежно, как бы говоря о рождении новой звезды.

Величавый нескончаемый рокот летящих самолетов лился с ночного неба. Самолеты были невидимы, движение их можно было угадать лишь по бортовым огням, медленно и важно плывущим среди ночных светил. У самых лелиных ног в сухой траве вдруг страстно и торопливо затрещал кузнечик. Даже гул машин не мог его заглушить; это был голос осени, голос степи, слушать его почему-то было тревожно и немного грустно.

Издалека потянуло запахом сухих трав, и от этого запаха, смешавшегося с металлическим дыханием бензина и машинного масла, смутное чувство беспокойства в лелиной душе усилилось.

Уже четыре дня она не видела Андрея Петровича. Он работал на аэродроме механиком, и его дежурства совпадали с дежурствами Лели. Они иногда уезжали после работы вместе, на одном и том же автобусе, а последнее время Андрей Петрович стал ожидать Лелю у выхода.

Но вот уже четыре дня, как его не было. После работы Леля стояла почти час, пропуская один за другим автобусы, надеясь, что, быть может, Андрей Петрович задержался и сейчас появится. Она стояла на ступеньках возле той же колонны, где обычно виднелась его высокая, долговязая фигура в короткой кожаной курточке, и терпеливо ждала. Так было и в прошлый раз. Утро выдалось розовое, пышное, все в позолоте и пухлых облаках. Леля устала после ночного дежурства, ей казалось, что она бледная, некрасивая, а нос и подбородок у нее, наверно, посинели от свежего ветра... Но она не могла заставить себя уйти.

Андрей Петрович так и не пришел.

Все это Леля вспомнила сейчас, на ночном, обдуваемом ветром поле. Кузнечик продолжал трещать изо всех своих маленьких сил, словно торжествовал, что он слышен в этом просторе, полном ночных шумов и шелеста ветра. Проехала заправочная машина, потом, не торопясь, вразвалку, прошел бортмеханик с машины «сорок два восемнадцать»... Из глубины аэродрома, словно из погреба, потянуло колючим, влажным холодком. Огромное осеннее небо мерцало и переливалось над полем. Леле стало холодно. Она быстро пошла через поле к зданию аэропорта.

Большой зал был залит ярким светом. На скамейках сидели пассажиры. Леля работала в аэропорту несколько лет, но до сих пор, как в самые первые дни, с любопытством и интересом разглядывала пассажиров, стараясь угадать, в каком направлении летит каждый из них.

Вот этот человек с худым, подвижным лицом, одетый в плотное не по сезону пальто, кажется ей похожим на инженера. По всей вероятности, он летит в Свердловск. Он не успел сегодня побриться и, очевидно, не успел поужинать. Это видно по тому, с каким интересом он оглядывает стены зала, ища табличку с надписью «Ресторан». А вот эта миловидная полная дамочка, неподвижно, как кукла, сидящая на скамейке возле своего большого чемодана, наверное, летит в Адлер, на курорт...

Дверь открывалась, входили все новые пассажиры. Размахивая громадным, раздутым портфелем, вошел краснолицый толстяк и прошествовал прямо в буфет, нигде не задерживаясь. Статный генерал с четырьмя орденскими планками на кителе неторопливо оглядел зал и сел неподалеку от выхода. На той же скамье, прислонившись к спинке, чинно сидел седобородый священнослужитель в клобуке и шелковой рясе.

Поеживаясь от ночной сырости, вошла знаменитая комическая актриса.

У нее было простое усталое лицо пожилой, невыспавшейся женщины. Тяжело ступая на всю ногу, она шагала, не глядя по сторонам, словно не замечая, как пассажиры, узнав ее, начинают весело перешептываться и улыбаться.

Актриса села у выхода. Она мельком взглянула на Лелю, на ее форменную курточку и голубую повязку на рукаве и мрачно спросила:

— Самолет на Баку не отменили?

— Нет, что вы! — вся вспыхнув, ответила Леля, не сводя с нее восторженных глаз. — Ноль часов пятьдесят минут, рейс двести семнадцать...

— Очень жаль! — так же мрачно ответила актриса и отвернулась.

Леля вздохнула и, переступив с ноги на ногу, спросила робко:

— Отдыхать едете, товарищ Аркадина?

— Отдыхать? — Актриса иронически усмехнулась. — Отдыхать едут умные люди. А меня нелегкая несет на съемку...

— Значит, мы вас скоро увидим в новой картине? — обрадовалась Леля. — Кого же вы будете играть?

— Мамашу укротительницы змей, — сердито сказала актриса, закуривая сигарету. — Кобры, понимаете, не хватало в моей биографии...

Знаменитая актриса очень любила пожаловаться на свою судьбу. Леля не знала этого.

— Конечно, некоторые едут в отпуск, — сказала актриса и так осуждающе поглядела на Лелю из-под густых бровей, что та вдруг почувствовала себя виноватой. — А я скорее инфаркта дождусь, чем отпуска. В театре — репетиции, на студии — съемки; ношусь из Москвы в Баку, туда и обратно, как утка. Права была моя бедная мама, когда уговаривала меня не становиться актрисой... — Она помолчала. — Как вас зовут, душенька? — вдруг спросила она.

Леля хотела сказать «Петрова», но подумала и неожиданно для самой себя ответила нерешительно:

— Леля.

— То ли дело — ваша работа, Лелечка... — мечтательно сказала актриса и вздохнула. — Каждый день — новые люди, новые встречи... И дыхание всей планеты, которое здесь ощущаешь. Какая прелесть! Ах, Леля, милая Леля, если бы вы знали, как я устала быть актрисой!

Леля озадаченно молчала. Она как-то ни разу не думала насчет планеты. Не приходилось, в общем, подумать об этом. Но как может такой талантливый человек быть недовольным своей жизнью?

Она глядела на актрису, на ее сердитое лицо, седые волосы, сумку, из которой торчала разорванная пачка сигарет, и все это вызывало в ней восхищение, казалось необыкновенным...

— Вы даже не представляете, как народ вас любит, — сказала Леля горячо. — Ведь это же такое счастье!

Актриса помолчала.

— Спасибо вам, дружок, на добром слове, — мягко и просто сказала она, смотря на Лелю своими большими, прекрасными глазами.

В это время в рупоре, висящем над дверью, что-то щелкнуло, и голос Симы Топорковой, дежурного диктора, объявил:

— Начинается посадка на самолет Москва — Баку, рейс двести семнадцать. Пассажиров просят пройти на аэродром.

Лицо Лели сразу стало официальным.

— Попрошу на посадочку! — особым, «дежурным» голосом сказала она и прошла к выходу.

Она проверила билеты и распахнула дверь. Сразу потянуло ветром, ворвался напряженный, вибрирующий звук работающих моторов...

Пассажиры двинулись к самолету. Впереди строгая и слегка торжественная, как всегда в последние минуты перед отлетом, шагала Леля. Рядом с ней шла актриса, шла такой легкой, молодой походкой, словно вовсе не она только что кряхтела и жаловалась на свою судьбу.

Правда, влезая в самолет, она потеряла билет и паспорт, но Леля успела подобрать их на влажном от ночной росы асфальте. Она усадила актрису, старательно повесила на крючок ее сумку, из которой все время что-то вываливалось, потом проверила, не остался ли кто-нибудь из пассажиров на аэродроме... Все это она делала в неожиданном для нее приподнятом состоянии духа. И когда самолет побежал в темноту по бетонной дорожке, Леля постояла немного, глядя ему вслед и продолжая улыбаться.

Потом вспомнила Андрея Петровича, тяжело вздохнула и зашагала назад к зданию, весело поблескивающему огнями.

В аэропорт продолжали прибывать все новые пассажиры.

Пришел высокий, плечистый блондин в светлом плаще. Леля знала его, то был геолог, доцент Московского университета. В этом году он уже летал много раз — то в Бухарест, то в Вену, то в Хабаровск. Вместе с ним пришли пятеро молодых людей в спортивных курточках и башмаках на толстых подошвах. С ними была девушка, длинноногая блондинка с пышными блестящими волосами, тоже в спортивной курточке и брюках. Из разговора Леля поняла, что это чешские студенты, которые учатся в Москве. Сейчас все они вместе с геологом летели куда-то на практику.

Вошел невысокий лысоватый человек в очках, с худощавой фигурой спортсмена и охотника. Он помахивал на ходу небольшими сильными руками, с удовольствием озираясь, словно школьник, отпущенный на каникулы. Леля узнала и его: это был известный московский хирург. Он так часто улетал по самым различным маршрутам, что они с Лелей уже давно здоровались, как знакомые. Рядом с ним шагал молодой человек, очевидно, его ассистент, тоже в очках и в таком же, как у шефа, макинтоше. В то время как прославленный хирург легкомысленно поглядывал по сторонам и так загляделся на красивую чешку в брюках, что даже споткнулся, молодой ассистент был исполнен серьезности и достоинства.

Легко ступая на высоких, тонких, как гвозди, каблуках, вошла худая брюнетка. Кудрявые волосы ее были коротко, с нарочитой небрежностью подстрижены, губы обведены утолщающей их сиренево-красной чертой. Она была очень хороша: грациозная голова на длинной шее, большие, блестящие глаза... Полосатое распахнутое пальто было сшито с той великолепной мешковатостью, в которой Леля по-женски проницательно угадала руку дорогого портного. Надменно подняв голову, брюнетка что-то говорила по-французски своему спутнику.

Автобус привез большую группу китайцев.

Приветливо улыбаясь, они прошли через зал, неся в руках желтые чемоданы, и вручили их сердитому усачу в фартуке. Тот, неодобрительно помаргивая, взвесил чемоданы, привязал к ним ярлыки и вдруг, отдавая чемоданы обратно владельцам, заулыбался по-стариковски добродушно и что-то такое сказал китайским товарищам, что они закивали головами и стали по очереди трясти ему руку.

Леля посмотрела на часы: скоро отправляется самолет Москва — Минеральные Воды.

Рупор щелкнул, и Сима Топоркова, старательно выговаривая каждое слово, сообщила о начале посадки. Митрополит в клобуке, сидящий на скамейке у выхода, вдруг встрепенулся, приосанился и зашагал к двери, деликатно шелестя шелковой рясой. За ним потянулись остальные пассажиры. Проверив список, Леля обнаружила, что пассажир по фамилии Сушкин на посадку не пришел. Подобные случаи бывали в ее практике часто, но каждый раз она испытывала томительное чувство беспокойства.

— Товарища Сушкина, отбывающего по маршруту Москва — Минеральные Воды, просят пройти на посадку... — флегматично произнес голос из рупора...

Леля, стараясь сохранять на лице невозмутимость, продолжала стоять у двери на аэродром вместе с переминающимися, беспокойно поглядывающими на часы пассажирами. Как часто даже самые солидные, почтенные люди по-детски теряются и суетятся на аэродроме! В такие минуты она, Леля, чувствует себя бесконечно взрослой, сильной, несущей ответственность за каждого из них... Вот и сейчас она безошибочно знала, что этот полный и важный по виду человек в круглой велюровой шляпе летит на самолете впервые в жизни и нервничает, как бы в дороге с ним чего не приключилось... «Поскорей бы уже улететь!» — наверное, думает он. Губы его крепко сжаты, полное лицо напряжено. А тут еще Сушкина нет! И куда он провалился, этот Сушкин?

Француженка в полосатом пальто прошла несколько раз по залу и села у окна, перекинув ногу за ногу. Узкая, маленькая туфелька повисла на концах пальцев, и француженка все время нервно покачивала ногой. Потом она встала и снова беспокойно зашагала по залу.

— Товарища Сушкина, отбывающего по маршруту Москва — Минеральные Воды, просят пройти на посадку в самолет, — бесстрастно повторил голос из рупора.

Леля снова посмотрела на часы. Больше ждать нельзя, надо вести людей на аэродром.

В темноте, пересекаемой белыми столбами прожекторов, распластались самолеты, похожие на огромных металлических рыб. Далеко за ними тлел и вспыхивал рубиновый свет маяков.

Голос в рупоре снова воззвал к исчезнувшему Сушкину. Прокатил носильщик на автокаре, нагруженном чемоданами. Не торопясь, хозяйской походкой, прошествовал пилот.

И вдруг, размахивая огромным портфелем, на аэродром рысью выбежал краснолицый толстяк. Щеки его, и без того красные, сейчас приобрели багровый оттенок. Это и был Сушкин, явно засидевшийся в буфете.

Отдуваясь, он взобрался по лесенке в самолет, дверь захлопнулась, лесенку откатили в сторону, и самолет ринулся в темноту.

Леля проводила его глазами. Ну, вот все в порядке, можно вернуться в зал, сейчас начнется посадка на самолет Москва — Свердловск... Потом будет небольшой перерыв, она сможет отдохнуть. Но почему, почему на душе так тревожно, так томительно?..

И вот опять она стоит у двери на аэродром, опять проверяет билеты, ставит «птички» в списке пассажиров. Фамилия небритого инженера Луньков, он действительно летит в Свердловск. Оказалось, что в Свердловск летят и чешские студенты. Весело переговариваясь, они толпились у выхода. Красивая студентка в брюках стояла впереди, товарищи что-то говорили ей, она рассеянно слушала, вглядываясь в темноту. Потом подошел белокурый геолог. Он ничего не сказал, он даже не обратился к ней, просто стал неподалеку, а она сразу обернулась и вся вспыхнула, словно ее обдало теплом и светом. И когда Леля увидела ее глаза, сияющие, изумленные, — глаза человека, видящего счастье, — ей вдруг стало так грустно, что захотелось заплакать.

— Попрошу на посадочку! — сказала она сердито и прошла вперед, не оборачиваясь.

Улетел и этот самолет. Леля одиноко стояла у фонаря, вдыхая влажный, свежий воздух. Веселый хирург прогуливался вдоль ограды вместе со своим серьезным молодым помощником.

Из темноты, урча, вырулила машина, прилетевшая из Ташкента. По широкому трапу самолета вслед за осанистым узбеком с Золотой Звездой на пиджаке спустилась группа индийцев.

Они шагали по полю, тонкие, легкие, со смуглыми, четкими, как на медалях, лицами, зябко кутаясь в плащи. Вслед за ними из самолета вышел полный человек с оливковым лицом, в светлой курточке и клетчатой юбке, туго стянутой узлом на животе.

Увидев хирурга, он на секунду в изумлении остановился, вперив в него свои блестящие черные глаза, потом просиял всем лицом и быстро зашагал, приветственно протянув вперед крепкие бронзовые руки. Хирург ринулся к нему навстречу. Они долго трясли друг другу руки, что-то оживленно произнося по-английски, потом хирург длинно и горячо говорил, а полный человек внимательно слушал его; затем заговорил гость, прижав к груди ладони, наклонив голову, и во всей позе его было такое благородное уважение, что Леля почувствовала, как в груди у нее стало горячо и приятно. И хирург, видно, тоже расчувствовался, ибо он обнял гостя за плечи, и так, обнявшись, они прошли в зал.

«Как бы он, однако, не опоздал на самолет!..» — озабоченно подумала Леля, провожая хирурга глазами. Об этом же, вероятно, подумал молодой помощник хирурга и нахмурился.

Но хирург не опоздал. К началу посадки он прибежал на аэродром; лицо его было оживленным; он с удовольствием щурился, словно перед его глазами еще стояло что-то для него очень приятное.

— Это известный бирманский хирург,— объяснял он ассистенту, и тот слушал его, солидно надув щеки. — Я познакомился с ним на конгрессе в Стокгольме. Понимаешь, Толя, он приехал в Москву посмотреть, что сделано у нас в области восстановительной хирургии. Я пригласил его побывать в нашем институте, когда мы вернемся из Праги. — Хирург пропустил вперед пухлую шатенку в берете и задумчиво смотрел, как она взбирается по лесенке в самолет. — Надо будет обязательно показать ему Попова. Очень, очень интересный случай операции на сердце... — озабоченно сказал он. — И Костюшко тоже покажем. Как ты полагаешь?

— Разрешите ваш билетик, — деревянным голосом сказала Леля.

От смущения и неловкости у нее покраснела даже шея. Но что могла она поделать? Она обязана проверить у пассажира билет перед посадкой...

— Пожалуйста, пожалуйста!.. — засуетился хирург.

Он начал хлопать себя по карманам, полез в пиджак, в карман макинтоша, снова в карман пиджака.

У Лели вспотели от волнения ладони. А вдруг он забыл билет дома?

Наконец он с торжеством вытащил скомканную голубую бумажку.

— Вот он, родимый, — приговаривал хирург, старательно разглаживая билет. — Вот он где, сердешный...

Он отдал билет Леле, беспечно и ласково улыбнулся ей и исчез в теплом полутемном чреве машины.

И вот Леля снова одна на площадке перед оградой.

Скоро рассвет. Небо начало светлеть; теперь на нем видны только самые крупные звезды. Еще несколько рейсов — и дежурство Лели закончится. Она снова будет ждать на ступеньках у колонны, пропустит один автобус, второй, третий...

А может быть, не ждать, уехать сразу?

Что, в конце концов, она знала об Андрее Петровиче? Только то, что он был на фронте и заслужил три боевых ордена, а сейчас он хороший механик, и товарищи его уважают. И еще то, что у него два года назад умерла жена и он один растит маленького сына Алешу. Вот и все. Несколько раз человек случайно проводил ее домой после работы. Ну, проводил и проводил. Что тут особенного? Он, наверное, забыл и думать об этом. А она все думает и думает и никак освободиться не может от этой мысли... И не может заставить себя после работы сразу уехать. И не ждать его. И не думать о нем.

Но сегодня она сядет в первый же автобус, который подойдет к аэропорту. Сядет и уедет. И все. И конец.

Сзади Лели послышался шепот.

Она обернулась: возле клумбы виднелись две фигуры, сидящие на скамье.

— Так ты мне напишешь? — сказал женский голос. — Как прилетишь, сейчас же напиши, а то я буду беспокоиться.

— Рыженькая! — сказал мужской голос ласково. — Ну чего же беспокоиться? Я напишу, конечно...

— Я буду скучать без тебя, — прошептала женщина, и голос ее дрогнул. — Очень буду скучать!

— Ты самая лучшая, — сказал мужской голос почти беззвучно, одним дыханием. — Самая дорогая!

Наступило молчание, пронзающее душу молчание чужого счастья. Но в это время в рупоре над самой скамьей что-то щелкнуло, зашипело, и диктор монотонно произнес:

— Совершил посадку самолет, прибывший из Праги.

Тотчас же Лелю обдало теплым ветром духов: мимо нее, взволнованно и часто дыша, пробежала кудрявая француженка.

Самолета долго не было видно. Француженка, нервничая, то подходила к калитке, то отходила прочь; полосатое ее пальто мелькало вдоль ограды. Наконец вдали сверкнули цветные огни, со свистом пронесся пыльный ветер. Огромный серебристый самолет выкатился из темноты и остановился перед оградой.

Первыми высыпались из машины веселые молодые люди с непокрытыми головами, в коротких пальто. Все они были, как на подбор, мускулисты, широкоплечи; под узкими, модными брючками угадывались длинные, сильные ноги футболистов. Приехавшие несли в руках большие букеты роз, а самый последний — белозубый, смешливый здоровяк в клетчатом шелковом шарфе, обмотанном вокруг шеи, — засунул свой букет подмышку, как веник, а в руках держал новенький футбольный мяч.

За ними по трапу самолета спустились остальные пассажиры.

Кудрявая француженка замерла у калитки; она вытянула шею, вся подалась вперед; Леле показалось, что она даже перестала дышать.

И тут из самолета неторопливо вышла худенькая старая женщина.

На ней была нарядная сиреневая шляпка, сиреневые перчатки, короткий серый костюм... Она вела за руку маленького сонного мальчика. Тот шел, не в силах разлепить закрывающиеся от сна глаза, насупясь, словно раздумывая, заплакать или еще подождать.

Увидев его, француженка не то вскрикнула, не то всхлипнула, пролетела, как птица, сквозь калитку и помчалась на своих высоких каблуках по бетонной дорожке прямо к самолету.

Через секунду она уже была возле мальчика.

— Oh, mon petit!.. — говорила она, покрывая поцелуями его сонную мордочку, пухлые ручки, шею, плечи, красный беретик на голове.— Oh, mon Toto!..

По лицу ее, смывая старательно наложенный грим, текли слезы счастья. Присев на корточки, она то прижимала к себе ребенка, то отталкивала, вглядываясь в его лицо, словно не веря, что он наконец с нею, а старушка в шляпе с цветами тоже плакала и вытирала слезы под вуалеткой. И обе они: и старая женщина, одетая наряднее, чем полагается в ее возрасте, и красивая, надушенная дама, которая так недавно с надменностью оглядывала окружающих,— обе они стали простыми, обыкновенными матерями, похожими на всех матерей мира в минуту счастья или горя.

Наконец француженка поднялась, крепко взяла сына за толстенькую ручку и, не вытирая слез, с мокрыми, блестящими щеками направилась к выходу. Рядом, держа мальчика за другую руку, семенила бабушка. Она смотрела то на дочь, то на внука, и цветы на ее шляпке вздрагивали и покачивались.

Леля прошла за ними и остановилась у двери. Скоро должны были объявить посадку на самолет Москва — Тбилиси. Кудрявая француженка с семейством тоже остановилась, ожидая, пока принесут багаж.

Из зала к двери неторопливо двинулись пассажиры, отлетающие в Тбилиси. Впереди шла молодая женщина, держа на руках ребенка.

Короткое, туго завернутое в одеяло тельце ребенка легко лежало на руках матери. Ребенок не спал; темные круглые глаза спокойно уставились на горящую люстру. Неожиданно он наморщил лоб и чихнул.

Мать, тонкая, словно девочка, быстроглазая, нагнулась над ним.

— Вот мы какие большие! — сказала она шепотом. — Вот мы какие умные!..

Француженка, сощурясь, вглядывалась в них.

Под ярким светом фонаря возле глаз красивой дамы обозначились морщинки: возраст, как скульптор, проложил своим резцом первые черты. Крепко держа за руку сына, она продолжала всматриваться, словно что-то припоминая.

Но что? Быть может, свою юность? Быть может, первые дни своего материнства?

Женщина с ребенком подошла к ней почти вплотную. Тогда француженка смешно вытянула губы, и, наклонившись над малышом, затрясла головой, и сделала так:

— У-у-у!

— Улыбнись тете! — гордо сказала молодая мать, поправляя одеяльце. — Покажи, как мы умеем улыбаться!

Ребенок насупился. Он смотрел прямо на мать, на ее тонкое, нежное лицо, сияющие глаза... И вдруг он снова чихнул, на щеках его запорхали ямочки, он засмеялся, открыв беззубый ротик, и улыбка его, как в зеркале, отразилась на лицах обеих наклонившихся над ним женщин.

— Товарищ Петрова, что же вы? — изумленно спросил у Лели дежурный, проходя мимо. — Ведь посадку давно объявили! А у вас пассажиры до сих пор в помещении...

Леля вспыхнула.

— Попрошу предъявить билеты! — сказала она, пылая румянцем смущения. Как же это она прослушала, когда объявили посадку? — Гражданин, у вас билет на рейс сто пятнадцать, отправление в шесть часов сорок минут. Чемодан, гражданочка, отдайте носильщику! Да, до Ростова самолет летит без посадки. Попрошу билетики...

Она на секунду обернулась: француженка уже уходила, не выпуская руки сына; старушка в сиреневой шляпке поспевала за ней. Молодая мать, прижимая к себе ребенка, стояла у выхода. Женщины обменялись взглядом, быстрым, прощающимся... И француженка исчезла за дверью.

Тут Леля снова — в который раз за эту ночь! — повела пассажиров к самолету.

Первой она усадила молодую мать и помогла ей уложить малыша в сетчатую люльку, укрепленную перед креслом. Ребенок уснул, строго нахмурив брови, словно сердился, что уже не видит всего интересного, что происходило вокруг.

А мир, окружавший его в тот час, действительно был прекрасен.

Розовый, теплый свет тронул край неба, и лишь последняя звезда блестела одиноко и удивленно. Вдалеке горели огни Москвы, медленное, как бы дымящееся их свечение уже не разливалось заревом, охватывая половину небосвода, а теплилось у горизонта. Все меркло, все таяло и отступало перед торжеством рассвета.

Первый луч солнца коснулся лица ребенка. Он не проснулся, а только важно надул губы. Мать наклонилась над ним, охватив обеими руками люльку, защищая его сон.

Леля на цыпочках вышла из самолета.

Дверца захлопнулась, и огромная блестящая машина ринулась навстречу солнцу. И долго еще Леля стояла на влажном, залитом молодым утренним светом аэродроме и глядела ей вслед.

Всюду, в небе и на земле, всюду вокруг нее рокотали и гудели самолеты, говоря сердцу о том, как велик и чудесен мир, как широко распахнуты в этот мир окна Родины. И она, Леля, слушала этот голос машин, голос ветра и птиц, голос трав и деревьев, слушала с таким счастливым изумлением, с такой потрясшей все ее существо полнотой, словно впервые в жизни увидела бессмертное чудо рассвета.

Ночь закончилась. Взлетевший самолет, торжественно гудя, встречал в небе утро. Начинался новый день. Для Лели он будет днем отдыха и покоя.

Ей казалось, что волнение, тревога, томительные мысли — все перегорело в ее душе. Сейчас там были только покой и тишина.

Она медленно шла по аэродрому, прислушиваясь к новому и удивительному чувству внутренней свободы, вошедшему в нее. Ну вот, все и кончилось. Сейчас она уедет из аэропорта. Сдаст дежурство и уедет. Или пройдет, не торопясь, по лесной тропинке до шоссе, чтобы подышать воздухом рассвета, как делала раньше. Можно и так. Теперь это не имеет никакого значения. Все кончилось.

Она вышла из здания аэропорта и спустилась по ступенькам. На площади перед зданием лежали длинные косые тени. Подъехало такси; из машины, суетясь, вылезли муж и жена, оба очень полные, добродушные, с громкими голосами, похожие друг на друга, как бывает с супругами, когда они долго живут вместе. «Пожалуй, это на одесский самолет», — подумала Леля по давней своей привычке. Впрочем, сейчас это уже ей неинтересно. Она сдала дежурство и едет домой. И ей все равно, кто и куда улетает.

Она шла через площадь к остановке автобуса. Свежо и нежно пахли левкои на клумбе. Было тепло, день обещал быть солнечным и ясным. Она поспит, а потом пойдет в кино. Давно, очень давно ей не было так легко, бездумно и спокойно...

И вдруг она почувствовала, как сердце ее остановилось, а потом забилось так тяжело, так горячо и часто, что она перестала дышать и открыла рот, точно птица.

На ступеньках у колонны стоял Андрей Петрович.

Он стоял в своей кожаной курточке с короткими рукавами, из которых высовывались длинные руки, небритый, похудевший, и глядел на нее с испугом и радостью.

Леля словно окаменела. Она не мигала, не дышала, не улыбалась, она только смотрела, еще не в силах поверить, что это действительно он. И вдруг ее охватил такой ужас, что он уйдет, или ее не заметит, или просто рассеется, как дым, что она побежала бегом через всю площадь к той колонне, где он стоял, побежала, задыхаясь, прижав обе руки к груди, где изо всех сил колотилось маленькое, верное, испуганное сердце.

Она подбежала прямо к нему, остановилась и, закинув голову, глядела вверх, в наклонившееся к ней милое, усталое лицо.

Андрей Петрович взял ее за руки.

— Какие холодные! — сказал он с нежностью.

— Да! — счастливо сказала Леля, не слыша и не понимая, о чем он говорит, а только чувствуя тепло его ладоней. — Да, конечно...

— Я жду вас почти час, — сказал Андрей Петрович. — Я так боялся, что вы уехали! Понимаете, сын заболел, его не брали в детский сад. Оставить дома его не с кем, вы же знаете... Ну, я и был за няньку. Даже бюллетень мне дали на эти дни... — Он застенчиво улыбнулся. — Вот так все нескладно получилось...

Светлый теплый туман начал расступаться, и Леля наконец поняла, что он сказал.

— Ну, а сейчас? — спросила она с беспокойством. Андрей Петрович попрежнему держал ее руки, и она боялась пошевельнуться, чтобы он их не выпустил. — Сейчас Алеша выздоровел?

— Сейчас все хорошо, — серьезно и твердо сказал Андрей Петрович. — Все хорошо... — повторил он и осторожно разжал ладони.

Леля глубоко вздохнула. Она так и не отняла рук; они легко лежали на этих больших, широких ладонях, и Андрей Петрович посмотрел на них с изумлением, как на чудо.

Потом он поднял голову и поглядел вверх, и Леля послушно посмотрела тоже.

Прямо над ними, меж легких, наполненных светом облаков, плыл самолет, оставляя за собою перистый, струящийся след, словно писал в небе что-то, понятное только им одним.

Шурдинский агат

На большой крутизне в горах южной Грузии расположено селение Шурдо. По-грузински «шурдо» значит «праща». Когда-то давно здесь жили воины — метатели камней. В советское время в Шурдо было обнаружено месторождение агата — минерала, отличающегося большой твердостью.

Агат был известен в древности и как поделочный полудрагоценный камень. Поэты сравнивали с цветом агата глаза красавиц, и как-то признано было, что это черный цвет. Однако, попав на шурдинские карьеры, мы увидели камень самых разнообразных оттенков — от янтарно-желтого до иссиня-фиалкового. И не так цвет, как глубокий, теплый, выразительный тон этого камня создавал впечатление, будто он живой, будто он «смотрит».

Взрывные работы на агатовых карьерах.
Фото В. Джейранова.

...На карьерах один за другим следуют взрывы. Базальтовая порода, в трещинах которой веками хранился агат, откатывается вагонетками и ссыпается в овраг. Редкий камень отбирается руками. Это очень трудоемкая работа, но механизировать ее пока не представляется возможным: не может машина производить отбор в груде базальтового крошева.

Из агата делают опоры осей точных приборов, наконечники к мерительным приборам, детали весов, ступки для долбления руды, ролики для дубления высококачественной кожи. Агат необходим в производстве капрона, — из него изготовляют глазок нитеводителя и так называемую агатовую палочку. Изделия из агата бывают порой величиной с булавочную головку.

И. Месхи

За прилавком — контролер

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Е. Тиханова.

Мы идем по Новорязанской, направляясь к самой оживленной московской площади — Комсомольской. Энергично и озабоченно шагает Василий Никифорович Самусев, наш бригадир. Но вот он останавливается возле продовольственного магазина № 36 Бауманского райпищеторга, вынимает из кармана бумажку со штампом и печатью. В удостоверении, выданном Главным государственным инспектором по торговле в Москве, сказано, что трем рабочим завода имени Владимира Ильича — В. Н. Самусеву, М. М. Макарову и М. Н. Хомякову — поручено проверить работу магазина № 36.

— Я и запамятовал, — говорит Самусев,— что летом уже побывал здесь: тогда мы вскрыли продажу сливочного масла по завышенной цене...

— Опять пересортица, будь она проклята! — в сердцах перебил его Макаров.

Слово «пересортица» вы не найдете ни в одном словаре, даже у Даля. Но его часто употребляют торговые работники, знают в судебных и милицейских кругах. Пересортица — это подмена сорта, продажа товара низшего сорта по цене высшего.

— Кого же наказали тогда? — спрашиваем Самусева.

— Никого! Все на месте, как будто ничего и не случилось...

Магазин небольшой, тесный. Прилавок тянется во всю его длину. Торговля идет бойко. Стоят домашние хозяйки с корзинками, приезжие, заглянувшие сюда по пути с вокзала, железнодорожники в теплых шубах и с сундучками в руках.

Макаров пошел, как было условлено, в гастрономический отдел, а Хомяков — в бакалейный. Они осмотрели продукты, выставленные за прилавком, и решили, что им купить. Больше всего набрал Хомяков: по килограмму риса и сахара, два килограмма вермишели и даже бутылку подсолнечного масла.

Контролеры уплатили деньги в кассу и стали терпеливо ждать, пока подойдет их очередь к продавцу.

Воспользуемся этим вынужденным перерывом, чтобы рассказать о рабочих контролерах с завода имени Владимира Ильича.

Для В. Н. Самусева и его товарищей это была 116-я проверка торговых предприятий столицы в течение года. Василий Никифорович стал общественным контролером более десяти лет назад, когда заводской комитет выделил на эту почетную работу кадрового строгальщика, отдавшего заводу два десятка лет.

В минувшем году Главный государственный торговый инспектор по сигналам общественного инспектора В. Самусева снял с работы ряд директоров магазинов и продавцов, на других наложил дисциплинарные взыскания и штрафы. Два дела переданы в прокуратуру для привлечения виновных.

Несколько позже стали общественными контролерами сменный мастер Михаил Михайлович Макаров и заместитель механика по ремонту станков Максим Николаевич Хомяков. Это люди, тоже уважаемые на заводе, проработавшие более четверти века каждый, почтенные по возрасту, отцы взрослых детей, а Хомяков даже и дедушка.

...Но вот наши общественные контролеры подошли к продавцам и получают купленные ими продукты. Хомяков аккуратно укладывает рис, сахар, вермишель в сумочку, предусмотрительно захваченную с собой, словно он и в самом деле собирается уходить. Но, получив последний пакет, он громко говорит продавщице:

— Это контрольная покупка!

У нее заметно вспыхивает румянец, дрогнувшим голосом она кричит:

— Вызовите директора! Контрольная покупка!..

В это время в руках у Макарова уже находятся ветчина и консервы. Ему не повезло: не хватило яиц. Он, правда, уже уплатил за них, но послышался трафаретный возглас: «Касса, яйца кончились!» — и продавщица вернула чек.

Самусев успел побывать «за кулисами» магазина, предъявить свое удостоверение и надеть белый халат. Теперь за прилавок становится контролер.

Прежде всего весы. Правильны ли они?

— Весы показывают на десять граммов больше в пользу продавца,— говорит он, закончив осмотр.

У прилавка столпились покупатели. Они с интересом следят за работой Самусева.

Продавщица А. Г. Гайгерова вертит весы и так и этак: нет, прав контролер, ничем не оправдаться...

— Беда не в весах, беда в руках! — слышится чей-то возглас.

— Теперь правильно? — спрашивает Самусев, наладив весы.

— Верно...

И он приступает к проверке веса купленных Хомяковым продуктов.

— Вермишели недовес по двадцать граммов. Значит, на два килограмма — сорок граммов. Правильно? — Самусев обращается к заместителю директора магазина А. А. Солововой.

— Что ж говорить, правильно...

Самусев продолжает проверку. На килограмм сахару недовес двадцать граммов. Рису недодано пятнадцать граммов. Что ни пакет, то обман. Мелочь? А ну-ка, прикинем: если магазин продает в день по сто килограммов вермишели, сколько будет недовеса? А сахару, а рису?

В гастрономическом отделе весы оказались правильными. Но здесь другая беда: что за ветчину отпустили Макарову? В ней

Три общественных контролера с завода имени Владимира Ильича. Слева направо: М. М. Макаров, В. Н. Самусев, М. Н. Хомяков.

В. Самусев осмотрел весы. Они оказались неправильными.

Попробуйте дотянуться до этих контрольных весов!

М. М. Макаров (крайний слева) благодарит продавщицу Татьяну Бакутину за хорошую работу.

полно шкурок и сухожилий. Шкурку вообще продавать нельзя, а сухожилия, отрезанные от так называемой «рульки», стоят в пять раз дешевле, чем ветчина. Самусев все это знает и откладывает хорошую ветчину в сторону. Ее осталось триста тридцать граммов из пятисот, купленных Макаровым.

— Как же так? — спрашивает Самусев Соловову.— Будем опечатывать? Пошлем на экспертизу?

— Не надо... Признаем...

Теперь контролеры внимательно рассматривают купленную вермишель. Она высшего сорта. Правильна ли цена?

— Как будто правильна, — рассуждает Самусев, — по виду вермишель высшего сорта такая же, как и первого. Даже эксперты сразу не отличат. А стоит дороже. Вот вам и возможность пересортицы. И вскрыть обман почти невозможно. Но к этому вопросу мы еще вернемся...

Вошел Хомяков. Он проверял подсобное помещение магазина, где хранятся продукты. В руках у него кулек с яйцами.

— Это откуда? — встревожился Макаров.— Мне ведь не продали...

— А там еще три ящика есть.

— Для себя оставили, для сотрудников...— оправдывается Соловова.

— Разрешено это?

— Конечно, запрещено, но разве уследишь...

Самусев садится писать акт.

— Зачем? — пытается отговорить его Соловова.— Вы нам указали на недостатки. Мы их устраним. Нас учить надо. Кадры молодые...

Это ее-то, работающую семнадцать лет в торговой сети, из них семь лет заместителем директора этого магазина, должен учить рабочий-строгальщик!

Акт составлен. Его подписывают представители администрации, продавцы.

— Где же контрольные весы? — вспоминает Макаров.

Они оказываются на полке, прибитой к стене выше человеческого роста.

— Вишь, куда спрятали!

— Очень удобно! — утверждает Платова, исполняющая обязанности директора. Она берет сверток, подпрыгивает и бросает его на чашку. Обратно достать сверток стоит ей немалого труда.

— Покупатели предпочитают заниматься гимнастикой по утрам дома,— шутит кто-то в магазине.

...Мы возвращаемся по той же Новорязанской. Наши друзья озабочены, огорчены. Сразу столько нарушений и злоупотреблений! А ведь еще летом было известно, что в этом магазине неблагополучно. Мер не приняли, и болезнь загнали вглубь...

Нет, общественным контролерам гораздо приятнее пожимать руки продавцам и благодарить их за хорошую работу, чем хватать за руки недобросовестных людей и составлять акты.

Продовольственный магазин № 8 Куйбышевского райпищеторга на улице Богдана Хмельницкого значительно больше, благоустроеннее и чище предыдущего. Прилавки и полки полны товаров, продавцы одеты в белые халаты и синие береты, много покупателей.

Все произошло, как и в магазине на Новорязанской: Макаров и Хомяков уплатили в кассу за продукты из тех денег, которые им вернули в первом магазине. Хомяков так же аккуратно сложил кульки и после этого объявил:

— Это контрольная покупка!

Так же звонко и взволнованно прозвучало:

— Вызовите директора!

Снова в белом халате появился за прилавком строгальщик, общественный контролер Самусев.

Он проверил весы — они оказались правильными, грамм в грамм. Контролеры купили разные продукты. Вес также оказался правильным — и крупы, и риса, и вермишели, и рыбца, и сахара. Деньги были получены копейка в копейку. Самусев объявлял об этом громко и весело.

Контролеры пожали руки продавцам Т. П. Бакутиной, Т. И. Плечевой, поблагодарили их за добросовестную работу.

На улицу все вышли оживленные, довольные.

— Ну,— сказал Самусев,— теперь продолжим разговор о разных сортах вермишели и о том, как создаются условия для пересортицы. Только для этого нам придется зайти в булочную, как это ни странно.

Она оказалась поблизости: булочная № 26 центральной конторы Мосхлебторга.

— Есть у вас сушки первого сорта?

— Пожалуйста. — Продавщица протянула связку.

— А высшего сорта?

Она удивленно посмотрела на Самусева:

— Сейчас принесу. — И вскоре появилась с другой связкой.

—Теперь узнайте: какие сушки первого сорта и какие высшего? — спросил Самусев, протягивая нам обе связки.

Они были одинаково белые, одинаково поджаристые, ну, словом, похожи, как две капли воды.

— Отличить невозможно!

— Вот именно, что невозможно. При существующем стандарте даже лабораторные исследования не дадут точного ответа. Как же потребитель разберется в этой премудрости? А в цене разница почти два рубля на килограмм. Вот вам и пересортица! На вермишели не так наглядно, а на сушках, как на ладони.

С этим согласилась и заместитель директора булочной Анна Ивановна Скалянова. Она утверждала, что по этой причине булочная никогда не продает одновременно сушки и первого и высшего сортов. Иначе сам продавец запутается.

...Спустя несколько дней нам привелось побывать на собрании общественных контролеров, созванных Главным государственным инспектором по торговле в Москве Е. Б. Щербаковой. Собралось более ста человек: с автозавода имени Сталина, «Калибра», «Каучука», станкозавода имени Орджоникидзе, завода малолитражных автомобилей, «Красного богатыря». Это были слесари, токари, вальцовщики, экономисты, электромонтеры, служащие.

Они обследовали за год тысячи магазинов и пресекли много безобразий и преступлений. Но их еще мало, общественных борцов за сохранность социалистической собственности, за интересы потребителей. Нужно, чтобы общественных контролеров было значительно больше, и роль их в борьбе с преступлениями в торговой сети должна возрасти.

Вот о чем говорит день, проведенный нами с тремя общественными контролерами с завода имени Владимира Ильича.

А. И. Скалянова предлагает: угадайте: какие сушки первого и какие высшего сорта?

Старейший ботанический сад

Белая ива — старейшее растение Ботанического сада.

Фото В. Минкевича.

В нынешнем году исполняется двести пятьдесят лет со дня основания Ботанического сада Московского государственного университета.

В начале 1706 года по приказу Петра I были возведены земляные укрепления у самого Кремля, между Троицкими и Боровицкими воротами, а находившийся здесь так называемый «аптекарский огород» был перенесен на пустырь за Сухаревской башней, где начинались тогда луга, болота и леса. По соседству шумела вековыми деревьями Марьина роща.

Этот «аптекарский огород» заменил собой два других таких же «огорода»: один — на Мясницкой (ныне Кировской) улице, а другой — в Немецкой слободе (осталось только название — Аптекарский переулок в Бауманском районе). Так была создана сырьевая база лекарственных трав для правильного развития лечебного дела в русских войсках и тем самым заложена основа первого научного сада в России. По преданию, Петр I посадил здесь пихту, ель и лиственницу «для различия сих трех пород хвойных деревьев». Уцелела и выжила до наших дней только лиственница. О далеких временах напоминает и старая ива: ее возраст — около двухсот пятидесяти лет, а ствол едва могут обхватить четыре человека.

После Октябрьской революции началась пора невиданного расцвета и для Ботанического сада: вместо закрытого научно-учебного учреждения он стал центром научно-общественной деятельности. Возникший много лет назад на окраине города, Ботанический сад теперь уже очутился на оживленной магистрали столицы—1-й Мещанской улице. Его посещают студенты и школьники, жители Москвы и приезжие. После сооружения станции метрополитена «Ботанический сад» посещаемость особенно возросла, достигая почти двухсот тысяч человек в год.

Щедро представлены в одиннадцати оранжереях тропики и субтропики. Сюда устремляются любители сада, чтобы увидеть причудливые орхидеи, суккуленты, кофейные деревья, амазонскую кувшинку — «Викторию-регию», японский садик, диковинные растения Индии, Гималаев, Китая и многих других стран. Гордость Ботанического сада — коллекция пальм, едва разместившихся под сводами большой оранжереи, построенной еще в 1891 году. Здесь же высится и пальма «Ливистона китайская»; ее возраст — более ста семидесяти лет.

Ботанический сад творчески работает над решением важных проблем по селекции, испытанию, размножению и внедрению новых ценных растений.

Теперь неподалеку от высотного здания Московского университета на Ленинских горах на площади в сорок пять гектаров подходит к концу организация нового и самого молодого в нашей стране ботанического сада. Он в семь с половиной раз больше сада-юбиляра.

П. ЧУМАК

Вечер в театре Пхеньяна

Евгений БЕЛОВ,
солист Большого театра СССР

В оркестре и на сцене бушует буря. Кажется, что порывы крепнущего ветра пробегают по двенадцатиструнным арфам — каягымам — и шестиструнным скрипкам — хсагымам. Эта буря заставляет тревожно звучать виолончели, греметь литавры, барабаны. Заунывный медный звон тарелок, жалобный плач флейт — тхунзо — проникают в самое сердце...

А на подмостках — гибнущий корабль. Мы видим, как надуваются и рвутся его паруса, гнутся мачты, волны заливают покосившуюся палубу. Владыка моря требует искупительной жертвы: разъяренной стихии должна быть отдана молодая и прекрасная девушка Сим Чен. Нежны ее лицо и голос, трогательна ария расставания с жизнью. Девушку бросят в море, по воле бога пучины утихнет буря, и тогда хозяин спасенного корабля, богатый купец, даст много рису слепому отцу Сим Чен.

И вот морское дно, полное чудес: диковинные растения, похожие на спрутов, огромные медузы, осьминоги, гигантские рыбы. Всё в этом фантастическом царстве чуть-чуть напоминает «Садко» в нашем Большом театре, и всё совсем-совсем иное.

Мы — в столице Корейской Народно-Демократической Республики Пхеньяне, в недавно поднявшемся из руин величественном и одновременно воздушном здании театра на горе пионов — Моранбон.

Сегодня здесь идет опера «Сказание о девушке Сим Чен». Сюжет сказания принадлежит седой древности. На протяжении столетий этот сюжет вдохновлял безвестных музыкантов и певцов, а позднее послужил созданию спектаклей различных жанров.

Так и сейчас вы можете увидеть в пхеньянском театре и оперу и балет «Сказание о девушке Сим Чен». И оба спектакля повествуют о самоотверженной дочерней любви, оба пленяют поэтичным финалом: владыка моря отпускает Сим Чен назад, в жизнь. В лепестках лотоса появляется она в пруду королевского дворца, и принц хочет назвать ее своей женой. Старик-отец прозревает, узнав о счастье своей Сим Чен. Ликующий апофеоз венчает этот спектакль, полный своеобразной музыки, великолепной драматической игры, яркой театральности.

Театр действовал и в дни войны, когда он жил под землей. Сколько радости, сколько вдохновляющих на ратные и трудовые подвиги минут пережили здесь зрители!

Огромным успехом пользуется в Пхеньяне чангык (национальная классическая опера) «Сказание о Чун Хян». Эта форма родилась несколько веков назад. Авторы либретто Тё Ун и Пак Тхя Вон, композиторы Ан Ги Ок, Пак Дон Сир и Тё Сан Сен значительно обогатили стихи и музыку чангыка. Вместо традиционного аккомпанемента нескольких национальных инструментов появилась оперная партитура для симфонического оркестра, в который вошли и корейские инструменты. Исполнительницы — певица Кан Габ Сун в заглавной роли, заслуженная артистка КНДР Лим Со Хян в роли ее матери — вместе со своими товарищами создали спектакль, заслуживший здесь высокую оценку.

Корейский танец еще старше, чем чангык. Но если надо одним словом охарактеризовать корейское хореографическое искусство сегодня, то словом этим будет «молодость». Достаточно провести вечер в театре на горе Моранбон, когда там идет балет «Сказание о крепости Садосен», чтобы понять это. Постановщик спектакля и исполнительница главной роли Цой Сын Хи — балерина, еще в тридцатых годах известная по выступлениям в странах трех материков. Организатор школы национального танца, она говорит, что только теперь обрела веру в жизненность своего искусства, в его необходимость народу.

Каждая работа Цой Сын Хи, каждое ее выступление в балетных спектаклях и концертах — событие в художественной жизни Кореи. Таким событием был и упомянутый пятиактный балет Цой Ок Сан, поставленный Цой Сын Хи и ее труппой.

...Крепость Садосен осаждена. Сын бедного рыбака юноша Сун Ди (артист Тё Хан Гу) со своими друзьями отражает натиск врага. Беспредельная преданность родине и горячая любовь к красавице Кым И (ее роль исполняет Цой Сын Хи), которая тоже идет на бой, вдохновляют отважного воина. Таков сюжет балета. Он развивается с напряженным драматизмом. У нас есть время, чтобы хорошо рассмотреть и понять особенности непередаваемо грациозных движений исполнителей, их еле уловимые, мягкие па, которые безуспешно пытались повторить потом танцовщицы из нашей артистической группы, недавно побывавшие в Корее. Трудности, возникшие перед русскими балеринами, как нельзя более понятны: очень уж отличны принципы русской хореографии от корейского танца с его национальным колоритом.

Образ Сун Ди, созданный Тё Хан Гу, напоминает шекспировского Ромео: корейский юноша так же, как и Ромео, поглощен любовью, но его чувство — это сплав любви к родине и к прекрасной девушке; жизнь без них молодому воину кажется бессмысленной, он бьется за свое счастье и побеждает.

Оперная труппа поставила и «Молодую гвардию» советского композитора Ю. Мейтуса. Артисты Кан Дян Ир — Олег Кошевой, Ван Сен Хва — Уля Громова, Ким Ден Сун — Люба Шевцова играют и поют с воодушевлением. Их герои давно уже популярны в Корее.

Потому так и любим пхеньянцами театр на горе Моранбон, что на его сцене идут лучшие национальные произведения, произведения русской классики, современных советских композиторов и драматургов, лучшие творения художников стран народной демократии.

Во время своей недавней поездки по Северной Корее я познакомился с пхеньянским певцом Ли Ген Пхалом. И у него и у меня баритон. Мы быстро сдружились и нашли общий язык. Мечтая попасть в Московскую консерваторию, Ли Ген Пхал упорно изучает русскую музыку, пользуясь всяким случаем, чтобы поближе узнать нашу вокальную школу.

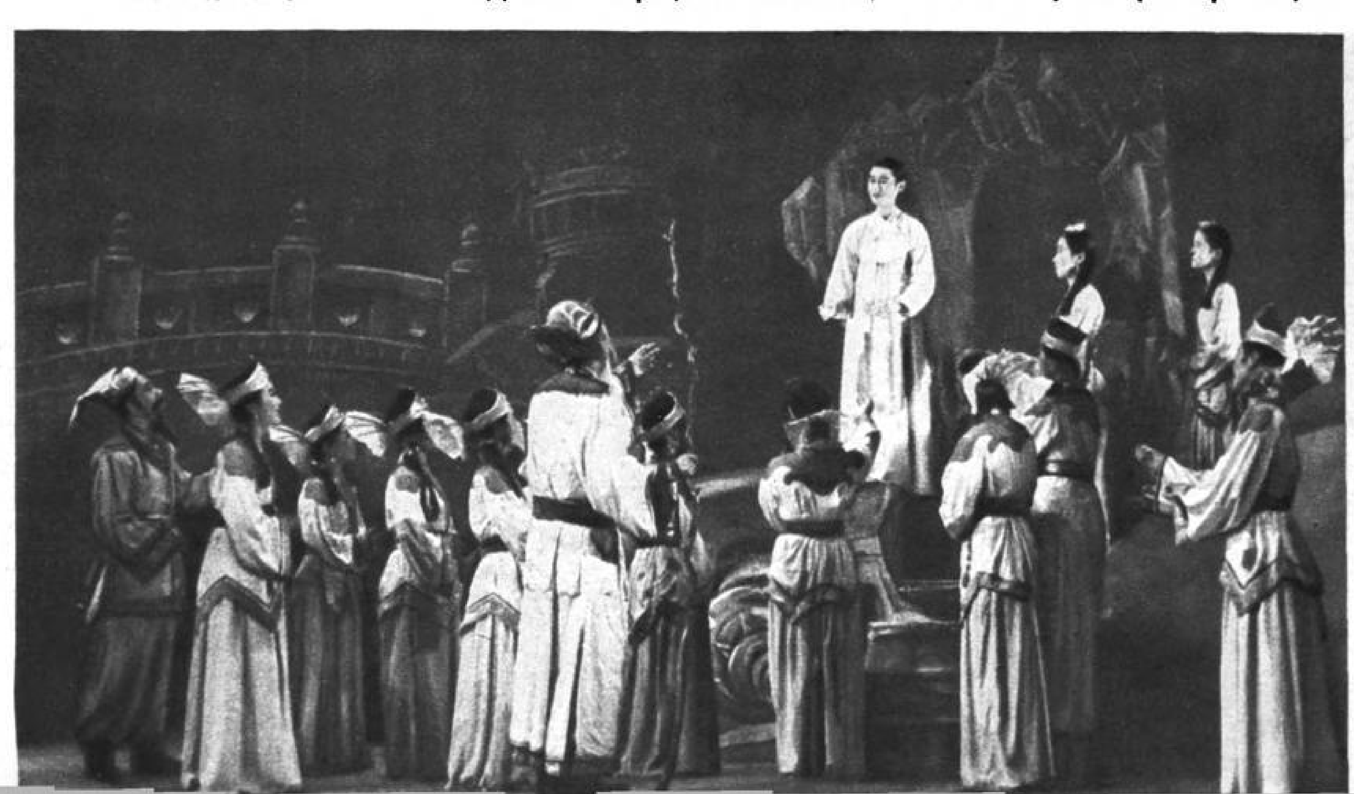
— Я хочу выучить вещи, которые вы поете,— сказал он мне, и я охотно дал ему ноты «Думки» и «Ах вы, косы...». Очень быстро он выучил музыку и русские слова. И спустя несколько дней Ли Ген Пхал впервые спел в нашем концерте «Думку».

Ли Ген Пхал часто и успешно поет на сцене пхеньянского театра оперы и балета. И для нас все виденное, все слышанное в здешнем театре — свидетельство чудесного роста свободного корейского искусства.

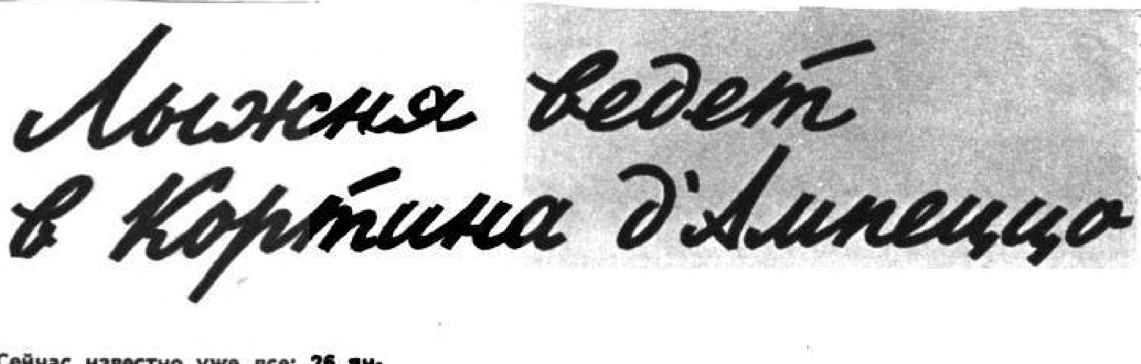

Сцены из балета «Сказание о крепости Садосен».

Сцена из оперы «Сказание о девушке Сим Чен».

Чемпион мира В. Кузин.

Чемпионка мира Л. Козырева.

Сейчас известно уже все: 26 января в 11 часов 30 минут состоится торжественное открытие VII зимних олимпийских игр и уже расписаны час за часом выступления конькобежцев, лыжников, конькобежцев. Мы знаем, например, что 27 января в 9 часов утра будет дан старт лыжной гонке на 30 километров; на следующий день в 10 часов утра вступят в борьбу женщины; 30 января состязаются мужчины на дистанции 15 километров, а 2 февраля в 8 часов начнется борьба на самой почетной и трудной дистанции — 50 километров. В конце декабря неизвестно было одно: кто из гонщиков будет представлять свою страну на олимпийской лыжне. По условиям олимпиады, в каждой гонке команда может выставить четырех спортсменов; таким образом, кроме эстафет, в трех гонках будут участвовать 12 человек. Но у нас значительно большее число спортсменов может претендовать на места в сборной команде Советского Союза, вот почему соревнования сильнейших лыжников, проведенные в Кавголове под Ленинградом, представляли особый интерес. От исхода борьбы, от распределения мест во многом зависел окончательный состав олимпийской команды.

Перед нами старые и новые знакомые — сильнейшие лыжники страны.

Чемпион мира Владимир Кузин. В прошлом сезоне он выиграл две международные гонки — 15 километров в Москве в борьбе с олимпийским чемпионом Х. Бренденом, а в Кортина д'Ампеццо разделил первое и второе места со шведом С. Ернбергом в беге на 30 километров.

В Ленинграде Владимир Кузин снова блеснул своим мастерством. Он прошел 30 километров в высоком темпе и еще раз доказал, что по праву стоит первым номером среди лучших.

А вот новый претендент на олимпийскую победу — Михаил Галиев. Кто мог предполагать, что этот молодой лыжник окажется главным соперником Кузина в гонке на 30 километров и что через два дня он завоюет первенство в беге на 15 километров!

В 1954 году, когда Кузин стал чемпионом мира, Галиев впервые принял участие в соревнованиях на первенство СССР и занял на 30-километровой дистанции сорок девятое место. Теперь в Ленинграде Галиев пришел вторым, после Кузина, обогнав чемпиона страны Федора Терентьева. В гонке на 15 километров он обогнал сильных лыжников — Павла Колчина, который должен был довольствоваться вторым местом, и Николая Аникина.

Интересно сложилась в Ленинграде борьба у женщин. 10-километровую гонку выиграла Алевтина Колчина, оставив на втором месте Радью Ерошину. Через два дня спортсменки поменялись местами: в беге на 5 километров первой была Ерошина, второй — Колчина.

Так в этот день муж и жена Колчины заняли вторые места.

Последний толчок палками. Победитель гонки на 15 километров М. Галиев заканчивает дистанцию.

Интересно отметить, что на гонках мастеров в прошлом сезоне Ерошина и Колчина имели такие же результаты, выдвинувшие их тогда в первые ряды сильнейших советских лыжниц. Но на первенстве СССР 1955 года Радья Ерошина добилась еще одной большой победы. Она показала лучшее время на 10-километровой дистанции, обогнав чемпионку мира Любовь Козыреву. Вместе с такими отличными лыжницами, как Анна Каалесте, Валентина Царева, эти три спортсменки образуют команду, которая может считаться сильнейшей в мире.

...Тысячи километров отделяют живописные холмы Кавголова от итальянских Альп, но лыжня, проложенная под Ленинградом, прямым путем ведет в Кортина д'Ампеццо.

В. ВИКТОРОВ

Фото Б. СВЕТЛАНОВА.

Р. Ерошина на лыжне.

Сильный мороз. А. Колчина и П. Колчин после гонки.

ИЗДЕЛИЯ НАРОДНЫХ МАСТЕРОВ КИТАЯ

Это работы народных мастеров из различных уездов китайских провинций и автономной области Внутренняя Монголия. Чаще всего имена таких художников остаются неизвестными. Вырезки из бумаги продаются на ярмарках и базарах и служат для украшения жилищ. Их наклеивают на бумажные окна фанз или фонари, на подарки. Их используют й как трафареты для вышивок.

В. Стариков

Петух.

У пагоды.

Цветы в вазах.

Золотая рыбка, креветка и водоросли.

Шицза (фантастическое животное).

Кот.

Персонажи народного театра.

Мальчик с золотыми рыбками.

Мальчик со связками монет.
У его ног — жаба (символ пожелания достатка).

Мальчик, везущий на тачке плоды и драгоценности (символ пожелания достатка и многочисленного потомства).

Цветы в вазах.

Цветущий лотос.

Золотые рыбки, цветущий лотос и стрекоза.

СЕМЬ ЛИНИЙ

А. СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Я хотел хорошо отнестись к американскому телевидению. И не смог. Но отношение это выработалось не сразу. Первое знакомство с телевидением у меня произошло еще в городе Кливленде, когда нас с Борисом Изаковым в течение двадцати минут перед телекамерой интервьюировала женщина-комментатор. Мы сидели в студии и слушали выступление комментатора по внутренним вопросам, объяснявшего, почему подорожала жизнь в США. Потом мы смотрели рекламу нового сорта пива. В стороне от экранов на параллельных брусьях вертелась молодая гимнастка, она должна была выступать после нас. Ее по-хозяйски разглядывал какой-то полный мужчина. Таким образом, мы были зажаты между пивной рекламой и параллельными брусьями. Нас это не удивило и не обидело. И даже муха, летавшая над нами во время интервью, без пропуска проникшая в студию, не нарушала нашего благодушного настроения. Друзья потом шутили: «Выступая, вы были «под мухой». Женщина-телекомментатор была любезна, она тепло приветствовала нас по случаю приезда в город Кливленд. Задала много вопросов. Мы спокойно отвечали. В заключение она спросила:

— Правда ли, что советские писатели получают задания из Кремля, что им писать?

Я ответил, что с тех пор, как стал писателем, пишу только то, что сам захочу, избирая любую, близкую для меня тему.

Интервью закончилось. Телекамера направила свое око на гимнастку. Мы вышли из студии в хорошем настроении. Никаких претензий к американскому телевидению у нас не было. Борис Изаков даже спросил:

— А не выпить ли нам этого нового пивка, черт возьми?

Вторая встреча с американским телевидением произошла в Лос-Анжелосе. Вот тут-то все и сломалось. И мы здесь не при чем. Мы отправлялись в телевизионный центр Лос-Анжелоса с самыми благими намерениями. У нас не было никаких возражений против американской телевизионной техники, далеко шагнувшей вперед. Телепередачи идут по семи линиям, или, как говорят специалисты, по семи каналам. В Америке много телевизоров с экранами разных размеров. Правда, они не очень дешевые, но это уже не наше дело. Это — дело тех, кто продает и кто покупает телевизоры.

В солнечный жаркий день мы подъехали на двух черных, сверкающих под жгучим южнокалифорнийским солнцем «Кадиллаках» к ультрасовременному зданию Лос-Анжелосского телецентра. Белое, очень большое, с тонкими прямыми оградами, с большими окнами, широкими лестницами, здание производило самое хорошее впечатление.

Нам улыбались, и мы улыбались ответно. Проходя по длинным и очень высоким коридорам, мы видели ровные ряды аккуратно сложенных декораций. На дверях висели надписи: «Студия 32», «Студия 34», «Студия 38»...

Эти цифры тоже кое о чем говорили.

Мы вошли в темный репетиционный зал с мягкими, низкими, расположенными полукругом креслами. Впереди — врезанная, как может быть круг врезан в круг, сцена. С двух сторон зала небольшие телеэкраны. Идет репетиция нового фильма. Что это за фильм? Каков сюжет? Какова идея? Какие актеры заняты в картине? Все эти вопросы мы задаем переводчику. Но он молчит.

На сцену обыкновенной мускульной силой выкатывается двухцветный, красный снизу, белый сверху, новенький автомобиль — модель 1956 года. К нему направляется один из лучших комедийных актеров Америки, Джек Бени. Обращаемся к переводчику:

— Главную роль играет Джек Бени?

— Что вы?! Нет, конечно.

— А кто же?

— «Крейслер».

— Новая ваша звезда?

— Нет, звезда старая, модель новая!

— Какая модель?

— Модель автомобиля.

— Не понимаем.

— Как все-таки с русскими трудно! Главную роль играет автомобиль марки Крейслера.

— Как же он может играть главную роль?

— Ну, его показывают!.. Рекламируют. Рекламируют!.. Понимаете?

— А при чем здесь Джек Бени?

— Как при чем?! Он с другими актерами разыгрывает сценки вокруг этой темы.

— Неужели написан специальный сценарий?

— Конечно!

— Кто же их пишет?

— Извините, писатели пишут, ваши коллеги.

— По собственному желанию?

На нас смотрели, как на выходцев с того света:

— По собственному желанию?! Заказывают им!

— Кто заказывает?

Теперь на нас смотрели уже снисходительно:

— Крейслер заказывает и другие.

— Автомобили?

— Да нет же! Автомобильные компании! Да вы лучше смотрите. Пропустите интересный эпизод.

Мы обернулись к сцене. Декорация изображала небольшую квартиру. На красном диване сидит скучающая женщина. Раздается звонок. Женщина торопливо идет открывать дверь. Входит муж. Он говорит:

— Моя дорогая, я тебе купил подарок!

Жена бросается мужу на шею.

— Спасибо, мой любимый!.. Но где же он? Где же он?— говорит она, пританцовывая.

— Он не может войти в дом, он «Крейслер», он автомобиль.

— О мой дорогой! Ты не мог придумать ничего лучшего! «Крейслер»— лучшая автомобильная марка в мире!!

Последние слова, игнорируя своего любимого супруга, она говорит уже крупным планом в кинокамеру.

И вот счастливая пара мчится по автостраде, напевая песенку об автомобиле «Крейслер». Золотистые волосы супруги рассыпались на плече любимого супруга.

К сожалению, я не запомнил, с чем рифмуется в этой песенке слово «Крейслер».

...А на сцене продолжалось действие. Перед кинообъективом стоял молодой русоволосый певец с чуть приплюснутым носом.

— Сын знаменитого Бинга Кросби,— сказал переводчик.

Молодой Кросби, пританцовывая, пел песенку об автомобиле «Крейслер».

Когда он закончил, на сцену вышел другой певец. Мы узнали его. В самом начале нашей поездки мы слышали его в Нью-Йорке на Бродвее в ночном ресторане «Латинский квартал». Фрэнк Лайн — очень хороший певец, с отличными актерскими данными. Песенка молодого Кросби перешла в дуэт. Дуэт накладывался на изображение нового сиденья автомобиля «Крейслер». Сиденье крупно изображалось на экране.

Дуэт отзвучал, но мелодия продолжалась: на экране демонстрировался новый радиоприемник, поставленный в автомобиле «Крейслер»...

Я закрыл глаза, начинала болеть голова. Вдруг я услышал нежный звук скрипки. Открыв глаза, я увидел на сцене маленькую девочку в розовом платье, стоявшую около Фрэнка Лайна. В руках у нее была скрипка. Девочка робко играла. Зал студии наполнила волнующая знакомая мелодия. Но это же мелодия Крейслера!

— Великий Крейслер посвящает свои мелодии своему тезке!— воскликнул Фрэнк Лайн.

Я снова закрыл глаза. В это время на сцене появился новый герой. Это был уже автомобиль «Додж», модель 1956 года... За ним последовал автомобиль «Дю-Сито»...

Наконец репетиция закончилась. Нас пригласили на сцену познакомиться с героями фильма.

— С автомобилями?

— Да нет же, с людьми!

Мы стояли, оглушенные, среди этих людей с обыкновенными лицами и обменивались любезностями. Не знаю, почувствовали ли безусловно талантливый Фрэнк Лайн, приславший позже нам комплект своих пластинок, и отличный комедийный актер Джек Бени, и другие, что нам было трудно говорить, стоя на сцене телевизионного центра в Лос-Анжелосе, но это было так. Не находилось темы для разговора. И, странное дело, нам было немного стыдно, как будто мы присутствовали при каком-то неприличном зрелище. Чуть прикрытые бархатными занавесями, стояли в стороне подлинные «герои» этого представления — автомобили «Крейслер», «Додж» и другие. На них никто не смотрел.

Уже позже, находясь в столице Аризоны, городе Фениксе, после одной из пресс-конференций Алексей Аджубей и я разговорились с молодым человеком в костюме шерифа и с его женой. Они подошли к нам и сказали:

— Хорошо отвечали, весело. Поздравляем с успехом.

— Это особенно приятно слышать из уст человека, олицетворяющего власть в этом штате,— сказал Аджубей, указывая на костюм шерифа.

— О нет, я не шериф,— смущенно проговорил молодой американец,— я веду телевизионную программу. Зрители привыкли видеть меня в этой форме.

Мы присели вчетвером за небольшой столик и разговорились.

— Из чего же состоит программа телевидения в Аризоне?— спросили мы телешерифа.

— Вряд ли она вас заинтересует. Все больше реклама.

— Ваша жена тоже работает на телевидении?

— Она актриса.

— Играет в театре? Или снимается?

— О, нет! Я делаю то же самое, что и мой муж,— сказала с грустью молодая женщина.

— Неужели вас не тянет к настоящему искусству?

— Разве в этом дело? На что-то надо существовать. Мы вынуждены делать то, на что есть спрос,— печально говорил «шериф».

Разговор этот в Аризоне происходил уже после нашего посещения телецентра в Лос-Анжелосе, где мы прошли соответствующую обкатку.

В Лос-Анжелосе мы на прощание сфотографировались с актерами, работающими в телевидении, на фоне... автомобиля, правда, старенького, допотопного, безжалостно осмеянного своими блестящими потомками.

Мы вышли из здания Лос-Анжелосского телецентра. Все так же ярко светило солнце. Вдали высокие пальмы качали метелками. Казалось, что они, как механические веники, смахивают пыль с голубых небес. Жизнь снова приобретала свою прелесть.

Наш флегматичный провожатый Фрэнк Клукхон, подойдя к нам, спросил:

— Ну, как, господа, довольны?

— Чрезвычайно! — сказал Виктор Полторацкий, глотая пилюли от головной боли.

— Мы сейчас покажем вам центральный промышленный район города, а затем поедем на автосборочный завод.

— Крейслера?—потерявшим всякий пафос голосом спросил Полторацкий.

— Нет, господа, «Шевроле»,— успокоил Клукхон.— Завод компании «Дженерал моторс». Поедем в автобусе. Легковые машины ушли.

Мы махнули рукой. Нам уже было совершенно безразлично, на чем и как ехать,— хоть в молочной цистерне! Понуро мы направились к большому автобусу, возле которого, приветливо улыбаясь, стоял шофер.

— Альберт Зуринскас,— сказал он, подавая каждому из нас руку.— Я очень рад, что мне посчастливилось возить русских журналистов.

Было что-то очень приятное в лице шофера. Мы ответно улыбнулись. Улыбнулись и поехали. И покатился наш автобус по автострадам и улицам Лос-Анжелоса, по городу, который из-за его разбросанности американцы называют «большой деревней», по городу, главная улица которого тянется более 35 миль, по городу, в котором, пожалуй, как нигде в Америке, развит автомобильный транспорт.

Альберт Зуринскас гордо сидел у баранки, изредка поглядывая на нас. Мы проезжали район Виндзор-сквера, район красивых особняков, вокруг которых вздымались пальмы и эвкалипты.

— Эти пальмы из Бразилии, а эвкалипты из Австралии.

— А чьи особняки?

— Население района делится на три категории. Первая — те, кто когда-то был в силе, ворочал капиталами, а теперь состарился и живет в этих тихих кварталах. Вторая категория — те, кто считает модным жить здесь. И третья — те, кто сам здесь не живет, а держит землю для спекуляции.

Автобус покатился дальше. Скоро сравнительно чистое небо закрылось серой пеленой. Мы въехали в центральный промышленный район Лос-Анжелоса. Туман—или смок,—как дым, зло ест глаза. Закрываем окна. Автобус едет мимо прямоугольных фабричных и заводских корпусов. Вот корпуса гигантских холодильников. Заводы Вестингауза, вырабатывающие электрооборудование. Акционерные компании по выпуску сельскохозяйственных машин. Лесные склады, на которых лежит красное калифорнийское дерево для мебельных фабрик. Корпуса автомобильных заводов. Корпуса фабрик прохладительных напитков.

У входа в телецентр.

Где-то на повороте, задержавшись у светофора, мы увидели негра возле поржавевшей, старой машины. Он расположил на земле маленькие деревянные тележки с вырезанными из дерева лошадками. На таких повозках добирались в Калифорнию завоеватели этого буйного края. Проносятся мимо негра тысячи новеньких машин, огромные грузовики, ревущие, как аэродинамические трубы, а он стоит в залатанной полосатой ковбойке, прислонившись к ржавой дверце своего допотопного «Бьюика», и с надеждой смотрит, не остановится ли роскошная машина, не выйдет ли туристка или турист в темных очках, не раскошелится ли на эту деревянную реликвию, отдаленно напоминающую старую Калифорнию...

Интересна и драматична история этого района. Даже самый схематичный рассказ о ней вызывает в нашей памяти героев романов Теодора Драйзера, знатока психологии мастеров наживы и головокружительных авантюр. Здесь тоже были свои титаны, финансисты и гении золотого тельца, может быть, еще в более стремительном темпе маневрирующие миллионами долларов, играющие судьбами десятков тысяч людей.

Центральный промышленный район совсем молод. В 1922 году сюда из Чикаго приехало несколько предприимчивых людей. У них был некий, не очень крупный капитал. Критическим взглядом осмотрели они земли вдоль реки Лос-Анжелос, на которых зеленела сочная капуста, а среди густого разнотравия паслись калифорнийские телки и бычки. О, нет, не пейзаж интересовал предприимчивых чикагцев! Не капуста, не бычки и телки должны были пленять их взоры. Дельцы не теряли времени. Они купили 260 акров земли, граничащих с рекой Лос-Анжелос. Провели железную дорогу. Расширили свои земельные владения. Заодно скупали скот и отправляли его на чикагские бойни. Первые годы показали, что отдаленность от города мешает развитию дела. Это даже отразилось на финансовом состоянии компаньонов. Но дело было пущено

Шофер Альберт Зуринскас.

в ход. Отступления быть не могло. В 1928 году они, напрягшись, купили новые земли, перешагнули через реку и продвинулись к городу. Собрав достаточное количество земли, начали продавать ее промышленным компаниям по цене ниже установленной, с одним условием: каждая компания, купившая землю, должна обеспечить определенный тоннаж своих изделий для транспортировки по железной дороге, во главе которой стояли предприимчивые чикагские дельцы. Так они стали лидерами центрального промышленного района. Сейчас в районе расположено до 700 промышленных предприятий. 99 процентов всех американских компаний имеют здесь свои предприятия: «Дюпон», «Дженерал моторс», «Дженерал-электрик», «Карпентер». Десятки, сотни названий. Только за последние три года построены десятки фабрик и заводов. Сталь. Масло. Резина. Стекло. Пудра. Текстиль. Содовая вода. Нет только золотых приисков. Да они, пожалуй, и не требуются...

...Автобус катил мимо каменных, лишенных каких-либо украшений корпусов. И вдруг справа от дороги открылся пустырь. Кучи мусора, рыжая, выгоревшая трава, горы щебня. Серо-желтое марево пыли.

— Эти земли готовы принять новые заводы,— сказал сопровождавший нас представитель администрации центрального промышленного района,— вы видите только пустыри, но под ними уже проложены все тепловые, силовые и энергетические коммуникации. Земля ждет покупателей.

Где-то сбоку дороги рушили старые здания. Мощные самосвалы с мусором проносились мимо нас по автостраде, каждая миля которой обошлась в один миллион долларов.

В нашем молниеносном рейсе — все мимо, все мимо — многого, конечно, не увидишь, не узнаешь, как живут, чем дышат семьдесят тысяч рабочих, занятых в промышленности этого района,— семьдесят тысяч судеб, а за ними еще их семьи, их дома... Не слышали мы в Калифорнии и имени писателя, который бы с такой же смелостью и таким же размахом, как Теодор Драйзер, охватив орлиным взором эту жизнь, подернутую густым, выедающим глаза туманом, проник бы в ее глубины. И создал бы картину, хотя бы отдаленно приближающуюся к романам Драйзера. Не связали ли крылья этим орлам различные телевизионные и кинематографические компании сценариями, рекламирующими «Крейслеры», «Доджи», «Плимуты»?

Раздумью суждено было прерваться. Автобус остановился. Перед нами распахнулись ворота. Мы вошли на территорию завода «Шевроле». Нас встретил директор, большой, несколько сумрачный человек, Джордж Родс, и пригласил позавтракать. Даже если бы я забыл меню этого обычного завтрака, то стоило бы обратиться к газете «Лос-Анжелос таймс», чтобы понять, как стремились увековечить репортеры наше пребывание. Репортер писал: «Сразу же вся группа уселась за столы в одной из трех закусочных завода. Ленч состоял из фруктового коктейля, салата из зелени, блюд из морских продуктов, картофеля с петрушкой, моркови и гороха, а также различных пирожков...»

Мы поглощали блюда из морских продуктов, картофель с петрушкой и вели с директором Родсом беседу:

— Сколько машин выпускает завод в день?

— Пятьсот.

— Сколько рабочих на заводе, если не секрет?

— Не секрет... Тысяча. У нас автосборочный завод. Детали к автомашине получаем от двенадцати тысяч поставщиков. Добавлю,— сказал Родс, видимо, привыкший отвечать на вопросы,— в час с наших конвейеров сходит сорок семь легковых машин и пятнадцать «Пикапов».

— Скажите, господин директор, почему каждый год меняется форма машин?

Родс пожал плечами:

— Мода! Другие фирмы меняют моду — меняем и мы.

— Но от кого эта мода зависит?

— От женщин.

— От женщин?

— Иногда и от мужчин... Некоторым мужчинам красивая машина необходима хотя бы для того, чтобы привлечь внимание женщины.

Мы смотрели на Родса: этот мрачноватый человек говорил серьезно или шутил?

— А может, для того, чтобы чаще сменялся автомобильный парк?

Теперь Родс с любопытством взглянул на нас.

— Это уже дебри, в которые нам не стоит забираться.

— Не будем забираться. А что меняется в форме автомобиля?

— Шире кабину делаем... Окраску меняем. Сейчас пошла мода на двухцветные... Форма имеет большое значение. В двадцать восьмом году выпустили «Бюик» слишком широкий, похожий на беременную женщину... Его никто не покупал.

Сравнение «Бюика» с женщиной нас несколько покоробило, но мы пошли дальше:

— Скажите, господин Родс, мы были в телевизионном центре, там рекламировались автомашины. Как это делается? Вы платите за определенные часы?

— Мы не платим, мы их содержим.

— И актеров?

— И актеров.

— И музыкантов?

— И музыкантов.

— И писателей?

— Да, уж и писателей приходится содержать.

Родс развеселился. Ему, видимо, нравилось отвечать коротко и несколько цинично. И вдруг он спросил:

— А разве вы против того, чтобы менять форму машин?

— Мы — за.

— Правильно,— сказал Родс.— У нас уже есть почти готовая модель 57-го года и в дереве — модель 1958 года.

Блюда из морских продуктов и картофель с петрушкой были съедены. Родс поднялся.

— Приглашаю вас, господа, осмотреть завод. У вас мало времени, прошу не отставать.

Мы отправились в путешествие по заводу. Первое, что бросалось в глаза,— это очень быстрый ход конвейеров. В воздухе мелькали боковины, дверцы, шасси автомобилей. Стоял гром и грохот. Сверкали искры от рихтовки. На одном конвейере машины одновременно окрашивались в разные цвета. Сопровождающий нас руководитель отдела сбыта и рекламы Гарри Блэйр сказал:

— Все детали точны, потому подгонки деталей нет. Машины идут на заводской двор, оттуда в магазины.

Мы шли вдоль конвейеров. Рабочие не смотрели на нас. Только несколько торопливо брошенных взглядов мы уловили в этом громе и лязге металла. Здесь были те, кто делал автомобили, но кого мы не встретили на съемке рекламного фильма и ни разу не видели на экране телевизора. Напрашивались всякие сравнения, но мы опустим их, предоставив лучше место сообщению американского журнала «Тайм», избравшего президента компании «Дженерал моторс» Харлоу Кэртиса «самым выдающимся человеком 1955 года за его руководство американским бизнесом в холодной войне против коммунизма». Журнал «Тайм» сообщил о том, что компания «Дженерал моторс» явилась первой, которая получила в год более одного миллиарда долларов прибыли. Стоит ли уж тут задавать вопросы об актерах, музыкантах, писателях, продающих свои таланты всемогущему богу рекламы? И стоит ли распространяться по поводу того, кому и почему выгодна «холодная война»? Вряд ли сборщик, повторяющий в бешеном темпе одно и то же движение на конвейере, ни разу в глаза не видевший «самого выдающегося человека США в 1955 году», Харлоу Кэртиса, заинтересован в «холодной войне». Но далекий и недосягаемый для сборщика патрон, где-то там восседающий на вершине миллиардных прибылей, заинтересован и делает, как свидетельствует журнал «Тайм», все для того, чтобы снова разгорелось пламя «холодной войны».

Мы стояли на заводском дворе, смотря, как из ворот цеха почти каждую минуту выскакивали разноцветные автомобили. Для шоферов это были самые короткие маршруты. Проехав метров двести, они оставляли машину, торопливо шли в цех, чтобы через несколько минут снова, прямо с конвейера, нажав на еще теплый стартер, вытолкнуть машину в этот пестрый, как зебра, мир.

Фрэнк Клукхон сказал:

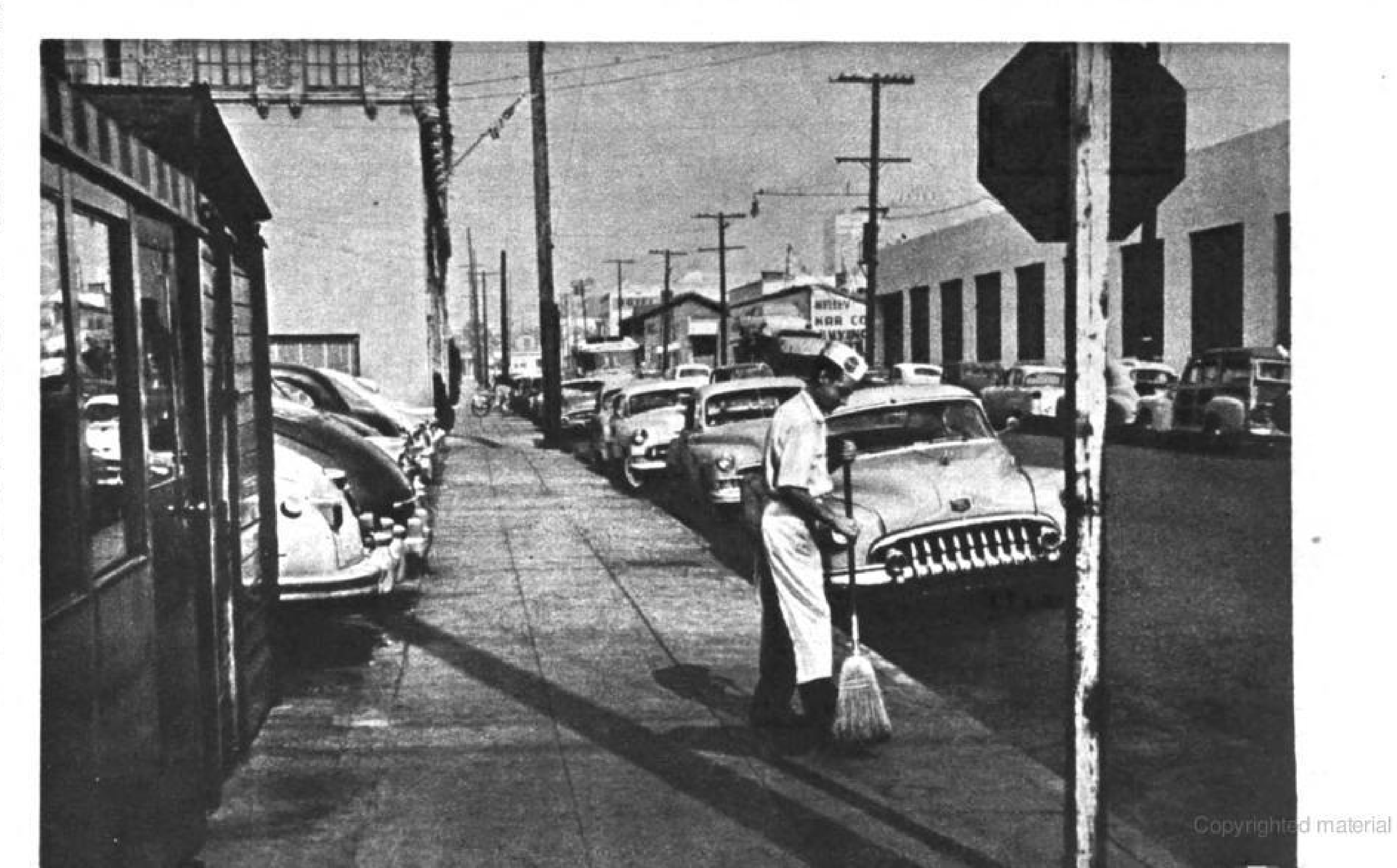
— А теперь, господа, вы будете совсем довольны, мы поедем в Диснейлэнд, на землю Уолтера Диснея.

Это было действительно заманчиво. Имя талантливого американского кинорежиссера, создателя многих фильмов для детей, тонкого художника, автора картин «Бемби» и недавно демонстрировавшегося в Советском Союзе фильма «Белоснежка и семеро гномов», привлекало. Совсем недавно в Париже мы смотрели новый фильм Диснея, «20 тысяч миль под водой».

— Можете впадать в детство, господа,— проговорил Клукхон, пропуская нас по одному в автобус.

Альберт Зуринскас, с которым мы предварительно сфотографировались около автобуса, снова надел кожаные перчатки. Мы тронулись в путь. Путь от завода до Диснейлэнда оказался длинным. Увиденное сегодня, как в телевизионных передачах: поворот на одно деление — и новая программа.

Полдень в Лос-Анжелосе.

Диснейлэнд.

В синем воздухе вился геликоптер. Под ним раскинулся Диснейлэнд. Широкий подъезд. Небольшая толпа у кассы. Пестрые одежды из дешевой ткани. Большой плакат у ворот.

Нас встречали. Фотокорреспонденты налетели как стая.

— Уанс мор! [1] — кричали они наперебой.

Нам хотелось быть с ними равными, мы щелкнули американских фотокоров из наших «Зорких». Кажется, снимок получился. Фотоперестрелка закончилась.

Хорошая выдумка, отличающая Уолтера Диснея в его фильмах, помогла и здесь. Он остроумно использовал павильоны старых, ранее отснятых фильмов для детского городка. Кое-что прибавлено, рационально спланировано. Вы идете улицей деревянного городка. Видите полицейских в форме, которую носили в XIX веке. На причале качается старый пароход «Марк Твен» — такие пароходы когда-то ходили по Миссисипи...

Диснейлэнд открыт всего лишь полтора года назад. Стоимость строительства — 17 миллионов долларов. Администрация в два года рассчитывает вернуть эти деньги. А дальше? Дальше пойдет чистая прибыль Диснею и его компаньонам. В среднем каждый день бывает 10—12 тысяч посетителей. Билет для взрослого стоит 1 доллар, для ребенка — 50 центов. По годовой статистике на одного ребенка, посещающего Диснейлэнд, приходится пятеро взрослых.

Вот высится модель межпланетного снаряда. Около него толпятся дети и взрослые. Из зарослей, склонившихся над синей рекой, слышно рычание льва. По реке скользят лодки. Странно, что люди, сидящие в лодках, спокойно проплывают рядом с берегом.

— Пойдемте посмотрим на львов,— просим мы провожатых.

— Это невозможно.

— Мы не боимся.

— Все равно невозможно. Самих львов нет. Рычанье их записано на пленку.

По крутым холмам — вверх и вниз — бегут маленькие паровозики. Мимо едут конки и дилижансы. Стоит пиратский корабль с изображением черепа и двух скрещенных костей на черно-желтом флаге. Звучит музыка. Продают сувениры: гангстерские пистолеты и ковбойские костюмы, резиновые пищащие «бемби» и маленькие гномы.

Выходим на площадку. Перед нами небольшой загон, в котором четверо индейцев в национальных костюмах сидят возле вигвама. Спрашиваем:

— Что они здесь делают?

— Мы их показываем.

— Как «показываем»? Это же люди!

— Ну, они служат у нас. Но вы не сомневайтесь, они настоящие индейцы. А вот этот, в белых перьях с черной опушкой, их вождь Падающая Звезда.

Клукхон, почувствовав наше недоумение, вдруг предложил:

— Может быть, хотите поговорить с ними?

Мы перелезли через деревянную изгородь, подошли к индейцам.

Падающая Звезда, пожилой с темнокоричневым, морщинистым лицом человек, протянул нам руку, застенчиво улыбнулся.

— Мы из Советского Союза, журналисты,— сказал Борис Полевой.

Остальные индейцы недоверчиво протягивали нам руки.

Виктор Полторацкий вытащил пачку «Казбека».

— Хорошо бы выкурить нам трубку мира, но, кажется, здесь ее нет.

— Нет, — сказал Падающая Звезда.

— Закурим «Казбек», в нем тоже мирный табак.

Не нашлось спичек. Падающая Звезда прикурил от папиросы Полторацкого.

— Смотрите, они кого-нибудь из вас скальпируют,— попробовал пошутить Клукхон.

Падающая Звезда с укоризной посмотрел на Клукхона.

Индейцы неподвижно стояли у вигвама. Мы простились с ними и направились к выходу.

— Господа, вам понравилось быть детьми?— спросил Клукхон, когда автобус тронулся в путь.

— Очень!— сказал самый старший из нас, Борис Изаков.

— Теперь вы должны вновь стать взрослыми, — продолжал Клукхон,— дело в том, что около гостиницы собрались пикетчики.

— И много?

— О да! Много!— патетически воскликнул переводчик Чихачев.

Мы намотали ремни фотоаппаратов на руки, зажав аппараты в кулаке. На всякий случай! Но около входа в гостиницу пикетчиков уже не было. Переодетой в штатское полицией они были оттеснены метров на двести от отеля.

Вечером нам предстоял визит к профессору Стивенсу, побывавшему недавно с женой в Советском Союзе.

Просматривая в номере одну из газет, я натолкнулся на отдел «Домашние дела». В ней под названием «Нарушение светских правил» была небольшая заметка. «Несколько раз,— писал автор,— я замечал, к своему удивлению, что мужчины к обеду вдевают в петлицу пиджака белую гвоздику. Белую гвоздику носят только, когда надевают смокинг. Для черного пиджака за обедом подходит только красная гвоздика».

Захватив газету, я пошел в номер к Борису Полевому.

— Борис, у нас сегодня званый обед, а у меня нет смокинга и нет белой гвоздики.

Полевой тревожно посмотрел на меня: в Лос-Анжелосе стояла очень жаркая погода. Я показал ему газету. Как быть?

— Да,— сказал Полевой, — но что же делать? А что, ежели мы все-таки поедем так? Может, не осудят?

— Не осудить-то, может, и не осудят, но все же...

Полевой взял газету в руки:

— Мы не можем вмешиваться в их внутренние дела. Вот газета, например, сообщает о том, что некоторые дамы на пляжах протестуют по поводу того, что мужчины появляются в слишком обтянутых костюмах и что «эксперты обсуждают создавшееся положение». Мы же не будем принимать участие в работе экспертов?

— Не будем,— согласился я.

— Или вот на страницах этой же газеты поднята дискуссия по поводу того, как готовить кок-

Съемка закончена.

[1] Еще раз!

Конки в Диснейлэнде.

тейль Мартини. Надо ли вливать сначала джин или вермут? Надо ли взбивать этот коктейль или мешать? Ты как думаешь?

— Я еще не решил для себя этого вопроса.

— Я тоже,— сказал решительно Полевой.— Знаешь, поедем-ка без гвоздики!— Он отложил газету «Лос-Анжелос экзамайнер».

И мы поехали в черных костюмах, без белой и красной гвоздики. Двери открыл нам Стивенс. При виде его я легонько толкнул Полевого в бок.

— Вижу,— шепнул он мне.

Хозяин дома стоял перед нами в черном пиджаке и тоже без гвоздики. Нам сразу стало легко.

Посреди комнаты в белом платье, в прозрачных туфлях стояла миловидная женщина, приветливо улыбаясь. Это была жена хозяина дома Джен Стивенс.

Арнольд Стивенс, плотный, чуть седеющий, общительный человек, сразу заговорил:

— Мы еще полны впечатлений о Москве, о встречах с профессорами Бакулевым, Вишневским. У вас прекрасные хирурги. Я бы, знаете, с удовольствием еще побывал в Москве. Джен, покажи снимки.

Джен вышла из комнаты и принесла пачку фотографий. Узнаем знакомые места:

— О, вы были в Кремле?!

— Да, вот Царь-колокол. Видите?—говорил Стивенс.—Нам очень понравились люди, гулявшие тогда так же, как и мы, по Кремлю. Они узнали, что мы американцы, и дружески приветствовали нас.

— В Москву мы летели из Вены. Пассажиры были почти все русские. Признаюсь, нам показались они вначале сумрачными, но вскоре все стали нам улыбаться. Старались что-то делать для нас,— говорила Джен.

— Там летело больше мужчин, они ухаживали за моей женой,— пошутил Стивенс.

— Ничего подобного. Они к тебе тоже хорошо отнеслись. А вообще, ты должен быть доволен, что за женщиной, которая является уже бабушкой, ухаживают.

Мы широко раскрыли глаза. Джен — бабушка?

— Да, да, бабушка. Старшая дочь моя замужем...

Стивенс довольно улыбался:

— А вы посмотрите ее работы, она ведь у меня рисует.

Рядом с гостиной была маленькая комнатка-студия. На стенах висело несколько рисунков карандашом, портрет Стивенса в красной ковбойской рубахе. Портрет был удачен. На столике лежали гипсовые слепки рук и ног. Рядом с ними стояло несколько небольших флакончиков французских духов. Небольшое костяное распятье. Перламутровые пуговицы на картонке. Какие-то коробочки, назначение которых обычно известно только их хозяйкам.

Продемонстрировав свои работы, Джен ушла хлопотать по хозяйству. Мы остались со Стивенсом. Он снова вернулся к разговору о поездке в Советский Союз.

— Встречи с вашими людьми убедили меня в том, что мы можем дружить. У вас хорошие, отзывчивые люди, прекрасные специалисты. Наши страны должны добиться лучшего взаимопонимания. Вернувшись в США, я сделал несколько докладов о поездке в Советский Союз. И еще буду делать... У нас очень интересуются вашей жизнью... А какой у вас Киев! Какие сердечные люди там! Честное слово, мы должны общаться хотя бы по профессиям... Например, у врачей есть много общего... Я ведь знаю, что значит жизнь. Сам прошел нелегкий путь, пока стал самостоятельным человеком. Мать у меня была бедной учительницей... Но теперь я врач. У нас большая разница между этими профессиями. Вы слышали, наверно, что в Америке много гангстеров? К сожалению, это так. Но, знаете,— тут Стивенс хитро улыбнулся,— в Соединенных Штатах главные бандиты — врачи. Лечение у нас очень дорого. Знаете ли вы, для того, чтобы женщина родила в больнице, она должна заплатить шестьсот долларов. Это кругленькая сумма — двухмесячный заработок квалифицированного рабочего... Я зарабатываю хорошо. Но у меня был большой дом, из-за налогов я вынужден был продать его. Купил вот этот, поменьше. У нас высокие налоги.

Все, что говорил Стивенс, было интересно. В нем сочеталась какая-то простота, свойственная многим американцам, с которыми нам приходилось встречаться в домашней обстановке, с предельной деловитостью, когда дело касалось их заработка и всяческого — движимого и недвижимого — имущества.

Стивенс тихо продолжал:

— У меня было уже два сердечных припадка. К сожалению, и врачи недолговечны... У нас трое детей... Я обязан думать об их будущем. На собранные деньги я купил ранчо и несколько сот голов скота. Когда я это сделал, почувствовал облегчение. Если что случится, будущее семьи обеспечено.

Вошла Джен.

— Тебя вызывают из госпиталя,— сказала она.

Стивенс торопливо вышел и вскоре вернулся:

— Приходится ехать к больному. Извините меня. Поручаю вас Джен.

Он простился с нами.

...В отель отвозила нас Джен. Набросив на плечи легкую накидку — вечер оказался прохладным,— она выкатила из гаража длинную машину и почти профессиональным жестом шофера пригласила нас занять места.

Мы помчались по гулким автострадам Лос-Анжелоса. Мы ехали, перебрасываясь шутками о том, что, видимо, техника в США такова, что женщины становятся бабушками раньше, чем в других странах света.

Неожиданно обернувшись, Джен спросила:

— Муж рассказывал вам о том, что у нас есть ранчо и несколько сот голов скота?

— Рассказывал.

— Говорил, что этим ранчо он увлечен сейчас больше, чем медициной?

— Нет, не говорил.

— Тогда послушайте.

Джен надавила широкую кнопку сигнала. В воздухе послышался чуть печальный, зовущий звук.

— Вот еще одно достижение нашей техники.

— Но это же — точно воспроизведенное мычанье теленка?!

— Вы угадали. Когда мы приезжаем на ранчо и отправляемся в степь, нам хочется видеть наших коровушек. Очень трудно их собрать всех. Ковбоев содержать дорого. Помогает техника. Я нажимаю этот сигнал, и коровы, верные инстинкту материнства, бросаются к машине. Тут их можно и пересчитать и делать с ними все, что вы хотите.

— Бедные коровы!

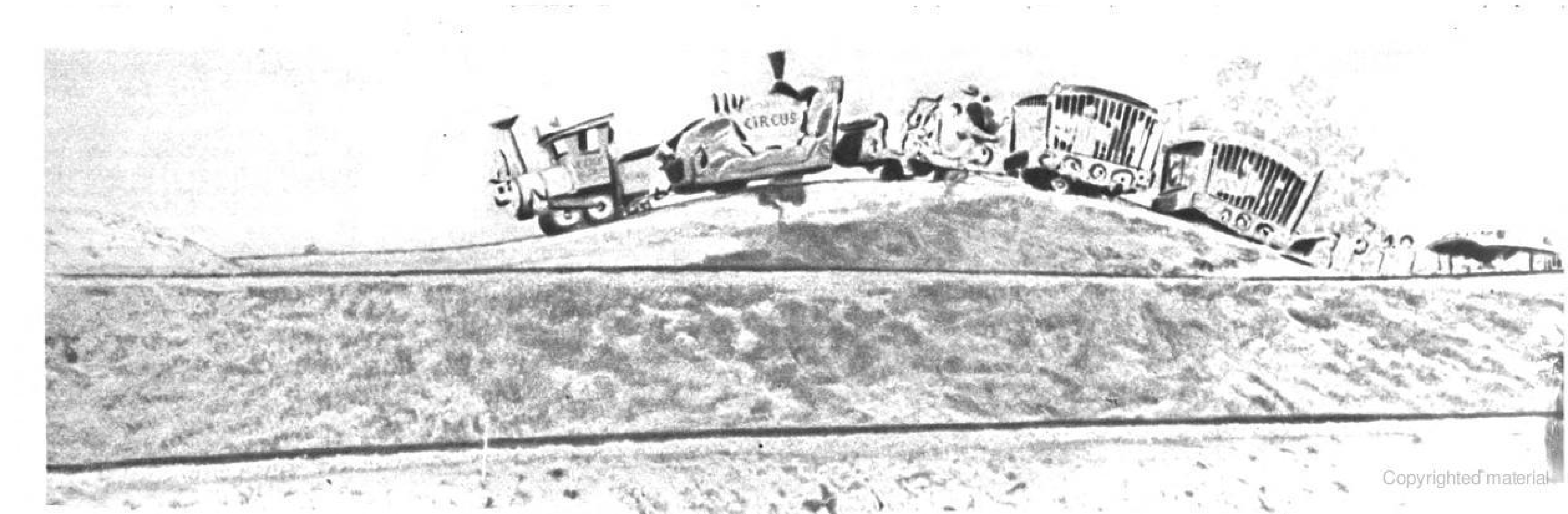
— Да... Мы их немножко обманываем... Но это не самый большой обман в мире.

Джен ловко подкатила к гостинице. Мы сердечно простились с этой милой женщиной, в доме которой провели несколько хороших часов.

Войдя в номер, я открыл окно. Ночная прохлада потянулась в душную, нагретую за день комнату. Снизу, из окон ресторана, доносились звуки джаза. Вокруг гостиницы было безлюдно и тихо. Какой пестрый день, какая пестрая жизнь! Автоматически я включил телевизор. Немедленно с экрана на меня закричал какой-то молодой человек. Он чистил зубы и что-то орал. Я повернул рычажок: один боксер нещадно колошматил другого, бессильно повисшего на канатах. Я снова повернул рычажок: какой-то атлетического типа мужчина демонстрировал на себе новые нейлоновые купальные трусы; ногами и руками он делал плавательные движения. Не надо, не надо! Еще поворот рычажка,— медленно поворачиваясь перед глазами, проплыло новое сиденье автомашины «Крейслер». Скорей, скорей, другую линию! Здесь на меня направили пистолет... Я нервно выключил телевизор. Не то, все не то! Живут в домах люди своей жизнью, со своими заботами, горестями и радостями. А эти семь линий так далеки от человека, работающего на конвейере завода «Шевроле», и вождя индейского племени Падающей Звезды! Далеки от шофера автобуса, пожелавшего сфотографироваться с русскими журналистами, далеки от негра, торгующего деревянными реликвиями прошлого, и даже от этой благополучной семьи профессора Стивенса.

Ревущие, стонущие, грохочущие, свистящие семь линий далеки и от человека и от искусства.

Я очень хотел хорошо отнестись к американскому телевидению. И не смог.

Детская железная дорога в Диснейлэнде.

Взрослый рядом...

Ю. КЛЕМАНОВ

Рисунки Ю. Черепанова.

Семена Михайловича Тигранова я встретил впервые после многолетнего перерыва на Курском вокзале за четыре минуты до отхода поезда, увозившего меня на курорт. Естественно, что эти минуты были непроизводительно затрачены на различные междометия, подобающие случаю. Когда было установлено, сколько лет, сколько зим, а также сколько воды утекло, раздался гудок паровоза. Семен Михайлович едва успел пригласить меня в гости, и я, разумеется, обещал придти.

...До войны мы работали вместе в одном учреждении. Тигранов был там начальником отдела. С тех пор мы не виделись, но от общих знакомых я нередко слышал о «тигре», как его за глаза называли подчиненные. Вернувшись с войны, Семен Михайлович поступил на работу в научно-исследовательский институт, защитил диссертацию и последние годы занимал видную должность в одном издательстве.

Вскоре по возвращении из Сухуми я стучал ногами в дверь квартиры Тиграновых. Руки у меня были заняты двумя бутылками хванчкары и ящиком со ставридой свежего копчения.

Хозяин принял меня весьма радушно, а ознакомившись с содержимым ящичка, пришел в восторг.

— Ну, это — волшебство! Я как раз сижу и думаю, чем бы таким особенным попотчевать утром Костика...

— А кто это Костик?

— Боже, как же давно мы с тобой не виделись! — запричитал Семен Михайлович.— Просто безобразие... Да ведь Костик — мой сын! Неужели не знаешь?

Испытывая неловкость, я мужественно признал свою неосведомленность в этом вопросе и, разумеется, выразил готовность немедленно восполнить образовавшийся пробел. Кстати сказать, жену Семена Михайловича, красивую, кокетливо одетую женщину, и тещу его, весьма приметную по своим габаритам, я также видел в первый раз.

— Шалишь, брат, не выйдет! — заявил Семен Михайлович.— Человек уже спит, и тревожить его было бы в высшей степени... гм... непедагогично. Так что и не проси!

Я великодушно согласился и, как водится в таких случаях, осведомился о том, сколько Костику лет.

— О, великан! — самодовольно откликнулся Семен Михайлович.— Уже в шестой класс ходит.

А Ирина Петровна, мягко улыбнувшись и почему-то вздохнув, прибавила:

— Скоро уже десять...

Мне показалось несколько странным, что десятилетний сын Семена Михайловича учится уже в шестом классе, однако, взглянув на Ирину Петровну, я нашел, как мне тогда показалось, объяснение: предусмотрительные мамы с такой внешностью нередко корректируют не только свои годы, но и предательские метрики своих детей...

Затем мы, как водится, очень мило посидели с Семеном Михайловичем, и когда вторая бутылка была уже наполовину пуста, наши добрые взаимоотношения столь упрочились, что уйти, не увидев Костика, было бы с моей стороны неприлично.

...Смешно зажмурившись от света, который включила теща, и протирая кулачками глаза, мальчик посмотрел на меня без особого интереса, затем перевел вопросительный взгляд на отца и вдруг попросил:

— Пить!

Семен Михайлович, который застыл было в восторге от этой трогательной сцены, рванулся в столовую и поспешно принес оттуда... бокал вина.

— Что ты делаешь? — вырвалось у меня.

— Ребенок хочет пить! — сказал Семен Михайлович и протянул бокал Костику.

Я благоразумно отошел в сторону, полагая, что сейчас вспыхнет семейная сцена. Но ни мать, ни теща и не думали возмущаться. Ребенок спокойно выпил вино и лишь с некоторым удивлением констатировал:

— Хванчкара... Из «Арагви», наверное...

И, скользнув по мне равнодушным взглядом, повернулся на другой бок.

— Ты смотри-ка, прямо дегустатор,— сказал я, когда мы вернулись в столовую; улыбался я при этом, наверное, не вполне естественно.

— Да, он у нас во всем разбирается,— самодовольно ухмыльнулся Семен Михайлович.

А жена его, посмотревшись в зеркало, томно добавила:

— И заметьте: нет еще десяти.

Так как время было позднее, а вечер субботний, хозяева любезно предложили мне остаться ночевать у них в столовой на диване.

...Проснулся я рано и сразу же увидел Костика. Мальчик сидел на корточках перед книжным шкафом и сосредоточенно листал объемистый том Большой Советской Энциклопедии. На кухне теща деловито погромыхивала посудой.

Заметив, что я не сплю, мальчик подошел к дивану и, явно пренебрегая церемонией представления, спросил в упор:

— А правда, что обезьяны размножаются в неволе? Вы были в питомнике?

Очевидно, он успел уже получить полную информацию обо мне и о моей поездке в Сухуми.

— Однако...— пробормотал я, несколько растерявшись.

Передо мной стоял маленький человечек в коротких штанах, с острым носиком и пытливо бегающими глазками за толстыми стеклами очков.

Я спросил как можно более дружелюбно:

— Почему у тебя очки?.. Плохо видишь?

— Много читаю,— последовал лаконичный ответ. И почти без паузы: — Сколько самок может покрыть один серый павиан?.. Бывают у них случные периоды?

— Гм...— осторожно кашлянул я.— В каком ты классе?

— В шестом,— подтвердил вчерашнее официальное сообщение мальчуган и заскакал на одной ножке по направлению к кухне.

Мне осталось только растерянно посмотреть ему вслед.

Пожалуй, его мать сказала вчера правду: мальчику было действительно не больше десяти.

Пораженный этим открытием, я не заметил, как в комнату, шлепая туфлями, вошел из спальни Семен Михайлович.

— Ага! Знакомство уже, видимо, состоялось? — послышался его бодрый рокочущий басок.— О чем же вели два умудренных мужа свой неторопливый разговор?

Так как я промолчал, Семен Михайлович сразу сделал правильный вывод:

— Ну, ясно!.. Он, конечно, незамедлительно поставил тебя чем-нибудь в тупик... Это он может! — самодовольно хохотнул счастливый отец и вдруг строго взглянул на возвращавшегося на одной ножке Костика.— Что за странный способ передвижения?

Ребенок мгновенно притих и опять уткнулся в Большую Советскую Энциклопедию.

— Послушай, сколько ему все-таки лет? — спросил я, стараясь выглядеть равнодушным.

По всей видимости, это мне не удалось, так как Семен Михайлович, быстро взглянув на меня, тотчас же принял воинственный вид.

— Так я и знал! — сказал он вдруг резко.— Вечно приходится

разъяснять самые элементарные вещи!

— Да, да, объясни, пожалуйста! — сказал я искренне.— Ничего не понимаю.

Монолог, который за этим последовал, я считаю необходимым привести полностью.

— Неужели ты не видишь, что ребенок феноменален? — так начал он с нарастающим воодушевлением.— У мальчика совершенно необыкновенные способности!

— Гм...— сказал я.— Разумеется...

— Слушай, я заметил это давно,— доверительно сообщил Семен Михайлович.— Как это ни парадоксально, но уже свои первые «уа, уа» этот человек сказал не как все, а с каким-то неподдельным воодушевлением! Да, да! Слово «мама» он произнес на 213-й день своего существования, в то время как обыкновенные дети начинают это говорить лишь в восьмимесячном возрасте. А как он учился ходить! Это же было поразительное зрелище, настоящая поступь будущего гения, ищущего своих путей!

У меня, видимо, был очень ошеломленный вид, потому что Тигранов сказал:

— Да, да, я тоже сначала не мог придти в себя от радостного изумления. Но потом подумал: в чем состоит моя задача? Ведь он, повторяю, не только чрезвычайно умен и талантлив, но и просто хороший мальчик... А посмотри, как он красив! Это уже, конечно, не от меня, а от Ирины,— добавил Тигранов великодушно.

— Гм...— пробормотал я неуверенно.— А тебе не кажется, что

такие разговоры в его присутствии звучат... гм... несколько не педагогично?

При этих словах Костик как-то странно ухмыльнулся и поспешно скорчил плаксивую гримасу.

— Какая чепуха! — воскликнул Семен Михайлович.— Именно в этом и состоит мой метод — максимально развивать его способности, заставлять его читать, будить его интерес ко всему и толкать, толкать без задержки вперед, а отнюдь не скрывать от него то, что он все равно узнает... Помнишь, как говорили древние римляне: богу — богово, а цезарю — цезарево!

Запахнувшись в широкий махровый халат, в туфлях, надетых на босу ногу, он был немного похож на римского сенатора. Внимая его красноречию, я в тот момент думал только об одном: дурачит он меня или говорит серьезно.

— Неужели я должен быть рабом условностей в отношении своего ребенка и подбирать для него мерки, пригодные для всех? — продолжал Семен Михайлович.— Меня просто бесят все эти надписи в кино «Дети до

16 лет не допускаются» или косые взгляды взрослых дураков, когда ребенок перебивает их или сообщает им малоизвестные для них вещи... Кое-кто даже склонен считать это невоспитанностью! Нет! Пусть другие родители создают тепличную обстановку для развития своих оболтусов, а мой может и должен знать все. Я и телевизор ему купил, и книги разные приношу, и рассказываю все, что знаю.

Он немного помолчал и сказал, почувствовав в моем подавленном молчании несогласие и упрек:

— Ну, разумеется, мальчику нелегко. Во всем, конечно, следует соблюдать меру. Ребенок есть ребенок! — При этом он тяжело вздохнул.— Например, спать его приходится укладывать в полдесятого, как закон...

Очевидно, эти непроизводительные затраты времени доставляли любящему отцу немалое огорчение, потому что, подумав, он сухо добавил:

— Ну, ничего, с будущего года будет ложиться в десять... Хватит уже нежиться в постели и терять время.

Эти слова возвратили меня к действительности, и я охотно принял их на свой счет. Быстро вскочив с дивана, я поспешил в ванную, чтобы принять душ.

За завтраком Семен Михайлович был обаятелен, Ирина Петровна предложила мне провести совместно с ними воскресный день.

— Нет, правда, — подхватил идею Тигранов.— Позавтракаем и махнем на машине в лес, за грибами. А оттуда к четырем — на «Динамо». Сегодня шведы играют, а мальчик их еще никогда не видел. Идет? Посмотришь, кстати, как он в футболе разбирается.

...Позавтракав, мы прошли в гараж, где стояла машина Семена Михайловича. Он нацепил на себя замасленный комбинезон, а Костик забрался на переднее сиденье и стал крутить штурвал руля. Мальчику это доставляло видимое удовольствие, и в тот момент он был похож на всех детей своего возраста.

— Что за пустое занятие! — возмутился отец.— Иди лучше помоги мне проверить зажигание.

Костик охотно повиновался.

— Соедини-ка провод на массу...

Через час машина была готова, и мы отправились за город. Теща, Ирина Петровна и я, тесно прижатые друг к другу, разместились на заднем сиденье, а Костик сидел рядом с отцом и пытливо поглядывал через ветровое стекло на окружающий мир.

Впрочем, вскоре эта дислокация несколько изменилась.

Когда мы выехали на шоссе, Тигранов неожиданно остановил машину и, освободив место за рулем, сказал с великолепной простотой:

— Садись-ка, Константин, а то я что-то устал...

Очевидно, это был главный сюрприз, приготовленный для меня.

— Гм...— сказал я не очень спокойно, но, покосившись на Ирину Петровну, остался в машине: каждый хочет быть немножко героем в присутствии красивой женщины.

— Можешь не беспокоиться,— небрежно кинул мне через плечо Тигранов,— Костик имеет права «юного автолюбителя».

А Ирина Петровна вынула из сумки картонное удостоверение с большой тисненой печатью и, как мне показалось, несколько насмешливо протянула его мне. Действительно, это были любительские права, и только надпись, стоявшая над номером справа, отличала их от обычных.

«Взрослый рядом»,— значилось в удостоверении.

Тем временем мальчик, плавно отпустив педаль сцепления и нажимая на педаль акселератора, уже вел машину по серой глади шоссе. Он заправски переключал передачи там, где это было необходимо, и лишь допускал некоторые, на мой взгляд, излишества в пользовании клаксоном. Дудел он, по крайней мере, у каждого столба...

Впрочем, даже эти сигналы не смогли меня отвлечь от нахлынувших вдруг мыслей.

«Ну, хорошо,— размышлял я,— когда за границей современные компрачикосы делают из детей «вундеркиндов», — это понятно. Но у нас?.. Зачем Тигранову весь этот... цирк?!»

И вдруг, перехватив в зеркале упоенный взгляд Семена Михайловича, который с неподдельным воодушевлением озирался вокруг, как бы вопрошая, видит ли природа его торжество, я понял все.

Это было... просто тщеславие! Да, да, самое обыкновенное родительское тщеславие, подобное тому, которое заставляет молодых отцов хвастать весом новорожденного, матерей — приходить в восторг от каждой пятерки, полученной сыном в школе, а меня... гм, гм... покупать моей Таньке обязательно голубые банты к ее очаровательно синим глазкам. Чувство, свойственное в определенных дозах огромному большинству людей!

Я содрогнулся при этой мысли. Черт возьми, значит, Тигранов пошел лишь несколько дальше по тому пути, на который, становясь отцами, вступаем все мы?.. Значит, стоит мне только дать волю моим невинным восторгам по поводу внешности моей дочери, и она... Бр-р-р!

Я твердо решил про себя не покупать больше никаких бантов. И посмотрел на Тигранова с тем смешанным чувством превосходства и... понимания, которое испытывает, вероятно, человек, любящий выпить, при виде пьяницы, валяющегося под забором...

Когда мы подъехали к очень симпатичному и довольно густому бору, раскинувшемуся по обе стороны шоссе, Костик дал последний пронзительный сигнал и остановил машину у обочины.

Затем, взявшись за руки, со своим восторженным отцом юный гений удалился в лес, дабы собирать грибы и одновременно познавать мир в его дальнейших апперцепциях.

Мы пошли в этих же целях вдвоем с Ириной Петровной, а молчаливая теща осталась караулить машину...

На обратном пути у нас случилась маленькая авария — лопнула шина. Помогая Тигранову сменить поврежденное колесо, я вынул из багажника запасное, приподнял его, и... тут меня тоже осенила гениальная мысль (очевидно, это случается с простыми смертными в обществе гениев).

Я тотчас же осуществил эту мысль.

— Неси! — озорно приказал я Костику и положил ему на руки тяжелое колесо. — Поставь у передней ступицы.

Как я и ожидал, в тот же момент к нему испуганно бросились папа и мама.

— Как можно? — возмутилась Ирина Петровна.— Ребенок ведь надорвется!

Тигранов тоже метнул на меня гневный взгляд.

Однако лицо его, когда он сел потом в отремонтированную машину рядом с водителем, уже не выражало столько гордости и достоинства. На нем даже отражалось какое-то смущенное раздумье.

Я ухмыльнулся с удовлетворением.

Впрочем, кто его знает, о чем он думал, этот «взрослый рядом»? Может быть, и просто о том, как теперь повысить еще и... становую силу своего феноменального ребенка?

А Костик, быстро набрав скорость, мчал нас по шоссе, мимо лесов и перелесков, в которых обычные дети собирали просто грибы, мимо оврагов и речушек, в которых резвились мальчишки... Мимо своего детства.

СЕРБСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

КРЕСТЬЯНИН И ГОСПОДИН

Один крестьянин, промотавший все отцовское наследство, должен был пойти работать по найму. Подыскал он богатея-простака и стал проситься к нему в услужение, а господин ему говорит:

— Работник-то мне нужен, да только что ты делать умеешь?

— Я и готовить и печь по-всякому могу,— ответил крестьянин.

— А какое жалованье в год запросишь?

— Сговоримся на том, что ты мне будешь двенадцать цехинов в год давать и, кроме того, кормить и одевать.

Богачу понравилось, что работнику не много платить придется, и он взял его к себе.

На следующий день рано утром встали все слуги, за ними домочадцы, а потом и сами господа поднялись, а нового работника нет нигде. В полдень хозяин, разозлившись, пошел его будить, отворил дверь, смотрит, работник сидит голый, сложа руки, на кровати.

— Это так ты мне служишь?

А работник и отвечает:

— Господин, я тебя с раннего утра в таком виде дожидаюсь: уговор дороже денег!

— Какой еще уговор?

— Да ведь ты сказал, что меня одевать и кормить будешь,— так вот я и жду, когда ты придешь меня одеть!

УМНОЙ ЖЕНЩИНЫ ИНОГДА МОЖНО ПОСЛУШАТЬСЯ

Один герцеговинец спросил судью, надо ли жены слушаться. Судья говорит: не надо. Тогда герцеговинец сознался:

— Вот и я так же подумал. Утром жена мне наказывала отнести тебе горшок масла, а я не послушался ,и хорошо, значит, сделал.

— Умной женщины иногда можно послушаться,—заметил судья.

КАК У ВАС ХОЛОДНАЯ ПОПАРА[1] НАЗЫВАЕТСЯ!

Спросили одного мальчика:

— Как у вас холодная попара называется?

— А мы ей никогда остыть не даем,— ответил он.

ЧТО С ТОБОЙ!

Один человек, у которого болел зуб, встретил своего знакомого — тот орал благим матом.

— Что с тобой? — спросил первый.

— Меня змея укусила,— ответил тот.

— Велика беда, я думал, что у тебя тоже зуб болит!

А ПУСТЬ НЕ ШИПИТ НА СВЯТОГО!

Хорек дал обет не есть больше дичи и отправился в пустыню. По дороге к святым местам встретил он гусака; тот, вытянув шею, стал шипеть на хорька. Хорек, недолго думая,— цап — и загрыз его. Когда хорька привели на суд и спросили, зачем он так сделал, раз дал обет, хорек ответил:

— А пусть не шипит на святого!

Перевела с сербского Татьяна Вирта.

[1] Попара — каша из кукурузного хлеба.

«Календарь школьника»

У нового года много примет. Одну из них можно определить по календарю: новый, толстый, пахнущий свежей типографской краской календарь означает начало года; тощий, старенький, выгоревший — конец. Сейчас во многих домах появилось сразу два календаря: взрослый и детский. Советские ребята получили свой полноправный толстый отрывной календарь — «Календарь школьника».

Детский календарь энциклопедичен. Он даст ребятам много новых интересных знаний. На его страничках рассказывается о жизни замечательных людей и об исторических событиях, о путешествиях и открытиях, о подвигах в бою и труде. По всему «тому» проходят странички календаря природы, лаконично и образно написанные тонким знатоком природы писателем Виталием Бианки. Рядом с этими поэтичными страничками имеется и немало практических: как вырастить кукурузу и как бороться с врагами садов и огородов, как устроить кормушку для птиц зимой и множество других советов. Полезные советы даст новый календарь и юным техникам, и рукодельницам, и шахматистам, и спортсменам. В календаре есть специальные рубрики: «Сделай сам», «Умелые руки».

«Календарь школьника» не только маленькая энциклопедия, но и маленькая хрестоматия. На его страничках стихи, рассказы, сказки, загадки и шутки, тексты песен, любимых советскими ребятами.

Внутри календаря «выходят» два своих маленьких журнала: сатирический журнал «Ежик» и «Страничка для маленьких». Номера этих журналов будут приходить к ребятам точно в срок. Журнал «Ежик» — издание иллюстрированное. Наряду со стихами и смешными рассказиками в нем есть карикатуры, шаржи, посвященные нерадивым школьникам. В календаре немало и другого забавного материала: кроссворды, шарады, головоломки, загадки.

Новый календарь висит на стенке, он приступил к выполнению своих прямых календарных обязанностей. Пожелаем ему весело шелестеть своими днями-страничками! А редакции календаря в качестве новогоднего пожелания (а пожелание это уже на 1957 год) хочется посоветовать давать еще больше забавного, веселого материала, больше привлекать любимых ребятами писателей, живее оформлять каждую страничку своего нового трехсотшестидесятишестистраничного тома.

Юрий ЯКОВЛЕВ

Молоко без тары

Якутяне шутят: «Зима у нас продолжается только 9 месяцев в году, а в остальное время — все лето, лето и лето». Сейчас температура воздуха ниже 50° по Цельсию. Тем не менее город Якутск живет своей жизнью. Ребята ходят в школу, работа нигде не прекращается, из окрестных деревень на колхозный рынок ежедневно приезжают на заиндевевших крепких якутских лошаденках колхозники и привозят мясо, молоко, овощи.

Мясо мороза не боится, овощи заворачивают в меха. А вот молоко на таком морозе в жидком виде не сохранишь. При покупке молока вам не надо ни бутылок, ни бидонов. Оно продается замороженным в виде больших плошек или куличей. Вы кладете молоко, завернув в бумагу, прямо в сумку, не боясь, что оно расплескается.

Я сфотографировал такую любопытную картину продажи молока на базаре. В это утро температура в Якутске была — 53° по Цельсию.

Я. РЮМКИН

В этом номере на вкладках: репродукции картин И. Е. Репина «Украинка», И. К. Айвазовского «Штиль», С. Ю. Жуковского «Лесное озеро», А. М. Васнецова «Осенние листья», изделия народных мастеров Китая и две страницы цветных фотографий.

ПО ПРИВЫЧКЕ

— Улыбнитесь. Снимаю!
Рис. Ю. Узбякова.

Пленники

Два дня бесновалась вьюга. На третьи сутки перед рассветом ветер неожиданно стих, небо сбросило непроницаемое покрывало... Вскоре заалел восток, погасли последние звезды, и из-за бугра выкатилось огромное красное солнце.

Я закинул за спину одностволку, стал на лыжи и направился к лесу. Мороз сердито хватал за нос, обжигал щеки. Приглаженный поземкой снег блестел так, что слепил глаза.

Лыжи легко скользили по твердой корке, не оставляя за собой следа. Перед опушкой леса я уже зорко всматривался в верхушки берез, не сидят ли на них тетерева. Они любят в это время отдыхать на березах и лакомиться почками.

Но тетеревов нигде не было видно. Я вспомнил их любимую старую березу, где они чаще всего отдыхали, и направился к ней.

Старая береза стояла особняком. Под ее раскидистой кроной было так чисто, будто кто подмел метлой. Никаких признаков того, что здесь побывали птицы.

«Да где же они?» — подумал я и машинально стал тыкать палкой в сугроб. Утрамбованная корка напоминала мартовский наст. Она хрустела и с трудом поддавалась. Воронка все расширялась и расширялась.

Вдруг снег в воронке приподнялся, из нее ракетой вырвалась птица и бойко захлопала крыльями.

От неожиданности я отпрянул назад, затем торопливо стал расширять воронку.

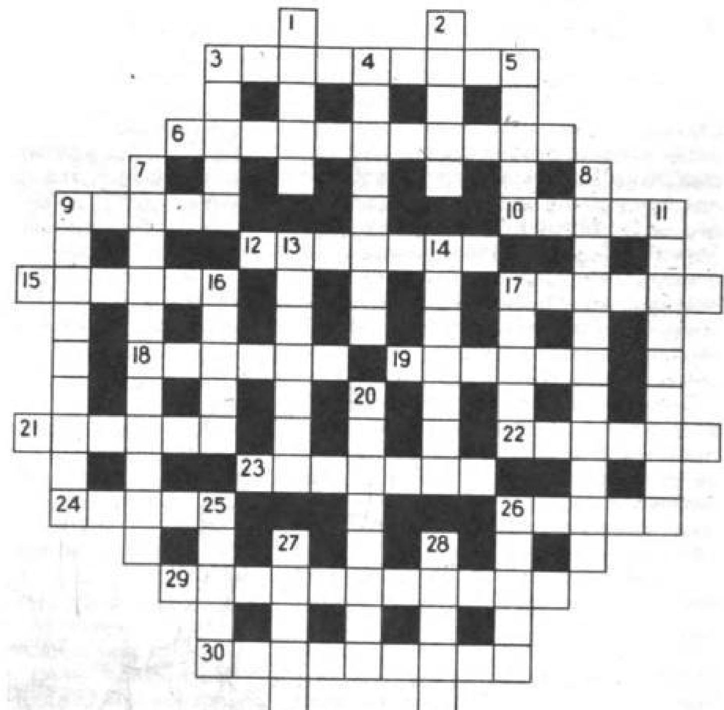
Через минуту вылетела пара тетерок, а за ними еще одна птица.

Я оставил лыжи и, по пояс утопая в снегу, стал разрыхлять его. Из-под моих ног вылетела еще одна курочка, а за нею черныш. Сколько же их скрывается под этой крепкой броней? Мне хотелось как можно скорее освободить из снежного плена и остальных узников. Ведь случается, что так погибает много птиц. Зароются в снег, прячась от метели и вьюги, а обратно не выбраться: ледяная корка не пускает... Не щадя сил, я проложил в сугробе глубокие борозды. Еще несколько пар тетеревов взмыло ввысь.

Когда я по всему сугробу, вдоль и поперек, проложил траншеи, тогда только почувствовал усталость. Пот градом катился по моим щекам. И только тут я вспомнил о ружье. Оно бесцельно висело за спиной.

С. МИНАЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Часы. 6. Искусство танца. 9. Хлопчатобумажная ткань. 10. Молочный продукт. 12. Музей в Ленинграде. 15. Химический элемент. 17. Денежная единица в древней Руси. 18. Сборка и установка. 19. Очень большое количество. 21. Минерал. 22. Порода охотничьей собаки. 23. Воинское подразделение. 24. Болгарский поэт, лауреат Димитровской премии. 26. Город в Крымской области. 29. Подбор товаров, изделий. 30. Большая морская птица.

По вертикали:

1. Гавань и курорт на Черном море. 2. Советский скульптор. 3. Защитная облицовка. 4. Показатель степени. 5. Произведение печати. 7. Измерение продолжительности трудовых процессов. 8. Строительное искусство. 9. Река в США. 11. Типографский шрифт. 13. Цветок, употребляемый в медицине. 14. Русский композитор. 16. Ансамбль. 17. Голландский живописец. 20. Часть глаза. 25. Малая планета. 26. Геометрическое тело. 27. Единица измерения напряжения электрического тока. 28. Сильный вихрь.

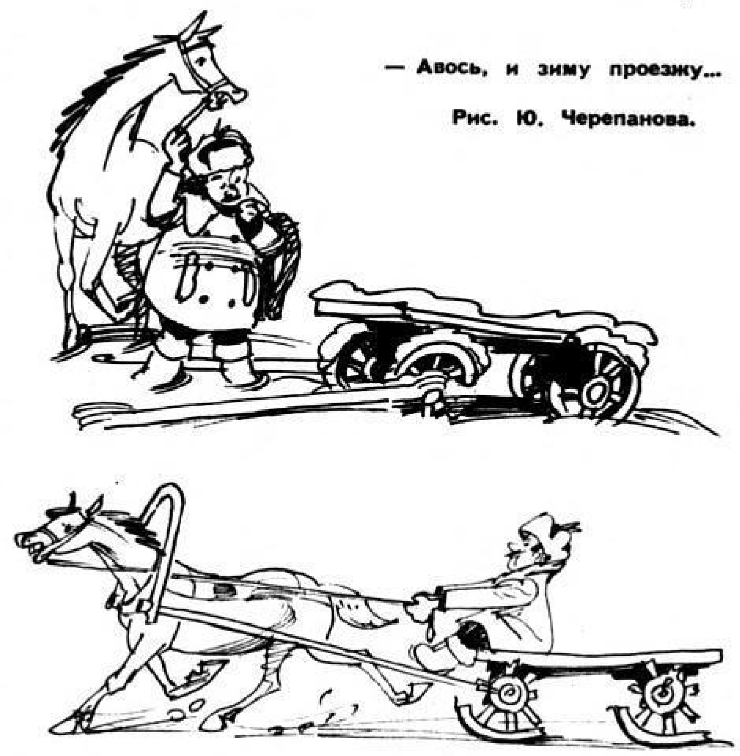
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 2

По горизонтали:

7. Персонал. 8. Стортинг. 9. Электроника. 11. Греки. 12. Скарн. 13. Слябинг. 15. Полонез. 16. Гравюра. 17. Ливанов. 19. Пльзень. 23. Драцена. 24. Докер. 26. Рифма. 27. Реставрация. 28. Мантисса. 29. Курочкин.

По вертикали:

1. Нейтрино. 2. Колли. 3. Плитняк. 4. Истомин. 5. Аракс. 6. Инвертор. 9. Экономайзер. 10. Активизация. 13. Сфероид. 14. Горелка. 18. Индостан. 20. Норматив. 21. Бабадаг. 22. Метрика. 25. Редис. 26. Ритор.

— Авось, и зиму проезжу...

Рис. Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 00705. Подп. к печ. 11/I 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 73. Заказ № 3252. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Свидание
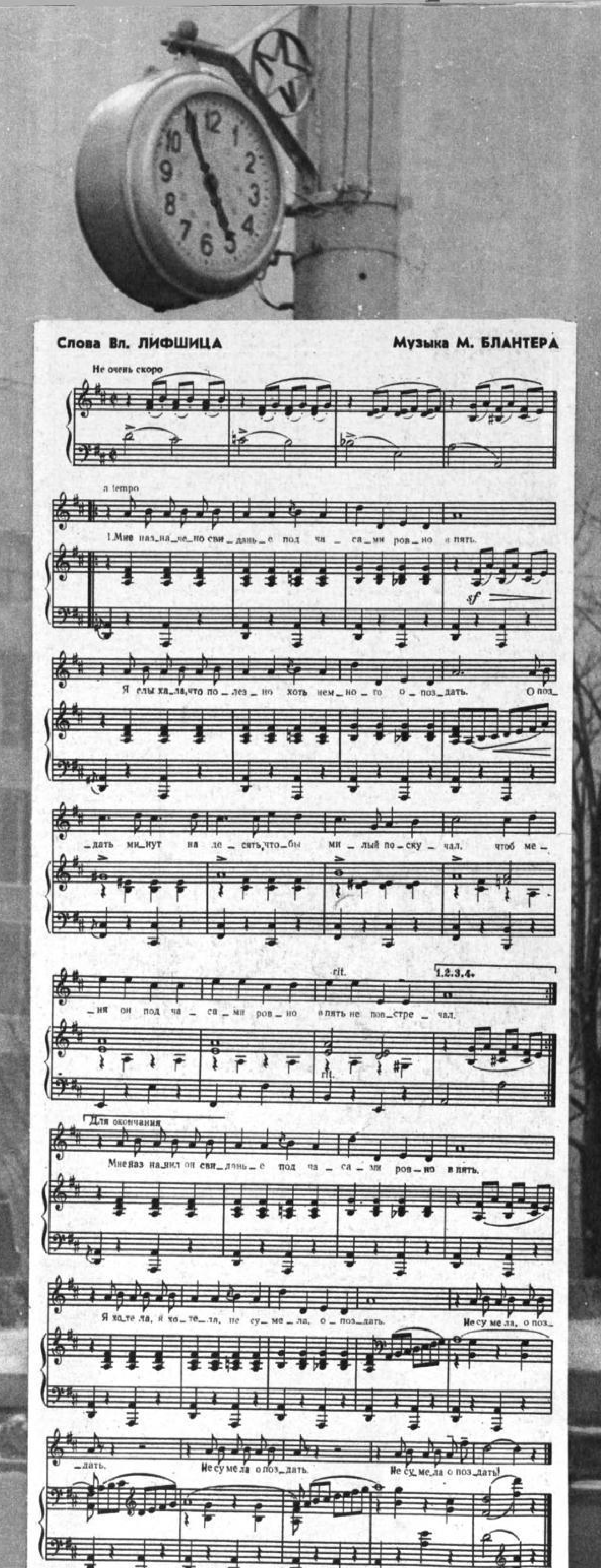
Мне назначено свиданье
Под часами ровно в пять...
Я слыхала, что полезно
Хоть немного опоздать.
Опоздать минут на десять,
Чтобы милый поскучал,
Чтоб меня он под часами
Ровно в пять не повстречал.

Пусть походит, пусть побродит
У прохожих на виду.
Пусть подумает, что, может,
Я и вовсе не приду...
Мне назначил он свиданье
Под часами ровно в пять.
Я хотела, я хотела —
Не сумела опоздать...

На свиданье я примчалась,
Опоздать я не смогла.
Без пяти я оказалась
У заветного угла.
Мои щеки раскраснелись,
Растрепались две косы...
Вижу, ходит, вижу, бродит,
Вижу, смотрит на часы!

— Я тебя, моя родная, —
Говорит он,— подстерег!
Я тебя, моя родная,
Поджидаю с четырех!
Я не помню, шел ли дождик,
Я не помню, шел ли снег,
Только помню, что была я
В этот миг счастливей всех!

Мне назначено свиданье
Под часами ровно в пять.
Я хотела, я хотела —
Не сумела опоздать...
Не сумела опоздать...
Не сумела опоздать...
Не сумела опоздать!

Цена номера 3 руб.